СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ш.А. Амонашвили,

доктора психологических наук, профессора, академика РАО

В 20 КНИГАХ

Редакционная коллегия:

- М. В. Богуславский, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (главный редактор);
- В. Г. Александрова, доктор педагогических наук, профессор;
- Д. Д. Зуев, профессор, член-корреспондент РАО;
- В. Г. Ниорадзе, доктор педагогических наук, профессор, академик АПСН

Рекомендовано:

Редакционно-издательским Советом Государственной Академии Наук «Российской академией образования» (решение № 18/27 от 11.04.2011)

Москва

ОСНОВЫ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Книга 6

Педагогическая симфония

Часть 3

Единство цели

2-е издание

Москва

Амрита-Русь 2017 УДК 371 ББК 74.2 A62

Амонашвили Ш.А.

А62 Основы гуманной педагогики. В 20 кн. Кн. 6. Педагогическая симфония. Ч. 3. Единство цели / Шалва Амонашвили. — 2-е изд. — М. : Свет, 2017. — 304 с.

ISBN 978-5-00053-841-8

Вся жизнь и творчество Ш.А. Амонашвили посвящены развитию классических идей гуманной педагогики, утверждению в педагогическом сознании понятия «духовного гуманизма». Издание собрания сочинений автора в 20 книгах под общим названием «Основы гуманной педагогики» осуществляется по решению Редакционно-издательского Совета Российской академии образования. В отдельных книгах психолого-педагогические и литературные творения группируются по содержанию.

Шестая книга включает в себя три произведения: «Здравствуйте, Дети!», «Как живете, Дети?» и «Единство цели». Они посвящены подробному описанию занятий Ш.А. Амонашвили с детьми в школе и за ее стенами. В книге вы найдете рекомендации, как привить ребенку любовь к учению, желание совершенствоваться и помогать другим.

Эта книга, как и все издания, обращена к широкому кругу читателей: учителям, воспитателям, работникам образования, студентам, ученым.

УДК 371 ББК 74.2

Источник вдохновения

(31 августа)

Чтобы и мне было чем поделиться

Кончаются летние каникулы. Чем я был занят все три месяца?

Вместе с друзьями ходил в походы в горы Сванетии. Я видел не поддающуюся описанию красоту родной природы: водопады, ущелья, горы. А люди — добрые, простые, гостеприимные, с достойными уважения традициями. Как-то проходили мы вечером мимо одного дома, а там во дворе девушка доила корову. Увидев нас, она предложила нам выпить свежего молока, попросила войти в дом, быть гостями. Подошел глава семейства, старик — высокий, худой, с длинной бородой. С доброй улыбкой обратился он к нам: «Скоро стемнеет, я не советую продолжать дорогу. Это опасно. А утром рано мои внуки проводят вас!»

Семья приняла нас радушно. И я наблюдал, с каким почтением относились члены семьи друг к другу, как сдержанно вели себя дети с гостями, с какой осторожностью и уважением обращались сыновья к старейшине семьи.

Из Сванетии я привез много слайдов: на них сванские башни и горы. Я сфотографировал детей, которые пасут стада коров на склонах гор, везут на лошадях мешки с зерном на мельницу, убирают картошку на огороде, плетут корзины,

вяжут шерстяные сванские носки с красочными узорами и, конечно, играют, танцуют.

Во время похода я все думал о своих учениках. Вот я, любуясь величием ледяных вершин, споткнулся о камень и чуть было не свалился в глубокое ущелье. Мне было вовсе не до смеха, но только я пришел в себя, как мое воображение сразу заполнили Гига, Лела, Кота, Магда, Тенго, Эка... И этот случай я уже мысленно пересказываю им с увлечением и в смешных тонах. В моих ушах звенит их смех, и я выслушиваю умные предостережения Майи, Теи, Ии: «Шалва Александрович, вы же сами учите нас, как надо ходить, быть осторожными. Разве так можно?» Нет, конечно, нельзя, но зато у меня тоже есть о чем рассказать детям. Давно я следую наставлению, которое даю себе сам: учитель, возвращайся с летних каникул с новыми впечатлениями, чтобы тебе было чем поделиться со своими учениками.

Вот наступит первое сентября, мы опять соберемся в школе. Дети будут рассказывать мне о летних каникулах, а я расскажу им о людях и природе Сванетии, о сванских вершинах, башнях, легендах, о детях и мудрецах с длинными бородами, покажу слайды, и дети увидят, как я восхищен природой и людьми моей Родины. Мне так же не терпится поделиться своими впечатлениями с моими ребятишками, как и им со мной.

Каждый день я получаю от них письма и отвечаю им. Когда я вернулся из Сванетии, то в почтовом ящике обнаружил 35 писем. Всю ночь я писал ответы, сообщал каждому, что у меня тоже есть о чем рассказать, когда соберемся в школе. Да, нам всем не терпится поскорее встретиться.

Познать свою профессию

В Сванетии стоял я у подножия одной безымянной горы, похожей на старого человека, опирающегося на палку. И эта

безымянная гора посреди других, каждая из которых имеет свое знаменитое имя — не то Шхелда, не то Ушба — навеяла мне мысли о моей любимой учительнице словесности, а точнее, человечности.

Прошло уже более сорока лет с тех пор, как она заходила в наш класс, и мы все, без исключения, с нетерпением ждали ее, ибо уроки Варо Вардиашвили возвышали нас. Если мы изучали Николоза Бараташвили или Галактиона Табидзе, то уроки превращались в литературные утренники художественного чтения, если нам было задано сочинение, то уроки принимали вид литературных конференций. И литературу мы впитывали не как область знаний, а как личностную позицию, концепцию, мировоззрение. Наша добрая и величественная «тетя Варо» сделала литературу для каждого из нас зеркалом своей души: загляни в нее, и ты увидишь, какой ты есть, каким ты должен стать.

Были годы конца войны и послевоенные, сложные, полные горечи утрат и счастья победы. И «тетя Варо» — наша учительница словесности и человечности — стала для нас родным человеком. Мне тогда казалось, что я у нее один. Она знала, что отец у меня погиб на фронте, что в семье нужда, что маме моей нелегко воспитывать двоих детей. Конечно, она знала все это. Каждую неделю я бывал у «тети Варо» дома — то приносил свой доклад для литературного кружка, то новые мои стихи, чтобы она первая прочла и оценила их, то заносил ей стопку тетрадей с нашими контрольными, и она поручала мне читать контрольные работы, помогать проверять их. И всегда угощала меня чаем, чем-нибудь вкусным или просто куском черного хлеба. Я стеснялся, краснел: «Спасибо, у нас все есть!» — и хотя знал, что она делится со мной куском хлеба из своей трехсотграммовой нормы, тем не менее, моя «тетя Варо» умела так подойти ко мне, так предложить, что мне бывало неудобно отказаться. Она давала мне книги, чтобы я прочел их и высказал свое мнение, дарила

книги с надписями «Моему умному ученику», и я старался оправдать доверие любимого человека.

Каким бы я мог стать человеком, не будь в моей жизни Варо Вардиашвили?

Позже я узнал, что, оказывается, многие другие бывшие ученики «тети Варо» тоже задают себе этот вопрос. С ними она тоже делилась куском хлеба, им тоже давала читать книги, просила пойти в театр вместе с ней.

Трудно сказать, как сложилась бы моя жизнь, но зато мне вовсе не трудно понять, почему я стал педагогом и почему ищу пути к сердцу детей. Потому, что Варо Вардиашвили живет во мне. Каждый раз, когда я прохожу по тихой тбилисской улице Казбеги, я останавливаюсь перед старым двухэтажным домом. Знаю, что в той маленькой двухкомнатной квартире на втором этаже «тетя Варо» уже не встретит меня, не улыбнется своей сдержанной обаятельной улыбкой. Останавливаюсь, чтобы склонить голову в память волшебницы мастерства воспитания и проговорить про себя: «Спасибо тебе, любимый Человек, созидатель моей личности, что одарила меня своей любовью к детям!»

Она живет во мне не как память, а как стремление, поиск, наступление, вера. И когда мне бывает трудно, то могу закрыть глаза, вызвать в своем воображении ее доброе и умное лицо и посоветоваться с ней: нам вдвоем почти всегда удается решать самые сложные проблемы воспитания школьников...

У подножия безымянной горы я вдруг задумался о сути своей профессии учителя, воспитателя, педагога. Вокруг — горы, одна выше другой, у многих макушки покрыты вечным снегом, некоторые скрываются в облаках. Наверное, небо потому и не падает на землю, что они держат его на своих плечах. И все эти горы, величественные, возвышенные, может быть, бывшие ученики старой, сгорбившейся горы?

Не в этом ли судьба настоящего учителя? Ученики, вначале не владеющие даже чтением, даже простым счетом, не

умеющие правильно и складно говорить, точно высказываться, — с помощью своего учителя постепенно набирают интеллектуальную силу, впитывают знания и делают рывок ввысь, к небу. Учитель счастлив, горд: это мои бывшие ученики: вот Ушба, вот Шхелда, а это Казбек! А сам приступает к воспитанию новых учеников, готовит их к взлету.

Ученики идут дальше, а учитель остается в школе. И может показаться, что учитель отстал от них. Да, возможно! Бывшим ученикам, теперь уже взрослым и самостоятельным людям, предписано творить, строить, обогащать человеческую культуру. А учитель опять обучает детвору (может быть, уже внуков и внучек бывших своих учеников) грамоте, счету. Каждый раз подставляет спину ученикам наподобие взлетной площадки и еще каждому дает в путь частицу своей души и сердца. И если встретишься, учитель, на улице со своим бывшим учеником, ставшим Ушбой, то не стыдись своей профессии.

Гордись, учитель: все Ушбы и Шхелды, поддерживающие на своих богатырских плечах небо, чтобы оно не упало на землю, стоят на твоей спине. Они знают это и верят, что опора никогда не подведет.

Аюблю сравнивать свою профессию учителя, воспитателя, педагога с разными другими профессиями. Это дает мне возможность углубиться в суть педагогической жизни. Хочешь осознать, чему ты служишь? Тогда сравнивай свою службу, с точки зрения общественных ценностей, с профессиональной службой других, и ты почувствуешь, как важна и неповторима твоя жизнь для общества.

Раньше я сравнивал свою профессию с профессией врача. Тогда я сформулировал тест для самовнушения: «Будь осторожен! Не ошибись! Не вреди! Будь надеждой для школьников!» Эти слова я повторяю каждое утро, когда иду в школу, каждый раз, когда возникает сложная педагогическая ситуация.

Имеет ли право врач ошибаться, когда осматривает пациента, в частности ребенка, и ставит диагноз? Ну конечно, не

имеет такого права, это же ясно как день! Однако он может ошибиться, и причиной тому становится в одном случае сложность и неопределенность болезни, в другом — малоопытность врача, ограниченность его знаний, его неосведомленность в поисках коллег и даже халатное отношение к делу. Вот и поставит врач неправильный диагноз, что повлечет за собой неправильный курс лечения и, стало быть, ухудшение здоровья ребенка.

Так же и педагог, размышлял я, не имеет права выбирать свои воспитательные и обучающие методы и средства, если он заранее хорошо не изучит ребенка. Давно великий Ушинский определил педагогическую аксиому: «Если мы хотим воспитать ребенка всесторонне, так же всесторонне нужно его изучать».

Сравнение моей профессии с профессией врача помогло мне глубже осознать, как необходимо владеть педагогическим мастерством. Ставя точный диагноз, врач может выписать больному уже известные лекарства, способствующие излечиванию от этой болезни. Я же — педагог — обязан изучить ребенка всесторонне, то есть изучить не только его индивидуальную психологию и характер, но и его индивидуальную жизнь, среду, в которой формируется его характер, и одновременно строить правильный воспитательный процесс.

...Настоящий артист заставляет зрителей забыть, кто он есть на самом деле, и потому спектакль, поставленный на сцене, превращается для них в окно в жизнь. Достаточно артисту отдаться личным жизненным переживаниям, — и это окно тут же разобьется вдребезги. Артист на сцене принадлежит не самому себе, а зрителям и своему герою. Разве это не закон в профессии артиста?

А профессия учителя в этом смысле более сложная. Он тоже принадлежит, но не тем людям, которые для артиста имеют общее имя «зритель», а детям, которые для него обозначены конкретными характерами, вроде моих Эки и Ники, Виктора и Марики, Дато и Русико, Котэ и Теки, Нии и Сандро... В течение ряда лет учитель не расстается со свои-

ми детьми-учениками. Он и не может расстаться, ибо в таком случае будет прерван педагогический процесс, то есть процесс становления человека и познания им жизни. «Дари себя детям!» — вот к чему привело меня сравнение профессии педагога с профессией артиста.

Попытался я сравнить свою профессию с профессиями архитектора, строителя, агронома, геолога, астронома. Представлял, что я так же проектирую и строю детскую душу, как проектируют и строят здания архитекторы и строители. Но вскоре я отказался от таких мыслей, так как люди этих профессий имеют дело с неживой действительностью, которая без сопротивления поддается их богатому воображению и практическому творчеству. Мне же приходится общаться с маленьким человеком, который носит в себе свои планы, мечты и стремится к их осуществлению, самоутверждению. Нет, учитель не архитектор, инженер и строитель детской души, так как эта душа не представляет собой набора стройматериалов. Она в действительности есть живая душа, страсть, преобразующая и созидательная сила. Ее нужно не строить, а обогащать, развивать, вселять в нее идеалы, убеждения, прививать ей любовь к людям, природе, жизни.

Хотя сопоставление профессии педагога с профессиями архитектора, строителя, а также геолога и астронома выявило больше различий, чем сходства, все же оно принесло мне пользу. К содержанию теста для самовнушения я прибавил еще следующие фразы: «Знай, к чему стремишься!», «Постоянно ищи в ребенке богатство его души!», «Будь терпелив в ожидании чуда и будь готов для встречи с ним в ребенке!».

Так каждое сравнение моей профессии с профессиями других оставляло мне какое-нибудь правило. Затем я сгруппировал их и получил памятку следующего содержания:

Будь осторожен! Не ошибись! Не вреди! Будь надеждой для школьника! Дари себя детям! Знай, к чему стремишься!

Постоянно ищи в ребенке богатство его души! Будь терпелив в ожидании чуда и будь готов для встречи с ним в ребенке!

Когда я записал «Не вреди!», то задумался: а стоит ли советовать учителю, чтобы он не вредил своим ученикам? Какой же он тогда педагог и воспитатель? Но мне вспоминается заседание одного методического объединения учителей начальных классов, на котором были заслушаны два доклада. В них учителя делились своим (неудобно сказать «опытом») педагогическим недоразумением.

Одна учительница бойко рассказывала, как она внушает своим второклассникам веру в педагога. Дети изучали тему о перелете птиц. Они узнали, что осенью ласточки, соловьи, грачи улетают в теплые края, там они «зимуют», а весной снова возвращаются к нам. Им приходится лететь тысячи километров, лететь над морями, многие гибнут в дороге. И вот после рассказа учительницы кто-то из детей высказал удивление: как же так долго и далеко могут лететь соловьи, маленькие и слабые птички. Учительница ответила: «Понимаете, дети, более сильные птицы приходят к ним на помощь!» — «Как?! — прервали дети учительницу. — Разве ласточки могут прийти на помощь соловьям?!» — «А почему бы и нет? Сильные ласточки сажают себе на спину слабеньких, еще не окрепших соловьев и так летят над морями!»

Один мальчуган попытался усомниться в этом: «Не может быть... Такого не бывает... Они же разные птицы!» Здесь и начала учительница воспитывать в детях веру в учителя. «А ты не прав, — сказала она мальчику, — не только ласточки, но и орлы помогают слабым птицам перелетать через моря...» — «Как?! Орлы хищные птицы, они могут съесть соловьев... Орлы неперелетные птицы... Они никуда не летят...» И учительница поделилась с нами тем, как можно методически вредить детям. «Я серьезно объяснила им, — рассказывала она нам, — что орлы, правда, хищные птицы, они, правда, неперелетные птицы, но осенью, по воле природы, они становятся

добрыми. Каждый орел сажает себе на спину нескольких слабых соловьев и так везет их через горы и моря. Доставит их в теплые края, а сам сразу возвращается обратно! Я заметила, — добавила она, — что некоторые не поверили мне, и стала искать возможность закрепить их веру в своего учителя. Нашла подходящий случай: в газете сообщалось, что в зоопарке лев приютил щенка, проявил к нему заботливость, воспитал. Прочла эту заметку детям и сказала: помните, я вам говорила, как даже хищные птицы становятся добрыми и помогают слабым птицам перелетать через моря. Вот вам еще одно доказательство, теперь уже из жизни хищных зверей. После того, как я прочла детям заметку из газеты, дети поверили, что их учительница все знает, ни в чем не ошибается».

Коллеги задали ей вопрос: «Как вы смотрите на то, что у ваших учеников создалось ложное впечатление о жизни перелетных и хищных птиц? Дети рано или поздно все равно узнают, что вы говорили им неправду. Хорошо ли это?» И учительница сказала уверенно: «Да! Нужно, чтобы дети верили каждому слову учителя, даже неверному, иначе есть опасность, что воспитательный процесс исказится!»

Вторая же учительница рассказала нам, как она воспитывает у своих третьеклассников отрицательное отношение к частнособственническим тенденциям. Представьте такое: мальчик прочел «Робинзона Крузо» и делится с учительницей своими впечатлениями. Он восхищен мужеством, находчивостью, терпением человека, оказавшегося на необитаемом острове. Готов отдать все, лишь бы самому пережить нечто подобное. А учительница говорит ему: «А ты знаешь, что Робинзон Крузо был частным собственником?» — «Это почему?!» — удивляется сообразительный мальчик. «Да потому, что все он делал только для себя, имел даже слугу — Пятницу, собирал и хранил урожай... Он овладел островом, значит, он стал землевладельцем, капиталистом... Вот каким он был, Робинзон Крузо!»

Учителя-коллеги запротестовали: как можно так искажать идею произведения! Но учительница стояла на своем: «Надо уметь связывать с задачами воспитания любые литературные примеры!»

Слушая доклады этих учительниц, я все думал о том, в каком положении оказались бы они, если бы завели те же самые разговоры с моими учениками. Ой, какой бы возник скандал: дети наотрез отказались бы согласиться с такими утверждениями, учительницы же упорно старались бы вдолбить им свою правоту, и, в конце концов, они пожаловались бы мне, что в моем классе дети недисциплинированные, не хотят верить учительскому слову. Думал еще об учениках этих учительниц: как, наверное, скучно им на уроках, и если у них остался здравый смысл (в этом я не хочу сомневаться), то как они втайне высмеивают своих учительниц.

Не вреди своим ученикам, учитель, из-за ложного самолюбия, из-за ложного понимания своего авторитета, из-за своего педагогического невежества! Это недостойно тебя, твоей профессии. Не создавай в их представлении искаженную картину действительности, тьму, в которую с трудом проникает истина. С такой головой ребенок будет спотыкаться о каждый камень, он измучится в жизни, будет вспоминать вас недобрым словом!

Три источника, ведущие к профессиональному мастерству

И в летние каникулы я занимался совершенствованием своего педагогического мастерства.

Дети перешли в 3-й класс, значит, повзрослели. У нас появятся новые дела, обогатится школьная жизнь. Вот и нужно приготовиться к этому, чтобы моя предстоящая работа с ними не была повторением той, что я делал в прошлые годы с тогдашними третьеклассниками. Буду повто-

ряться или нет — об этом мои сегодняшние школьники, конечно, никогда не узнают, в этом смысле я могу быть спокоен и потому могу не утруждать себя поисками новых планов, мыслей, форм.

Но разве в этом дело?

Я не только должен двигать вперед моих учеников, но и сам хочу идти вместе с ними. Сохранить оправдавшиеся принципы, методы, приемы, конечно, необходимо, но необходимо также шлифовать их, в совершенстве овладеть ими, обогатить их новым опытом, новыми замыслами. Мое движение вперед нужно и детям, и мне.

Если я буду повторяться, то может произойти самое неприятное: мне самому станет скучно и неинтересно в организованном мною педагогическом процессе. Мое же настроение сразу отразится на детях. Свою задачу я вижу в том, чтобы возбудить в моих учениках познавательный интерес, разжечь в них жажду знаний, увлечь школьной жизнью. Но как я могу сделать это наиболее успешно, если меня самого не будет направлять интерес — познать свои педагогические способности, определить их, восторжествовать над самим собой? Человек может жить своей профессией только тогда, когда он стремится познать через нее самого себя, и, кстати сказать, именно таким путем он может принести наибольшую пользу обществу. И чтобы жить своей профессией так, нужно стать мастером своего дела. А что значит быть мастером своего дела, мастером педагогического труда?

Мои размышления по этому поводу приводят меня к следующим выводам.

Быть мастером педагогического дела — значит иметь исходную педагогическую позицию своей деятельности. Чем моя позиция будет общественно более ценной и оптимистической, тем глубже отразятся в ней мысли и чаяния прогрессивной педагогики, идеалы моего общества, современной педагогической и психологической науки. Для себя я уже определил эту позицию — она есть личностно-гуманныи, а не

императивный подход к детям в педагогическом процессе. Это во-первых.

Быть мастером педагогического труда — значит владеть методикой, технологией реализации исходной позиции в педагогическом процессе. Чем ближе будет методика, мое непосредственное каждодневное общение с детьми с моей позицией личностно-гуманного подхода, тем плодотворнее станет моя деятельность. Это во-вторых.

Быть мастером педагогического труда — значит постоянно искать пути более полного, удачного, глубинного, точного, а порой изящного и искусного разрушения проблем обучения и воспитания, организации жизни детей, проблем работы с родителями и общественностью. Таким образом, мое стремление сделать практику все более адекватной позиции личностно-гуманного подхода должно привести меня к самораскрытию и творчеству. Это в-третьих.

Быть мастером педагогического труда — значит уметь предугадывать возможные осложнения в педагогическом процессе и своевременно предупреждать их, уметь незамедлительно и правильно разрешать сложные педагогические ситуации, обладать педагогическим чутьем, уметь управлять педагогическим процессом без принуждения, с легкостью, быть в нем простым, обычным, но любимым и нужным для детей человеком, вселяющим в них радость, заботу, уверенность и оптимизм. Это в-четвертых.

Мастер педагогического труда — человек широкого кругозора, чуткий, доброжелательный, принципиальный. Он борется за новое в педагогическом деле, внимательно следит за развитием педагогики и смежных с ней наук, за передовым опытом. Охотно и активно использует в своей практике новые формы и способы учебно-воспитательной работы, легко перестраивается и избавляется от малопродуктивных и непригодных форм и методов. Стремится поделиться со всеми желающими своим опытом.

Мастер педагогического труда — это первоиспытатель теоретических рекомендаций, он может убедительно доказать их жизненность или опровергнуть их. Его творчество может обогатить педагогическую науку и практику новыми выводами, положить начало новым идеям и подходам. Из мастеров педагогического труда вырастают новаторы — эти «трудные» для науки учителя. Они нарушают покой и невозмутимость одних ученых, которым кажется, что в педагогическом деле давным-давно все уже разложено по полкам, и задевают самолюбие других.

Дети чувствуют мастера педагогического дела, любят и уважают его, стремятся к нему, верят ему.

Вот каким мне представляется мастер педагогического труда.

Может быть, это недостижимая вершина? Часто слышу я: «Педагогом нужно родиться». Так что же мне делать, что делать тысячам моих коллег, которые «не родились» педагогами, однако влюбились в детей, в дело их воспитания, сделали профессию педагога целью своей жизни? Отказаться от мечты стать мастером педагогического труда и остаться на уровне честного исполнителя своих профессиональных обязанностей? И вообще, как мне доказать, что я родился именно педагогом, а не просто человеком, которому по мере взросления и вхождения в жизнь стала по душе эта область человеческой деятельности?

Что мне нужно, чтобы стать мастером педагогического труда? Ну конечно, знания, но обязательно — добрая душа, чуткое сердце, любовь к детям и неудержимое желание посвятить им свою жизнь. Мне представляется недоразумением, когда отбор будущих учителей в педагогических вузах осуществляется на базе, так сказать, «чистых» знаний, без всякого выявления призвания к деятельности. Вот и получается, что многие, ставшие уже учителями, не могут дотянуться до высот педагогического мастерства, жалуются на свою профессию, на детей. Но как же быть с мастерами педаго-

гического труда? Профессия учителя самая массовая среди других профессий. Где набрать столько педагогов «от рождения»? Однако я убежден, мастерами этого величайшего таинства могут быть тысячи и тысячи учителей. Они и обязаны стать такими, на радость и счастье детям, которых доверят им воспитать.

Начинающий учитель должен переступить порог школы с твердым решением, что какие бы сложности ни ожидали его, он станет мастером педагогического труда. И не на склоне своих лет, когда наберется двадцати-, может быть, сорокалетний стаж работы, а прямо, так сказать, с ходу. Пусть будут ошибки, это, конечно, нежелательно, но их не избежать. Но пусть они будут ошибками профессионала, который метит в мастера, а не ошибками профана.

Не ошибаемся ли мы, когда полагаем, что педагогический стаж есть прямой путь в мастера педагогического труда и таким может называться только тот, кто дольше проработал в школе? Да, мне думается, очень часто мы впадаем в такое заблуждение.

Стаж, опыт! Опыт опыту рознь.

Вот проработал человек в школе тридцать или сорок лет и гордится своим стажем. Однако каждый учебный год для него был повторением прошлого учебного года, он работал без горения, без вдохновения, отрабатывал каждый день честно, аккуратно, был требователен и строг к ученикам. Не было у него двоечников. В его работе не было сомнений, исканий, противоречий, он был глух к новому опыту, боялся преобразований. Отслужит такой учитель в школе до пенсионного возраста. Загребет себе награды и звания, ибо знает, как надо их требовать.

И вот стоит перед нами человек с многолетним педагогическим стажем, с почетными званиями, и мы принимаем его за мастера педагогического труда. А этому «мастеру» давно надоела школа, надоели дети, надоел учительский труд, который все усложняется, и как плохо, что не стал врачом, был бы всегда в почете. Человек сорок лет отработал в школе, но не утвердился в ней! Это же прискорбно — завершить свою профессиональную жизнь так, чтобы из своих человеческих — огромных, богатейших — возможностей израсходовать только мизерную часть. Никто не будет измерять, какую он принес пользу своим ученикам, ибо этому мы еще не научились. Зато обманываем себя, ставя уровень мастерства учителя в зависимость от проработанных им в школе лет.

А вот другой человек, тоже набравший сорокалетний стаж работы в школе. С первых же шагов своего учительства он с жадностью впитывал опыт коллег, изучал детей, старался разобраться в педагогической науке. Прочитав книги Сухомлинского, загорелся его идеями. Решил не играть его цитатами, а увидеть, пережить его в самом себе. С этих позиций начал оценивать и обогащать свою практику. Каждый урок и каждую встречу со своими учениками планировал как процесс самосовершенствования в педагогическом деле. С ним коллеги спорили часто, кто соглашался с его поиском, кто — нет. О нем вначале говорили, что еще молодой, наберется опыта, успокоится. Затем, спустя несколько лет, признали, что он просто фанатик и потому, может быть, мешает руководству жить спокойно. Слава к нему пришла рано, но не со стороны коллег, не со стороны инспекторов и начальства, а, так сказать, снизу, от учеников, родительской общественности: они полюбили молодого учителя — внимательного, чуткого, не терпящего формализма в профессиональной деятельности, смелого и убежденного в своем поиске. Творческие учителя стремились к нему, посещали его уроки, советовались, тоже делились с ним своим опытом. И набрал он таким образом тридцатилетний или сорокалетний — что, педагогический стаж? — нет, опыт творческой педагогической деятельности. Он остался, может быть, без почетных званий, без орденов. Кому следовало представить его к награде, тот был тогда недоволен его критикой в свой адрес, считал его возмутителем спокойствия. Однако мастер этот не жалуется, что начальство недооценивает его заслуг. Он просто борется за то, чтобы мастерами педагогического труда становились все больше и больше учителей. И чтобы в педагогическом процессе не было рутины, формализма, шаблона. Он мог бы повторить меткое выражение писателя: «Я удостоен награды — удивления людей», но он об этом и не задумывался.

Равносильны ли понятия — стаж и опыт, опыт и мастерство? Как сказать! Все будет зависеть от того, из каких слагаемых, состоит этот стаж и заключенный в нем опыт. Десятилетний опыт повторения одного и того же и десятилетний опыт творческого поиска — это разного качества педагогический стаж! Есть же практика, когда годичная работа в крайне сложных условиях засчитывается как двухлетний стаж! И, мне думается, было бы неплохо также разобраться в отношении педагогического стажа и педагогического опыта и придумать иную шкалу, по которой можно было бы определить, скольким годам педагогического стажа равняется один учебный год творческого горения. Тогда нарушатся принципы формальной математики в оценке педагогического труда, и может статься, что 5=15, 10=40.

Может быть, я ошибаюсь в своих размышлениях. Может быть, проявляю нескромность, отказываясь от того, чтобы быть простым исполнителем учительских обязанностей, и стремясь к тому, чтобы стать и оставаться до конца своей профессиональной жизни первоклассным мастером педагогического труда. Чем плохо это стремление? Оно же не простое хотение и мечта, а целенаправленная деятельность по усовершенствованию, обогащению, преобразованию самого себя, своего профессионального мастерства и своей личности. Мое время будет заполнено изучением опыта коллег, чтением книг, экспериментированием, наблюдением и обобщением! И если в этом стремлении я не достигну вершины мастерства, то хоть приближусь к ней, и от этого выиграют как мои ученики, так и я. Стать мастером — не самоцель, эта

страсть должна быть присуща профессии педагога как неотъемлемая черта.

Зачем нужны учителю имена великих педагогов — Коменского, Руссо, Песталоцци, Ушинского, Гогебашвили, Корчака, Сухомлинского, если не чувствовать в себе частицу их души, не переживать движение и обогащение их мыслей? Я, простой учитель, возьму и скажу самому себе: давай поиграю с моими ребятишками, только по-настоящему, серьезно, в роли этих мыслителей, воображу, что все они сидят на задних партах в моем классе и прислушиваются к моим урокам, присматриваются к моему общению с детьми, чтобы затем решить, как мне надо еще поработать над собой. Давай, наконец, внушу самому себе, что все мои ученики могут стать талантливыми и выдающимися людьми, и от меня, только от меня зависит воспитать их такими. Что могут потерять дети от такой моей игры с ними? Уверен, они ничего не потеряют, наоборот, я сделаю их неугомонными, целеустремленными, увлеченными. Ибо моя увлеченность вселится в каждого из них, как вселилась в меня страсть Гогебашвили и Сухомлинского.

Зачем создавали свои учения великие педагоги? Разве для того только, чтобы современные учителя знакомились с ними и выражали свое восхищение или же оправдывали свои мысли и практику ссылкой на авторитеты? Или же, наконец, украшали свои доклады и выступления крылатыми и меткими цитатами с диодными словами вроде: «Еще Ян Амос Коменский, триста лет тому назад, писал...»?

Надо верить, что каждый из нас способен стать неповторимым, уникальным, высочайшим мастером профессионального педагогического труда, и нужно, чтобы каждый из нас умел раскрывать свои силы и возможности, вдохновляться.

Каждый из нас, значит — я тоже.

Много ли существует источников вдохновения, в огне которого куется педагогическое мастерство?

Не думаю, чтобы их было много.

Чтобы вдохновиться и творить, мне нужно, в первую очередь, любить свою профессию и верить в свои возможности, много думать о своих учениках и спешить к ним. А далее процесс моего вдохновения должен питаться, как я полагаю, тремя главными источниками.

Первый источник вдохновения — это дети, мое постоянное общение с ними.

Второй источник вдохновения — это опыт и энтузиазм коллег. Давно я убедился в том, что соединение разностороннего педагогического опыта, столкновение разноцветных искорок и мыслей могут родить интересную идею; соприкосновение же практики и интересной идеи может дать толчок творческой педагогической деятельности.

Третий источник вдохновения — это общение с наукой, это «рытье в книгах» ученых и великих мыслителей.

Дети

Здравствуйте, дети! Это мое очередное размышление о вас, общение с вами на расстоянии. Что делать, мысли о вас не дают мне покоя и в летнее время. Вы, пожалуйста, не думайте, что я жалуюсь на вас, нет! Я счастлив, что у меня есть вы, мои тридцать восемь беспокойных шариков ртути, составляющих вместе со всеми остальными детьми нашей планеты одну треть населения земного шара. А в чем состоит счастье, вы, наверное, помните? На доске «Мудрость», которая висит у нас в классе на боковой стене, Ника в прошлом году написал нам мысль: «В красоте залог счастья человечества».

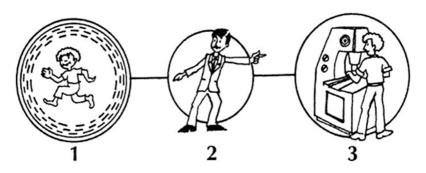
Мы тогда недоумевали: почему красота есть залог счастья? И в конце дискуссии как-то разобрались, что красота мыслится как постоянное движение человека к самораскрытию и самоусовершенствованию, к улучшению жизни. А Эка нам сказала: «Красоту надо понимать еще как увлеченный

труд для счастья людей и на общее благо». Мне так понравилась эта мысль Эки, что я пожал ей руку и поблагодарил.

Вот я и испытываю счастье, что нахожусь в борьбе и поиске красоты.

Как вы думаете, дети, легко ли быть учителем? Какой вам представляется моя жизнь? Помните, как-то я задал всем вам этот вопрос. Тогда вы говорили о том, что труд учителя ответственный, нелегкий. «Воспитание таких, как мы, может замучить вас», «Вы, наверное, не спите по ночам, все читаете», «Учитель мало ходит в кино, редко смотрит телевизор, не выходит гулять», «Порой у вас такое утомленное лицо, что мне жалко вас»... Вот каковы, примерно, были ваши ответы. «Зачем так? — сказал я вам. — Я и в кино хожу, и гуляю, и телепередачи смотрю!» Но Майя перебила меня: «У вас очень трудная жизнь, потому что вы все думаете о нас, как воспитать нас хорошими людьми, а мы не всегда слушаемся. Мы, наверное, часто огорчаем вас и вы переживаете. Но мне нравится быть учителем!» Майя как-то догадалась о сложности учительской профессии, о сути моего творческого поиска.

Хотите, дети, раскрою вам некоторые азы взаимоотношений учителя и учеников? Вы уже взрослые и, надеюсь, поймете меня. Кроме того, может быть, кто-нибудь из вас станет в будущем учителем. Вот и займусь заодно вашей профессиональной ориентацией.

В первом кружке я нарисую кого-либо из вас, назовите кого хотите. Пусть будет Виктор? Хорошо, однако под Виктором мы будем подразумевать и Тенге, и Магду, и Нию, и Вахтанга, в общем, всех вас. Во втором кружке нарисован я, а также ваши родители, то есть подразумеваются все те люди, которые воспитывают вас и заботятся о вас. В третьем кружке нарисован опять-таки Виктор, но такой, каким мы — воспитатели — хотим его видеть, когда он станет взрослым.

А каким, по вашему мнению, нам представляется Виктор через, скажем, 20–25 лет, каким человеком хочет видеть его наше общество? Трудолюбивым, верно! Честным, чутким, добрым, хорошо владеющим своей профессией, все это тоже верно! А еще? Хотите добавить еще что-нибудь? Чтобы у него было чистое сердце, ясный ум и золотые руки! Хорошо сказано.

А мы, воспитатели, хотим воспитать каждого из вас благородным человеком, это совпадает с вашими определениями, верно? Вот какие у нас хорошие, добрые планы по отношению к вам. А сейчас давайте спросим Виктора: хочет ли он стать таким человеком? Ну, конечно, хочет. А вы тоже хотите стать благородными людьми? Хотите! Однако для этого нужно с детства воспитывать вас в таком духе. Вы согласны со мной? Отлично. Так почему же тогда вы часто конфликтуете со старшими? Спросите у Виктора, сколько раз в день он сопротивляется добрым советам родителей: «Не хочу! Нет, буду! Нет, хочу!» Виктору хочется гулять, играть, ему нужна новая игрушка, хочется пойти в кино. Могут ли родители выполнять все его желания? Конечно, нет, вы сами догадываетесь. А раз так, почему же тогда ссоритесь с мамой, которая не исполняет ваши хотения, почему плачете порой, дуетесь и сердитесь на близких? Вот видите, что получается: сиюминутные «хочется» не дают вам возможности заглянуть в будущее. Виктор обижает девочек, а я хочу воспитать в нем, как вы уже сказали, чуткость, доброту; ему лень трудиться, но как же я воспитаю в нем трудолюбие, если не заставлю трудиться? Видите, какое получается противоречие. А теперь

скажите, как же мне, вашему учителю, поступить? Кричать на вас, запугивать, принуждать вас я не хочу. Что же мне остается — ждать, что ли, когда образумится Виктор, придет ко мне и скажет: «Пожалуйста, я больше не буду! Воспитайте меня благородным, очень прошу!» Не можете сказать, как быть? Еще бы, это же целая наука, сложная.

А знаете, какие еще трудности меня ждут? Ведь каждый из вас требует от меня, чтобы я обдумал педагогику специально для него! Вы такие разные, что я постоянно нахожусь в процессе решения все новых и новых педагогических задач. А сколько я решаю неожиданных педагогических задач только за один день, можете высчитать? Умножьте тридцать восемь на два или, лучше, на три... Сколько, Илико, ты говоришь, будет? Сто четырнадцать? Вот видите, сто четырнадцать неожиданных задач... Что это за задачи? Сейчас скажу. Тот же Виктор подрался с товарищами, вы еле их разняли. А мне нужно, чтобы вы жили дружно, уступали друг другу, умели сдерживаться, чтобы в нашем коллективе торжествовали и справедливость, и снисходительность. Вот какая задача со многими неизвестными, но с главным условием — решать ее на началах гуманности. Или же возьмем такое: девочка у нас в классе считается доброй, внимательной, отзывчивой, а вот дома с бабушкой она грубая, дерзкая, непослушная. А бабушка эта инвалид. Как же воспитать нашу девочку благородным человеком? Может быть, подождать, когда подрастет и наберется ума-разума? Нет, ждать нельзя, ибо грубость упрочится в ней, станет чертой ее характера, а бабушке тем временем станет хуже.

Мысли, которые вдохновляют

Можно смотреть лишь в будущее. Пока надо обратиться лишь к детям. Лишь в них законное начало дела. Являя путь новый, лишь в детях найдете силу доверчивости.

Но если захотите все же проявить силу действия — призовите детей! И действуя с детьми,

Не вовлечетесь в поставленные тенета.

Но огненное миросозерцание не свалится с неба, его нужно открыть. Этот метод открывания нужно начать с детства. Видим, как дети уже внутренне принимают труднейшие задачи духа. Даже все препятствия старших лишь кристаллизуют их чувствознание. Но кристаллизация есть огненное действие.

Говорить о духовном

Советуйте говорить о духовном. Много можно отмечать полезного среди духовных воспоминаний. Кроме того, духовная беседа охраняет от грязи и раздражения. Утверждение духовных проявлений умалит ненависть к миру невидимому. Там, где часто ведутся духовные беседы, там накопляется особая аура. Пусть даже эти беседы несовершенны, но они уявляются, как пробные камни присутствующим. Разные народы принесут свое претворение начал духовности.

* * *

Мыслите себя не земными жителями, но вселенскими. Таким путем возложите на себя тем большую ответственность. <...> Мысль о долге уже будет созидательным устремлением, но к такому пути нужно воспитывать себя ежечасно.

Нужно приучиться нести основную мысль бытия незатемненно. Так, когда школьные учителя поймут, что есть обращение по сознанию, тогда начнется истинная эволюция.

Живая Этика. Антология Гуманной Педагогики

Разве это не сложная задача? А если кто-то среди вас проявляет способность к рисованию (скажем, Лела, Майя, и Виктор тоже, Магда), для меня задача — развивать эту способность, думать, как лучше это сделать. А Котэ сочиняет музыку, и тоже для меня задача — как поощрять мальчика, чтобы его музыкальные способности развивались. Но тот же самый Котэ не умеет дружить со всеми ребятишками, ему трудно дается математика. Да, каждый из вас для меня — целый сборник задач, сложных, и самых сложных. И я должен поэтому много думать о вас, решать в уме задачи, которые вы уже преподнесли мне, и тут же выдавать ответы в виде моих педагогических мер. Мне нужно решать и те задачи, которые могут возникнуть в будущем.

Для решения всех этих педагогических задач есть два подхода. Один — императивный. Как бы вам это попроще объяснить? Когда старший задачу решает сам, заставляя вас делать то, что необходимо для вашего будущего. Другой же — гуманный, то есть такой подход, когда ваш воспитатель стремится приобщить вас самих к решению педагогических задач, когда он сотрудничает с вами, делает вас своими помощниками в вашем же воспитании и обучении. Как вы думаете, дети, на какой позиции я стою? Пожалуйста, проследите за моим общением с вами и сделайте вывод... Что Елена хочет сказать? Ты уверена, что я на основе гуманного подхода к вам решаю все педагогические задачи? Спасибо, что у тебя такая уверенность и что, несмотря на трудность учительской профессии, ты все же мечтаешь стать учителем. И Лела, и Ия, и Тея? Как я рад, что у меня будут последователи! Может быть, среди наших мальчиков тоже скрываются будущие учителя, — это было бы здорово! Ну конечно, я порою устаю, и тогда мне хочется закрыть глаза и отключиться от всего. Но не получается. Вы все же умудряетесь проникнуть в темноту, которая воцаряется вокруг меня, когда я закрываю глаза, и освещаете ее, задаете мне тысячу сумбурных задач, заставляете волноваться, и я говорю самому себе: ничего не

поделаешь, Шалва Александрович, это уже твоя жизнь, однаединственная учительская жизнь.

Коллеги

На педагогический совет я спешу со своей общей тетрадью. Педагогический совет — это арена коллективного педагогического творчества, анализа и обобщения опыта. Там высказываются мудрые мысли, коллеги размышляют, обсуждают судьбы детей. На педагогическом совете порой происходят события, которые могут научить многому. Все это надо записать, а потом проанализировать.

Если так постоянно вести записи, то общие тетради станут своего рода кладовой педагогической мудрости. У меня уже десять таких «томов», и первый датируется 1951 годом. Тогда, будучи студентом, работал я пионервожатым в школе, да еще в той, которую окончил год назад. Первые месяцы мне было очень неудобно входить в учительскую, где во время перемен и после уроков собирались мои учителя. И однажды, стоя у ее дверей в ожидании, что в коридор выйдет завуч и тогда я с ним поговорю, я услышал сказанное родным для меня голосом: «А ты не стесняйся, заходи, я горжусь, что ты мой коллега!» «Тетя Варо» взяла меня под руку, как берут покрасневшего до ушей мальчишку, стесняющегося быть в гостях, и завела в учительскую. В этой большой учительской и прошли мои первые годы педагогического «детства». Часто я листаю десять «томов», которые потом я назвал так — «Размышления в учительской», и вспоминаю прошлое. Записи в них не очень-то аккуратные, почти что стенографическим почерком записаны обрывки мыслей, даже зарисованы некоторые моменты. И все же они помогали мне осознать, оценить значение опыта коллег, критически усвоить его, напутствовали меня к творческим поискам. В одной из первых тетрадей я

записал: соприкосновение крупиц педагогического опыта с искорками критической мысли может родить интересную идею, соприкосновение же педагогической практики с интересной идеей может родить творческую педагогическую деятельность.

Это я записал после того, как Екатерина Иосифовна Бурджанадзе, старейшая учительница, автор учебника «Дэдаэна» («Родная речь», Букварь), поспорила с одной учительницей начальных классов по поводу обучения грамоте и вдруг заявила: «Спасибо вам, коллега, вы подсказали мне мысль, как поправить учебник!»

Выступление моей «тети Варо» на одном из педагогических советов навело меня тогда на следующее обобщение: если учитель ленится вдумчиво, с полной отдачей сил и большой любовью к детям планировать жизнь учащихся на каждый школьный день, на каждый урок, то это обернется потом ленью десятков и сотен его учеников быть внимательными на уроке, готовить домашние задания, выполнять общественные поручения.

Основой этого обобщения послужили размышления моей любимой учительницы о том, что лень школьников порождается ленью их учителя, и этот ленивый учитель, проводивший уроки порой на «двойки», осмеливается жаловаться на своих учеников и утверждать, что, мол, современная молодежь ничего не хочет делать.

Однако мои общие тетради «Размышлений в учительской» порой становились скудными, как будто в педагогическом коллективе вдруг приостанавливалось движение мысли. Вот на смену одному директору школы пришел другой. Первый был демократично настроенный, опытный педагог, поощрял смелость педагогического ума и поиска, педагогический совет превращал в сотрудничество, поисковую деятельность учителей, сам проявлял искреннюю заинтересованность и радость по поводу новой, необычной мысли.

Он хорошо знал работу всех учителей, был частым гостем на их уроках, любил бывать на заседаниях методических объединений. Интересовался, какую научную литературу читают учителя, какие у них собственные педагогические точки зрения. И когда назначался педагогический совет, те учителя приходили с настроением, готовые загораться и зажигать других. Эти заседания педагогического совета и были вспышками педагогических мыслей, коллективным поиском педагогических истин и решений. Тогда мои общие тетради быстро заполнялись, и в общении с коллегами я накапливал первоначальный опыт.

Новый директор школы не любил обсуждений, считал, что управлять легче всего, приказывая. Ходить на уроки учителей тоже не любил. Хотя он был новым руководителем, ничего нового в нем не было. Иным директорам, конечно, спокойнее, когда учителя работают по инструкциям, не поднимают нарушающие привычный порядок вопросы. Творческая деятельность учителя — это же такая штука, когда надо хорошо уразуметь: нет ли в нем чего-то такого, что противоречит нашим убеждениям, традициям. Ну и что же, что некоторые традиции в педагогическом деле становятся помехой движению вперед, зато они живучи, и таким директорам легче сохранить их, чем бороться против них.

В общем, пришел в школу новый директор без свежих идей, без страсти возглавить творческой коллектив, и спустя год этот коллектив изменился. Педагогические советы? Они превратились в своего рода судилища: кто-то своевременно не сдал воспитательный план, кто-то не проводит, а кто-то не так проводит кружковое занятие, у кого-то на уроке шумели дети и т.д. А разве можно мыслить творчески на педагогическом совете, где директор постоянно раздражен, грубо обращается с учителями, не дает им права высказаться, становится педагогообразным ментором для всех. При таком директоре коллектив легко распадается на замкнутые, может быть, и враждующие между собой группы, по углам начинают

о чем-то секретничать, шушукаться. Что же я мог записать в своих «Размышлениях» в учительской? Вот, к примеру, одна запись из тетради 1953 года.

1953. XI. 23. Слово берет учитель математики, руководитель 9 класса (он сидит рядом со мной).

— У меня такое правило, — говорит он, — чтобы не забыть, что мне нужно сделать в этот день, все записываю вот в этой книжке. Сегодня, например, у меня было записано девять вопросов: проведение кружкового занятия, разговор с учеником Нодаром с глазу на глаз, редактирование материала для газеты «Эрудит», подготовка раздаточных материалов для контрольной, вечером ученицы пригласили меня на премьеру в театр имени Руставели, до этого...

Директор прерывает: «Куда, вы говорите, пригласили ученицы?»

Математик: «В театр имени Руставели, на премьеру...» Директор: «И вы пойдете?»

Математик: «Да, конечно...»

Директор: «И глупо...»

Учитель ошеломлен, а директор продолжает наступать. Разве можно, говорит, чтобы учитель вместе со своими ученицами ходил в театр, назначал им свидания...

Математик съежился: «Какие свидания?! Что вы говорите?!» — возражает взволнованно.

Но директор грубо обрывает его: «Какие... какие... Вот такие свидания, которые могут скомпрометировать...»

Директор все говорит и говорит, раздувая до злостного «преднамеренного» умысла обычную для нашего учителя математики дружбу с юношами и девушками своего класса... Я попытался заикнуться, что нельзя ставить под сомнение доброе имя учителя математики, но директор угрожающе накричал на меня: «А ты молчи, студент, тебе еще учиться надо!» Оглядываюсь на учителей — неужели никто не защитит коллегу?

Коллеги, невежеству никогда не будет границ, если мы не объединимся и не проучим невежду...

Учитель математики опять встает и говорит спокойно: «Вас надо выгнать из школы!» И покидает педагогический совет. Директор кричит ему вслед: «Это мы еще увидим, кого следует выгонять!»

Неужели наши учителя не восстанут против невежды?

Хотя в период нового директора на педагогических советах мудрости и творчества, мягко говоря, было мало, тем не менее, я сделал для себя вывод, который и ознаменовал, как мне теперь представляется, завершение процесса моего учительского взросления — я стал самостоятельным. А вывод заключался в том, что учитель должен иметь свою точку зрения на педагогические проблемы, обрести нравственную самостоятельность и набраться смелости, чтобы никогда не изменять своей педагогической совести. Быть таким, конечно, вовсе не означает того, что в жизни тебе будет легче, скорее наоборот. Но зато это гарантии способности к творческой деятельности. Без смелости, храбрости творчество гибнет. Напуганный учитель, мозг которого перекрыт тяжелыми замками страха перед кем-то и чем-то, никогда не переживет счастья творческого горения. Еще я понял, как важен для творческой работы дух коллективизма в учителях-коллегах. Общая дружная работа, общие интересы — это важнейший способ стимулирования творчества, новых мыслей, идей.

В дальнейшем (общая тетрадь 1967 года) на одном из заседаний педагогического совета, уже в той школе, где я сейчас работаю и где Леонид Фомич, директор школы, создал атмосферу творчества, я записал высказывания учителей по поводу взаимоотношений учителей-коллег:

Учитель должен быть добрым, отзывчивым и дружелюбным к коллегам.

Учитель должен владеть тоном и тактом общения с коллегами.

Учитель не имеет права завидовать успехам коллег. Учитель должен делиться своим опытом с коллегами. Учитель не должен стесняться учиться у коллег. Учитель не имеет права смотреть на коллег сверху вниз. Учитель должен беречь доброе имя и честь своих коллег.

В последние годы я часто меняю общие тетради «Размышлений в учительской». В них я начал записывать все интересные мысли и соображения, которые высказывают мои нынешние коллеги и которые возникают у меня и на педагогическом совете, и на методических объединениях, и в процессе совместной работы над планом, и в частных беседах, и во время уроков, которые я посещаю с любезного согласия моих коллег. В этой новой школе нас — учителей начальных классов — тридцать шесть (имеются в виду и учителя русского языка, рисования, музыки, физической культуры). И вот хороший завуч по начальным классам Мзия Самуеловна сплотила нас. Каждую пятницу после уроков мы собираемся в нашей маленькой учительской и рассказываем друг другу о том интересном, что у нас накопилось за неделю. Говорим о наших трудностях и советуемся, как их решать, согласовываем друг с другом наши воспитательные мероприятия, совместно составляем тематические планы, планы уроков, обсуждаем новые методические руководства, статьи в педагогических журналах и газетах, читаем доклады о своем опыте... В общем, встречи по пятницам под руководством неугомонной и творческой Мзии Самуеловны, которая, кстати, сама является блестящим мастером учительского труда, интересны всем.

Как мало нужно учителю, чтобы увлечься: ему нужно, чтобы кто-то — завуч, директор — нашел в нем его «искру Божию» и постоянно, однако осторожно и заботливо, раздувал ее. Тогда обязательно возгорается в нем пламя.

Учителя, который сам ищет пути своего совершенствования, не надо критиковать, да еще остро, порой даже грубо, а надо советовать, помогать ему раскрыться. Другое дело,

когда учитель не обнаруживает никакой «искры Божией», когда профессия учителя мучает его, а сам он переходит на мучение детей. Вот здесь нужны прямые объяснения того, как важно, чтобы такой случайный человек нашел в себе гражданское мужество и покинул школу. К Мзии Самуеловне учителя бегут и, как дети, как настоящие дети, начинают с шумом, наперебой рассказывать ей о том, что только что пережили со своими учениками. И на ее лице мы не увидим выражения равнодушия. Сосредоточенность, заинтересованность, радость, желание побыстрее все увидеть своими глазами, затем добрый и чуткий совет или же искреннее сомнение — все это и есть часть педагогики руководства учителя. И учитель загорается, стремится работать еще лучше.

В этой же учительской в разные годы мною были сделаны в моих тетрадях следующие заметки.

«Учительница 2-го класса Нана Иосифовна предлагает посылать родителям короткие письма с выражением удовлетворения за те или иные конкретные успехи в учебе школьника или за совершенные им добрые поступки. Она зачитала нам несколько писем, которые были посланы ею родителям. Письма примерно следующего содержания: "Не могу не выразить своего восхищения поступком Гурама: он сегодня спас от увечья одноклассницу Лию, которая споткнулась на лестнице и чуть было не упала вниз головой. Гурам успел перепрыгнуть через несколько ступенек и подхватить девочку, однако сам упал и ушибся. Конечно, ему было больно, но он держался, как подобает мужчине". Или же: "Я всегда верила, что Медико может овладеть решением сложных математических задач. Она сегодня доказала это: выбрала себе самую сложную задачу и за короткое время правильно решила. Посылаю вам ее классную тетрадь. Теперь я жду ее успехов и в русской орфографии". Нана Иосифовна поясняет, что родители заранее должны быть осведомлены о том, как педагогически верно реагировать в семье на письма учителей. Некоторые засомневались: во-первых, такая переписка

может отнять у учителей много времени; во-вторых, оповещать родителей только об успехах ребенка и скрывать недостатки и трудности, которые он переживает, — не значит ли создать у них ложное впечатление, что в воспитании и обучении ребенка все обстоит благополучно. Но многие учителя решили воспользоваться способом "положительной" переписки с родителями. Нана Иосифовна утверждает, что при соответствующей работе учителя с родителями такие письма будут полезны».

«Учительница 3-го класса Мзия Чкония проводит такой эксперимент во время письменных работ на уроках математики и родного языка: с согласия детей, включает магнитофон с мажорной музыкой, которая звучит тихо, приглушенно. Она утверждает, что под музыку дети работают более успешно. Так, при решении примеров с музыкой каждый ученик делает на два-три примера больше, чем без музыки. Учителя высказали сомнение, что, может быть, это вовсе не от музыки, а от легкости примеров, от настроения детей и т.д. Мзия Чкония убеждена, что в ее эксперименте решающей была именно музыка — мажорная, оптимистическая, но не джазовая и эстрадная, а классическая. Дети сами просят, по ее словам, включать музыку, как только им дается самостоятельная работа, говорят, что музыка им не мешает, а помогает. Надо попробовать этот способ на своих уроках».

«В типографии, где мы заказали экспериментальный учебник по чтению, нам сказали, что испортилась машина, на которой происходит сшивание отпечатанных и сложенных по печатным листам книг. Мы были вынуждены взять учебник в разобранном виде.

Это было в сентябре. Сначала решили дать детям все 15 печатных листов книги, чтобы они сшили их сами, но первые же попытки показали, что это трудно. Тогда учительница Натела Александровна предложила давать детям по одному листу. Его легче сшить, сделать обложку.

Кроме того, сказала она, детям будет интересно, что они станут изучать 15 книг... Учителя поддержали идею, так как не было иного выхода. Сегодня обсуждали, как обстоит дело с книгой для чтения. Все пять учителей единодушно отметили, что дети от корки до корки читают каждую «книжку», оформляют ее, рисуют картинки по содержанию текстов. В общем, если так пойдет и дальше, то все 15 «книг» дети усвоят, наверное, до февраля-марта. А что делать дальше? Понадобится дополнительный материал. Учителя убеждены, что третьеклассникам, а может быть и второклассникам тоже, лучше давать не полный учебник сразу, а делать из одного учебника несколько книг. Договорились на следующий год сделать учебник для 3-го класса в нескольких книгах...»

«Учительница 1-го класса Нана Вадачкория сообщила нам, что отец одного ученика, старший преподаватель политехнического института, желает провести в классе уроки научной фантастики. Она познакомила нас с его планом, где намечается система развития фантазии детей на основе доступных им современных научных знаний в области математики, физики и космонавтики. Учителям план понравился, многим захотелось самим провести уроки фантастики. Однако пришли к выводу, что лучше сначала провести эксперимент в одном классе, а потом, в зависимости от результатов, распространить его в работе других учителей...»

В такой атмосфере поиска и взаимного обогащения, коллегиальности и сотрудничества мы живем уже 15 лет. За это время мы все стали единомышленниками. И наблюдая увлекательную педагогическую жизнь в нашей маленькой учительской, я внес в свою тетрадь последнюю заповедь:

Вдохновляется человек человеком. Вдохновение есть не состояние сумасшествия, блаженства или соперничества, а оно есть состояние горения, переживания мук творчества и чувства отдачи.

Для новых записей я уже запасся новой общей тетрадью, на обложке которой написал: «Размышления в учительской. Тетрадь № 11».

Книги

«Люди перестают мыслить, когда они перестают читать». Слова эти сказаны великим французским мыслителем Дени Дидро несколько веков тому назад. Я боюсь перестать мыслить и потому читаю по возможности много. Читаю художественную литературу, философские, педагогические, психологические книги.

Книги — как мудрые люди. Они спокойно ждут, когда с ними поговорят. Да, нужно не только читать книгу, но и говорить, с ней, с ее автором, соразмерять с его мыслями и опытом свои мысли и дела. Нужно уметь спорить с книгой, размышлять над ней, чтобы она принесла тебе наибольшую пользу — обогатила бы тебя духовно, направила бы на путь поиска и созидания.

Педагогические журналы, газеты и книги я читаю постоянно, но летнее время — это особая пора для чтения и размышлений. Прискорбно, конечно, что я — учитель конца XX века — не смогу прочесть все книги, которые были написаны мудрыми людьми для учителя. Но совершенно необходимо, считаю я, знать основные труды классиков и выдающихся педагогов, знать о современных педагогических и психологических направлениях. Без этого моя деятельность будет похожа на блуждание в потемках. Но беда еще в том, что я могу и не заметить своего блуждания, наоборот, мне может показаться, что все делаю правильно и даже открываю новое. Эту мысль я выразил хуже Жан-Жака Руссо, у которого я ее заимствовал: «Чем меньше люди знают, тем обширнее кажется им их знание».

На лето я приготовил книги, которые меня особенно заинтересовали в смысле моей будущей работы с третьеклассниками. Вот они лежат у меня на столе: полное собрание сочинений Якова Гогебашвили, тома Н.К. Крупской, Л.С. Выготского, П.П. Блонского, С.Т. Шацкого, В.А. Сухомлинского. Многие из них я уже читал прежде. Придется пересмотреть прочитанное — полистать книги, заглянуть в строки, подчеркнутые мною ранее, сделать необходимые выписки. И я погружаюсь в них.

Добрый вечер, великие мыслители! Пришел посоветоваться с вами. У меня более чем 30-летний опыт педагогической работы. Вы часто мне помогали своими советами, и многие ваши мысли стали основой для моих педагогических убеждений. Все ваше учение направлено на утверждение гуманной педагогики, верно? В одном из ваших трудов и нашел мысль о школе будущего. «Школа будущего должна всячески развивать в детях чувство солидарности. Всякий формализм должен быть изгнан из школы, должно отсутствовать всякое принуждение. Собственно говоря, школа будущего должна представлять собой свободную ассоциацию учащихся, ставящих себе целью путем совместных усилий проложить себе дорогу в царство мысли. Учитель в такой школе лишь старший товарищ, богатый опытом и знанием, который помогает учащимся научиться самостоятельно учиться. Он указывает им приемы, методы приобретения знаний, помогает организовать совместную работу самообразования; учит, как надо в деле обучения помогать друг другу. Только такая школа может стать школой солидарности, школой, научающей взаимному пониманию и доверию».

Исходя из этой мысли, которая, кстати, есть сердцевина всей классической педагогики, я попытался строить отношения с моими школьниками на началах личностно-гуманного подхода. Сожалею, что первые годы моей педагогической жизни противоречили этой идее: я следовал императивной и авторитарной педагогике, которой только что научили меня университетские профессора. Скажу откровенно, когда я те-

перь читаю иные учебники по педагогике, представляется, что в них все хорошо в смысле цитирования великих мыслителей, однако далее авторы умудряются излагать способы воспитательной работы, которые по сути дела опровергают эти фундаментальные цитаты. Порой же, если идеи классической педагогики мешают авторам таких пособий, они вовсе скрывают от будущих учителей их существование.

«Нам надо, чтобы школа действительно "учила жить", — читаю я в ваших книгах, — и притом надо, чтобы она учила жить по-новому, в тесной товарищеской спайке, чтобы она воспитывала добровольную дисциплину, умение сообща работать, воспитывала чуткость к чужой беде и горю. Без этого школа, если бы в ней были даже самые лучшие программы и методы преподавания, не будет той школой, к которой мы стремимся. При этом, — говорите вы, — нужны не постоянные нравоучения, одергивания, не рассказы о добродетельных мальчиках и девочках. Важно другое. Важно умение помочь ребятам налаживать дружную игру и работу, дружную жизнь, важна помощь тем, кто послабее, важно внимание к переживаниям детей, важно уважение к их труду, к их учебе, к их убеждениям, важен пример.

Учитель, который советует ребятам не курить, а сам курит — плохой воспитатель. Плохой воспитатель тот, который учит ребят сдерживаться, а сам не сдерживается, учит ребят товариществу, а сам держится с ними не как товарищ, а как начальство.

Ребята чрезвычайно чутки ко всякой фальши, ко всякому лицемерию. Они прямолинейны и не терпят расхождения слов с делом».

А эту идею я воспринимаю как заповедь:

Для ребят идея не отделена от личности. То, что говорит любимый учитель, воспринимается совсем подругому, чем то, что говорит презираемый ими, чуждый человек. Самые высокие идеи в его устах становятся ненавистными.

Знаете, дорогие классики, что меня, учителя, раздражает порой, когда читаю иные методические руководства? Для многих методистов, которым следовало бы дать конкретную, процессуальную технологию педагогического общения, стало правилом декларировать, что нужно и что не нужно делать учителю, а как нужно и как не нужно делать — об этом они часто предпочитают умалчивать. Эти повелительные нужно и необходимо, сотни раз сказанные прямо или подразумеваемые, иные методические курсы, педагогические учебники, методические разработки превращают в своего рода не раскопанные еще археологами кладбища, которые подают надежды, что там могут быть открыты богатейшие и удивительные гробницы. Кому раскопать и разгадать эти богатства? Археологу, наверное, кому же еще. Кому же следует раскрыть педагогические гробницы, то есть показать, как нужно современному учителю вести сложный педагогический процесс? Конечно же, ученым педагогам и методистам. Порой мне представляется, что они, как вы метко говорите, «никогда не видели живого ребенка». Они пишут так, как будто учителю придется работать в пустом классе, в классе без детей, или же наивно полагают, что дети — это народ самый смиренный, покорный, послушный. Но вы хорошо знаете, какой это народ — дети и как надо смотреть на них. Вы пишете: «Самое важное — это не смотреть на ребенка как на свою живую собственность, с которой что хочешь, то и можешь делать, не смотреть на ребенка как на раба, как на обузу, как на игрушку. Надо научиться смотреть на ребенка как на человека, пусть еще слабого, нуждающегося в помощи, защите, пусть не могущего еще быть борцом и строителем, но все же человека, притом человека будущего». Вы часто напоминаете, что учителю надо вставать на место детей, «влезать в их шкуру», то есть, понимать, что их интересует, радует, что их утомляет, что обижает. То же самое, не в меньшей мере, следует требовать от ученого. Что бы вы сказали об ученомпедагоге и методисте, который, не являясь ранее мастером

педагогического дела, ушел в науку писать труды о том, как воспитывать и обучать детей. Такие ученые обычно не любят детей педагогической любовью, иначе они не ушли бы от них, не испытав на себе полностью страданий и счастья победы в воспитательной работе, не завоевав авторитета мастера педагогического дела и не убедившись в том, что педагогика — это наука о процессуальности воспитания и обучения. Гуманную педагогику может писать только гуманной души человек, который понимает и любит обоих — и ребенка, и его воспитателя, и который сам является мастером подлинного педагогического процесса.

Настало время, когда педагогика в большей мере должна отвечать на вопрос — как воспитывать и обучать, как процессуально строить общение педагогов с учащимися. Продемонстрировать эту процессуальность ярко, наглядно, убедительно. И меньше затруднять себя повторениями уже хорошо известного, что нужно делать. Все то, о чем вы пишете, глубокопочитаемые мною великие мыслители, это реальная, действительная педагогическая жизнь. И пишете вы о больших проблемах просто, ясно, доступно, и это, по всей вероятности, получается так потому, что вы «влезли» в нашу учительскую шкуру. Вы сами были и до конца жизни остались Учителями, Воспитателями, Педагогами. Это очень важно для обновления педагогической практики: писать о педагогических делах доступным всем, ясным, эмоциональным языком, а не закручивать мысли подобно кудряшкам негритенка.

В выписанной мною выше цитате вы высказываете удивительно простую, но великую истину: надо видеть в ребенке нашего будущего товарища по борьбе. И не только видеть, но и соответствующим образом строить весь наш педагогический дом, жизнь в этом доме, устанавливать в нем царство мысли и царство сотрудничества, дружбы, взаимности. Мне становится ясно, почему вы так часто повторяете, что учебник должен стать для ребенка орудием труда, что ребенок должен уметь читать не только книгу, но и живую жизнь.

У Вас я нашел интересную и нужную методическую разработку, которую собираюсь использовать в работе со своими третьеклассниками.

Библиотечные уроки

Первый урок. Как вести себя в библиотеке, чтобы не мешать друг другу; как беречь общественную книгу.

Второй урок. «Жилье книг». Большой дом; в большом доме много жильцов.

Третий урок. Знакомство с книгой.

Четвертый урок. Читальня. Правила пользования ею.

Пятый урок. Выбор книжек.

Шестой урок. Книжка о книжках.

Седьмой урок. Справочники.

Восьмой, девятый, десятый уроки. Как читать.

К этим урокам я добавлю и практические занятия.

Самым ценным для меня является выдвинутое Вами положение о том, что

«Только охват всей жизни ребят воспитательной работы может создать хорошо организованный детский коллектив».

Скажу Вам откровенно, сильны еще в нашей практике традиции, которые порой становятся крайне серьезной помехой в поиске и утверждении нового. Традиции традициям рознь. Есть такие, которые надо беречь, ибо они составляют добрый фундамент нашего педагогического знания. Но как быть с императивностью и авторитарностью у части учителей, с этим начальственным подходом к детям? Я не использую в своей педагогической деятельности отметок, метод наказания тоже изгнан из моей практики, уроки мои, как правило, не совпадают с установленными рамками, мое общение с детьми опирается на сотрудничество, на утверждение в них чувства свободного выбора. И дети у меня и у моих коллег, которые следуют тем же принципам, учатся с большей охотой, любят школу, дружат между собою; стало иным и отно-

шение родителей к школе. Но я и мои коллеги живем ведь среди других учителей, многие из которых смотрят на нашу работу с недоверием. А начальство? Шлет и шлет комиссии, приходят инспектора. В общем, жизнь моя и моих коллег не очень-то сладкая, однако она все же становится радостней, ибо из года в год наш опыт закрепляет в нас веру в гуманную педагогику.

Смотрю на календарь: сегодня пятое августа, значит, двадцать памятных дней и ночей провел я в чтении и размышлении над. книгами классиков педагогики. Мои ребятишки еще быстрее будут расти в общении со мной, ибо я сам вырос в общении с мыслями и делами больших педагогов.

Воспаление нерва «тройничной психологии»

У меня гости. Я с волнением ждал их прихода, хотя чувствовал, что самое опасное позади. У дверей стоят трое — папа, мама и он, назову его «Сосо». Все улыбаются.

- Можно к вам? говорит мама. Вы уж извините, Шалва Александрович, что беспокоим вас, но, понимаете, мы проходили мимо, и нам всем захотелось заглянуть к вам!
- Мы только на несколько минут, не будем отрывать вас от дел! добавляет папа.

А он — Сосо — стеснительно смотрит на меня, как будто этот первый сорванец в классе вдруг по-настоящему поумнел, да еще на всю жизнь. Конечно, они проходили мимо моего дома вовсе не случайно, ибо почему тогда Сосо держит в руке толстую книгу, которую, ясное дело, они тут же преподнесут мне.

Навстречу гостям выходит и моя жена, дома в это летнее время никого, кроме нас. Она тоже учитель, мой единомышленник. Я все время рассказывал ей о развитии этого — не знаю, как назвать — жизненного случая, что ли, и мы

вместе обсуждали все возможные формы и способы моего участия в нем.

Она, конечно, знает этого мальчика, но мы все — взрослые — теперь должны разыграть с ним сцену лечебной педагогики, о которой не успели договориться.

— Входите, пожалуйста, вы меня очень порадовали, что пришли! — приглашаю гостей.

Я действительно радуюсь их приходу, но играю не радость, а то, что верю, что они оказались у моих дверей, на девятом этаже большого дома, случайно.

— Знакомьтесь, Валерия Гивиевна, — говорю я жене, — это мой Сосо со своими родителями...

Валерия Гивиевна сперва «задумывается».

- Coco? переспрашивает она. Это какой Coco, который подарил тебе красочную книжку с собственным рассказом о своем папе и который жил в нашем доме?
 - Да, тот самый...
- И который, ты говорил, самый интересный шалун в классе?
 - Конечно, тот самый, другого такого Сосо у меня нет!
- Тогда я с ним знакома уже три года, только вот вижу впервые... Я все мечтала познакомиться с этим удивительным мальчиком! она дружелюбно протягивает ему руку. Здравствуй, Сосо! Проходите, пожалуйста! приглашает всех в большую комнату.

Сосо, видно, польщен приветствием Валерии Гивиевны. Он еще там, в коридоре, как-то неуклюже протягивает мне книгу.

- Это вам! говорит он застенчиво.
- Спасибо! я обнимаю мальчика и тут же проявляю интерес к книге: «Краткая медицинская энциклопедия». Отец Сосо, врач по профессии, поясняет:
 - Это редкая книга, вам пригодится!
- Конечно, пригодится! говорю я с благодарностью. Я знал, что она вышла, но не нашел ее в книжных магазинах!

Раскрываю книгу на случайной странице и читаю вслух первое же попавшее мне в глаза разъяснение: «Невралгия тройничного нерва — возникает приступообразно, имеются курковые зоны, прикосновение к которым вызывает боль. Бывают парестезии, зуд. Приступы вначале кратковременные и могут ограничиваться одной ветвью, далее становятся продолжительными, распространяются на половину лица и бывают интенсивными...»

— Как интересно! — говорю я всем, и добавляю, — спасибо, Сосо, твоя книга уже начинает помогать мне. Надо, видимо, быть осторожным, чтобы не схватить воспаление тройничного нерва!

Папа Сосо смеется.

— Да вы не пугайтесь, Шалва Александрович! Будет лучше, конечно, если вы не заболеете, но если уж случится такое, то вылечим!

Мы входим в большую комнату.

Я еще нахожусь под впечатлением прочитанного.

Причиной является нерв, воспаление тройничного нерва... Если заболевает один конец, то воспаление распространяется и на другие, и начинаются сложные головные боли. Человек ходит с закутанной головой, чтобы не стало хуже, чтобы вторично не схватить воспаление тройничного нерва. Разве не с таким же заболеванием имею я дело? Вот пришли ко мне на «лечение» два кончика этого сложного психологического нерва: один из них — сам мальчик, другой — родители, а третий нерв в это время находится в другом городе. Все они еще не совсем успокоились, но первая стадия воспаления нерва «тройничной психологии» — да, так можно назвать этот социальный узел, — стихает, все становится как было... Ну, не совсем как было, но все же обстановка нормализуется. Во всей этой истории я убедился, что «тройничная психология» достаточно распространена в нашей жизни, и потому воспаление ее нерва нуждается в специальной — лечебной педагогике. Эту педагогику я искал, и то, что я находил, тут же применял, ибо воспалительный процесс грозил катастрофой...

— Садитесь, пожалуйста! — приглашает Валерия Гивиевна. — Сосо, а ты не можешь мне помочь?

И уводит мальчика, чтобы приготовить прохладительный напиток, а точнее — чтобы я успел переговорить с родителями.

— Как дела?

Мы шепчемся и спешим.

- Мальчик затих...
- Но я боюсь...
- От нее ничего не слышно...
- Сосо стал каким-то серьезным, это меня пугает...
- Может быть, вы еще...

«Тройничная психология» оказалась сложным социальным узлом.

Когда родители привели Сосо в подготовительный класс, они мне не раскрыли своей тайны. Хотя вначале я был удивлен, что у мальчика такие взрослые родители — им было за сороксорок пять, а все остальные мамы и папы моих ребятишек были молодые люди. Я знал, что Сосо первый и единственный ребенок у своих родителей, а поженились они пятнадцать лет назад. Таких сведений достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Однако тогда я не посчитал это нужным. И зря.

Учитель должен знать все семейные тайны, связанные с ребенком, с его судьбой, с его прошлым, всю деликатность родственных связей, характер взаимоотношений в семье, могущих иметь влияние на воспитание. Он несет моральную обязанность не разглашать эти тайны, ни с кем не делиться ими, если это не будет вызвано необходимостью уберечь судьбу ребенка и защитить его права от различного рода посягательств. Одновременно его педагогическая совесть должна направлять его заботу о ребенке и общение с ним с учетом доверенных или разгаданных самим тайн с целью предотвращения возможных осложнений в жизни ребенка.

Учитель, злонамеренно воспользовавшийся доверенной ему тайной, не учитель, не воспитатель, ему не место в школе. Вот пришла мама, вызванная учительницей, и, заливаясь слезами, доверилась, открылась ей, что в семье большой конфликт, муж собирается бросить ее и уйти к другой женщине. «Я парализована, — рыдала она, — не могу присмотреть за ребенком, потому он и выбился из колеи, семейные драмы мучают его. Не знаю, что делать!» И ушла, даже не подумав взять слово с учителя не выдавать семейную тайну. Она, по всей вероятности, и не могла себе представить, что такое может случиться, что эта учительница воспользуется, да еще против педагогической совести, ее откровенностью. На другой же день, как только тот мальчик нарушил дисциплину на уроке, учительница зло накричала на него: «Пусть мать твоя бросит заниматься амурными делами твоего отца и присмотрит за тобой! А сейчас вон из класса!» Мальчик вскочил с места, плюнул в сторону учительницы и выбежал из класса. «Хулиган!» — кричала она ему вслед. Просматривая эту запись в тетради «Размышления в учительской», я с опозданием на пятнадцать лет (ой как жаль, что не сразу, не вслух, не в лицо) приписываю в конце: «Презрение такому учителю! Вон его из школы!»

Семейную тайну мне надо знать только для того, чтобы устранить помехи в воспитании ребенка, а не для того, чтобы из-за моей неспособности влиять на него, мстить ему грубым, непедагогичным разглашением этой тайны.

Да, мне надо было знать и догадаться, что Сосо усыновлен мужем и женой, у которых не было детей и не осталось какой-либо надежды, что у них может родиться собственный ребенок.

Если бы я знал эту тайну, то был бы начеку. И тогда я бы сразу догадался, зачем та молодая, ярко накрашенная женщина время от времени приходила в школу и прогуливалась по нашему коридору. Наверное, пришла за своим ребенком, который в другом классе, подумал я тогда, заметив незнакомую

и вызывающе одетую женщину. Мог бы и разгадать случай, который произошел, когда женщина впервые появилась в школе. Во время перемены девочки забежали в класс в поисках Сосо. «Мама к тебе пришла!» — сказали они ему. Я был занят и потому не вышел из класса для встречи с мамой Сосо. Однако мальчик сразу вернулся в классную комнату, отмахиваясь от девочек и смеясь: «Это не моя мама... А в школе что, нет другого Сосо?» Знал бы я тогда, что Сосо приемный сын, сразу мог бы догадаться, что эта женщина и есть мать Сосо. Принял бы меры предосторожности...

Многие семьи делают добрые дела, усыновляя и удочеряя детей.

У меня перед глазами лица детей, которых я увидел в детдоме в Шуамте, что в Телавском районе. Приехал я тогда к своему другу, заведующему РОНо, умному, доброму и принципиальному человеку, к Александру Лукичу Надашвили, вместе с одной учительницей, одинокой женщиной, моей соседкой. Брат и муж у нее погибли на войне. Она скоро должна была выйти на пенсию и вдруг почувствовала, что жизнь ее без детей потеряет всякий смысл.

Вот мы и приехали к Александру Лукичу попросить содействия в усыновлении ребенка из Шуамтийского детского дома. Был солнечный майский день. Дети играли в огромном дворе, который примыкал прямо к лесу с вековыми деревьями. Увидев гостей, дети сразу прибежали. Младшие без стеснения подошли к нам и начали разглядывать с огромным любопытством, ожиданием, трепетом. Они смотрели влажными глазами и, не говоря ни слова, просили, умоляли: «Хочешь, буду твоим ребенком, назову тебя папой, мамой, буду хорошим, послушным, вырасту чутким сыном, дочкой, не пожалеешь, возьми меня!» Кто постарше, те стояли поодаль и смотрели на нас подозрительно и даже вызывающе: «Пришли выбирать нас... Подумаешь... Выбирают детей, кому какой по вкусу!» Но все же эти недоверчивые и грустные глаза излучали — это можно было только почувствовать — крайнюю

доброту. Скажи любому: «Я твоя мать, сынок, прости меня, виновата перед тобой!» — и обязательно простит, сразу простит, полюбит тебя такой, какая ты есть. Это взрослые порой не умеют прощать детям мелкие погрешности, но дети любого возраста могут простить своим родителям даже то, что они бросили их. Я смотрел на маленьких, а в сердце хлынул поток слез, хотел было присесть на корточки, чтобы тоже стать маленьким и обнять каждого, но Александр Лукич, который тайком смахивал слезы, остановил меня. «Не надо, Шалва, — шепнул мне дрожащим голосом, — пожалей детей!» Да, конечно, в наших детдомах детям живется неплохо, но нужно ли объяснять кому-нибудь, что детям жилось бы счастливее в своей доброй семье вместе с родителями.

Каковы бы ни были мотивы усыновления и удочерения детей, люди, совершившие этот шаг, одновременно выполняют гражданский долг. Но почему повелось так, что в большинстве случаев муж с женой хотят сделать своим ребенком новорожденного младенца? Я не хочу видеть в этом что-то плохое, но меня настораживает то обстоятельство, что, став приемными родителями, родители эти строго следят, чтобы приемный ребенок никогда не узнал о своем действительном происхождении. Разумеется, в этом есть своя логика: уберечь самого ребенка от психологических травм, а заодно оставить за собой полное право родителей.

Но есть ли гарантия, что ребенок так никогда и не будет знать о родительской тайне, не будет подозревать, что есть какая-то тайна вокруг него? Я не знаю, есть ли какая-либо статистика по этому поводу, но могу предположить: добрая половина этих тайн, по всей вероятности, становится известной детям, и, должно быть, разгадка их в большинстве случаев вызывает различного рода воспалительные процессы внутри этих социальных узлов. В зависимости от возраста ребенка, от его впечатлительности, от его натуры в целом, в зависимости от личностных качеств и мотивов настоящих и приемных родителей нерв «тройничной психологии» может так

воспалиться, что нарушит гармонию, счастье и покой. Придет горе: может быть, скандалы, может быть, самопожертвование, может быть, отчуждение, могут быть и инфаркты, и страх, и слезы. И кто больше всех, вы думаете, пострадает? Каждый участник «тройничной психологии» будет втянут в неприятные переживания и страдания, но следует предположить, что все-таки в худшем положении окажется ребенок. Стоит ли он в «кавказском меловом круге» с распростертыми руками, в которые крепко вцепились мамы — теперь уже не скажешь, кто из них настоящая, а кто — ненастоящая, и каждая тянет ребенка в свою сторону, не обращая внимания на его крик, боль, страдание. Как тут быть? Какая тут действует психология? Какие нужны педагогика, мораль, законность? А как грубо, как беспощадно развязывают порой иные люди этот уязвимый социальный узел.

Все эти дни я искал книги, чтобы разобраться в психологии и педагогике этого сложного явления, но не нашел их. Почему нет их? Неужели наука — педагогика, психология, этика — не видит эту действительность? Неужели это такое незначительное явление в нашей повседневной жизни? Тогда вот что скажу: миллионы честных людей, у которых природа или болезнь отняла радость материнства, отцовства, мечтают усыновить и удочерить детей, многие стоят годами в очереди, ждут, когда вызовут их и прямо из больницы выдадут на руки младенца. Уверен: каждую минуту, когда я пишу эти строки, оформляется — в больницах и детских домах — усыновление и удочерение ребенка.

Значит, завязывается социальный узел, значит, рождается «тройничная психология» с ее нервом. А что это за психология, какие тут могут быть варианты узлов, как нужно беречь их и при необходимости, лечить, да, именно лечить нравственно-психологически-педагогическими путями? Неужели все это такие мелочи, что не следует тратить на них научные силы? Тогда хоть не дразните неискушенного учителя, который в своем поспешном поиске книг по лечебной

педагогике воспаления «тройничной психологии» (приношу извинения, если этот мой термин в точности не обозначает данное социальное явление) натолкнется на множество книг, авторы которых так глубоко разбираются в психологии и жизни муравьев и прочих насекомых. Это, конечно, неплохо, но плохо то, что миллионы социальных узлов наука не подвергла такому же достойному восхищения глубокому изучению. Почему я так критически настроен? Да потому, что вот описываю я всю историю, связанную с Сосо, и не знаю, правильно я действовал в ней или нет.

5 июля. Семья Сосо еще была в городе, хотя становилось все жарче и жарче. Отпустить мальчика в деревню одного не хотели. Отец собирался скоро в отпуск, и тогда они могли уехать все вместе. В этот день мальчик играл в большом дворе с ребятами. Во двор зашла женщина, подозвала к себе одну девочку и попросила передать письмецо Сосо. Когда девочка подбежала к Сосо — «Вот тебе письмо от тети!» и указала в сторону, где только что стояла женщина, ее уже там не было. Сосо отошел от мальчиков — они продолжали играть — и достал из конверта письмо. Мальчик, конечно, был удивлен и вначале даже ничего не понял. В письме было написано следующее: «Мой дорогой мальчик! Я твоя настоящая мать, я тебя родила. Потом так случилось, что тебя усыновили другие люди, которые обманули меня и теперь обманывают тебя, как будто являются твоими настоящими родителями. Неужели ты не хочешь быть с настоящей мамой? Я так страдаю без тебя, все вспоминаю тебя и плачу. Я собираюсь поговорить с твоими приемными родителями, но нужно, чтобы ты тоже твердо им сказал: "Хочу жить с родной мамой, а не с чужими людьми!" Я знаю, что ты у меня умный, добрый, и надеюсь на тебя. Как только заберу тебя, мы устроим с тобой путешествие в Москву, Ленинград. Никому, пожалуйста, это письмо не показывай. Целую тебя. Твоя родная мама».

Сосо с изумлением перечитывал письмо еще и еще раз, не разбираясь еще, в чем дело. Тут подошел к нему один взрослый мальчишка, который считался уже учеником 5-го класса. Он подсел к нему и, как это умеют неуравновешенные мальчишки вести себя с младшими, вырвал у Сосо письмо. Сосо пытался было вернуть письмо, но, не добившись этого, смирился. Мальчик с интересом прочел его. «Ой-ой! — говорит, неужели это правда? Я на твоем месте бросил бы всех и пошел бы к родной маме... Ты знаешь, что значит родная мать!» — «А у меня родители родные!» — «Родные, родные... Хочешь, узнаю правду? Подожди здесь, я сейчас!» Мальчик скоро вернулся. «Говорил же я тебе, — сказал он, — я маму спросил: как ты думаешь, говорю, Сосо пасынок у своих родителей? И она сказала, что да. У них не родился ребенок, и они усыновили тебя, понимаешь... Они тебе не родные... Мама сказала, что об этом никому не надо говорить, но я же от тебя не буду скрывать правду!» Сосо страшно растерялся, даже испугался чего-то. А пятиклассник все наседал: «Ну, что ты будешь делать? Надо бежать с настоящей мамой, вот что! Хочешь, спросим других тоже!» И он позвал двух более старших мальчиков. С ними пришли и другие, но их пятиклассник прогнал. «Уходите, — говорит, — у нас секрет!» Они-то отошли, но секрет очень скоро стал известен всем, причем все шептали друг другу новость, что, оказывается, Сосо усыновлен, брали клятву, что никому об этом ни слова не скажут. Однако все считали своим долгом дать какой-то совет Сосо. А те старшие мальчишки, ознакомившись с письмом, сперва присвистнули, потом пожалели Сосо, а потом один высказал сомнение, что, может, быть, все это неправда, а если правда, то все же следует остаться с прежними родителями. Другой, не подвергая ничего сомнению, сказал уверенно, что надо вернуться к настоящей маме, «да еще она обещает повезти тебя в Москву, Ленинград, ты понимаешь, что это такое?»

В тот день мальчик, по совету товарищей, дома ни слова не сказал родителям о письме от мамы, но не спал всю ночь.

Так начался воспалительный процесс нерва «тройничной психологии».

6 июля. Сосо не хочет говорить с мамой и папой. «Может быть, ты больной? — удивляется мама. — И вчера вечером ты был бледным. Давай измерим температуру!» — «Нет!» — грубит Сосо. Ему не хотелось спускаться во двор, но мальчики позвали. «Иди, поиграй с друзьями!» — сказала мама. Во дворе его сразу все окружили и начали допрашивать: «Ты, оказывается, приемный сын?» — «Ну, как ты решил?» — «Показал дома письмо? Нет? Молодец!» — «Когда придет настоящая мама поговорить с твоими? Не знаешь? А на чью сторону ты станешь, когда она придет? Не решил? Надо решать!» — «Знаешь, ты не верь письму, моя мама сказала, что они у тебя настоящие родители!» — «А моя мама сказала, что не настоящие, а приемные... Они его прямо из роддома забрали!»

Сосо что-то бормочет, голова у него идет кругом.

В это время к маме Сосо пришла соседка, взволнованная. Она долго мялась, но, в конце концов, сообщила ей, о чем дети шушукаются во дворе, сказала и о письме тоже. Маме стало плохо. Вызвали отца с работы. Позвали Сосо. «Подойди ко мне, сынок! — Сосо подходит, но видно, что не хочет. — Поцелуй маму!» Сосо стоит неподвижно, мама хочет погладить его по голове: «Ты мое золото, мое счастье!» И вдруг мальчик кричит истерически: «Ты мне не мама, не мама... У меня есть настоящая мама!»

Дальше пусть читатель представит, что могло произойти в семье.

 $7\ uюля.$ Утром отец приходит ко мне. Он очень взволнован, я успокаиваю. Из его отрывочного рассказа я узнал следующее.

После восьмилетнего лечения муж с женой потеряли надежду иметь собственного ребенка. Тогда они решили усыновить новорожденного, чтобы воспитать его как соб-

ственного с первых же дней и исключить всякие возможные недоразумения в будущем. О настоящей маме, которую они и в глаза не видели, не знают ровным счетом ничего, кроме того, что, как им сказали в роддоме, ребенок был «незаконным» и она добровольно отказалась от него. «Как она могла узнать, что ребенок стал нашим, не могу понять!» Они растили Сосо как родного сына, он стал смыслом их жизни. Соседи, конечно, знали, что Сосо их приемный сын, однако они не могли выболтать эту тайну. Тем не менее, они все же боялись этого и потому обменяли квартиру и переехали в другой район города. Но теперь появилась эта женщина. «Сосо не хочет с нами говорить, ничего не ест, молчит, письмо от этой женщины не показывает. Жена плачет, лежит в постели, у нее сердечный приступ. Что делать, как быть? Может быть, вы могли бы...»

Обещаю помочь. Прошу быть сдержанным и в меру ласковым с Сосо, не запрещать ему играть во дворе с друзьями, однако попытаться занять его чем-нибудь другим. Сосо не должен знать о нашей встрече. Вечером после шести часов позвоню по телефону и буду говорить с мальчиком...

Папа уходит.

А я приступаю к мысленному решению не знакомой мне до этого педагогической задачи.

Как быть, с чего начать? «Сделать обстоятельства человечными», «очеловечить среду». Какие обстоятельства, какую среду?

Обстоятельства такие, что Сосо получил письмо от матери, которая его (не буду говорить — «бросила», ибо тот, кто отказывается от ребенка, может быть, вовсе не бросает его без всякой материнской боли, а ищет лучший выход из создавшегося жизненного положения, заботясь не только о себе...) оставила в роддоме. Значит, надо очеловечить это обстоятельство.

Родители... теряют бодрость духа, они в панике, действуют на волне сильного прилива чувств, а не с опорой на му-

дрость. И это обстоятельство требует педагогической организации.

Дети во дворе, с которыми играет и общается Сосо, могут восстановить в мальчике душевное равновесие так же, как и нарушили его. Вот одно из самых важных обстоятельств, которое, действительно, требует очеловечения.

И мое участие должно быть безошибочным, педагогически целенаправленным, однако естественно убедительным, а не подчеркнуто театрализованным.

Правильно ли, исчерпывающе ли я осмысливаю суть очеловечения среды и обстоятельств вокруг Сосо в создавшемся положении? Можно мне уже взять трубку телефона и звонить Сосо? Что еще нужно? Ах да, мне еще нужно «влезть в детскую шкуру» мальчика, стать на его место... нужно знать его всесторонне... Чтобы судить о ребенке справедливо и верно, нам нужно не переносить его из своей сферы в нашу, а самим переселиться в его духовный мир... Беру трубку... слышу спешащий ко мне на помощь совет Гиппократа: «Нужно лечить не болезнь, а больного, тоже не забудь!» Набираю номер.

— Алло! — звенит детский голос, который я воспринимаю как SOS.

Да, я уже услышал, первый услышал этот сигнал, мой мальчик, и потому бегу к тебе на помощь!

- Coco? Как я рад, что хоть тебя застал дома! Звоню твоим одноклассникам, никого нет дома, все разъехались, что ли? Ты должен мне помочь!
 - Помочь?!
- Ну да... Если я очень попрошу твоих родителей и они согласятся, то ты не переселишься ко мне хотя бы на три дня? Согласен? Вот спасибо! Не забудь взять интересные игрушки, чтобы нам вместе играть!

Почему я так сразу забираю Сосо? Потому что иначе события могут осложниться: ребятишки во дворе могут подбить его на что-нибудь необдуманное, а та женщина (так я буду ее называть, чтобы было понятно, о какой маме идет речь) может прийти домой к родителям и устроить сцену. Кроме того, мальчику нужно выйти из оцепенения, его нужно встряхнуть и вернуть самому себе.

8, 9, 10 июля. Мы с Сосо вдвоем у меня в квартире живем весело и интересно. Его помощь заключалась в том, чтобы составить мне компанию, так как я остался дома совсем один, теща и жена с детьми устроили себе недельную поездку на море. Мы сами готовим себе завтрак, обед, ужин, едим мороженое, играем во дворе в бадминтон, ходим в кино, из конструктора строим сложные машины. Разговариваем обо всем, допоздна смотрим телепередачи. Но одновременно мы работаем по нескольку часов в день: я сажусь у своего письменного стола и читаю книги по педагогике, порой делюсь с Сосо своими размышлениями о воспитании. Вспоминаем наших третьеклассников, я откровенно рассказываю ему, с кем какие у меня воспитательные проблемы. Сосо тоже работает: я дал ему несколько книг стихов и рассказов и попросил помочь мне выбрать несколько произведений, которые, по его мнению, было бы хорошо почитать всем классом и поговорить о них.

Я не спешу, чтобы Сосо показал мне письмо от женщины, сразу открылся бы мне во всем.

Сосо — слабовольный и эмоциональный мальчик, с развитым чувством жалости и сострадания. Обижается легко, действительно большой шалун, но и пугливый. Вокруг него дети не группируются, так как у него нет способности быть лидером, однако он становится активным членом любой детской группировки. Любит своих родителей, особенно привязан к папе. Родители балуют его и ласками, и игрушками, и красивой одеждой, и прогулками. Учится нормально, любит рисовать, танцевать, он артист нашего классного кукольного театра.

Что же может твориться в душе этого мальчика с письмом в кармане от женщины, которая, оказывается, родила его? И я пытаюсь «влезть в его шкуру», стать на его место. Ка-

кие переживания охватили бы меня, девятилетнего мальчика в положении Сосо? Меня обманывают, я не у настоящих родителей, меня взяли из роддома, настоящая мама, моя бедная мама ищет и зовет меня. А почему ни разу я ее не видел? Наверное, мои родители скрывали меня от нее... Я должен вернуться к маме... Все ребята твердят мне, что ребенок должен жить у своей мамы... Мы с мамой будем путешествовать... Но как оставить своего папу, моего доброго папу? А мама заболела из-за меня... Она может умереть от горя, если я брошу ее... Нельзя ли нам всем жить вместе? Уйду... Нет, останусь... Нет, уйду... Когда она придет? Какая она? Наверное, красивее всех... Как будет папа без меня... Я же люблю их! Почему меня обманывали? Что же делать?

Вместе со всеми этими мыслями меня — девятилетнего Сосо — охватывает еще какое-то смутное чувство жалости к самому себе (я заброшен, у меня никого нет), охватывает какое-то чувство удовлетворения или даже гордости, (я в центре внимания всех ребят во дворе, я могу решить, как захочу). Меня манят обещания «мамы» — дальние поездки, изменение образа жизни, но меня тянет к родителям, которые стали для меня такими дорогими... И мне хочется плакать, хочется, чтобы меня ласкали, уговаривали. Однако я остаюсь ребенком, мне хочется играть, шалить, веселиться, и потому время от времени я забываю обо всем, о том, что у меня «горе» и что я должен решить огромную жизненную проблему, и я возвращаюсь к самому себе, становлюсь таким, каким я был до сих пор. Особенно тяжело мне по ночам, когда я ложусь спать и натягиваю одеяло на голову. Тогда меня мучают мысли и сны...

И мне становится ясно, как мальчик ждет добрых наставлений от человека, которому он доверяет, которого уважает и любит. Мне надо попытаться быть для него таким человеком. Сам он не может разобраться в самом себе, он сейчас качается, как тростник при сильном ветре, он переживает первый удар жизненной волны.

А теперь мне самому нужно разобраться в сути своих возможных действий.

На каких предпосылках строить эти действия?

Сосо должен остаться у своих родителей добровольно, это раз.

Он всю жизнь будет знать, что у него есть мать, которая родила его, и это знание не оставит его пассивным в будущем, — это два.

Чернить в глазах мальчика родившую его женщину нельзя, потому что он может отнестись к такому утверждению с недоверием и, что главное, она, может быть, вовсе не заслуживает осуждения, — это три. Объяснить Сосо, насколько это будет возможным, что значит «настоящие родители» и что он может гордиться своими родителями, — это четыре.

Утром третьего дня, когда мы проснулись и еще лежали в постели, я со всей серьезностью говорю ему:

- Я тебе друг или нет?
- Да.
- Я чувствую, что тебя что-то мучит, ты и спать спокойно не можешь... Объясни, пожалуйста, что с тобой? Может быть, я смогу чем-нибудь тебе помочь?

Мальчик помрачнел, насупился и заплакал. Ну и, конечно, открылся мне.

- И как ты решил?
- Не знаю! говорит.
- Так давай вместе подумаем, как быть. Я бы на твоем месте остался жить со своими настоящими родителями, которые вот уже девять лет воспитывают тебя, а до того, как ты у них появился, пятнадцать лет жили тем, что ждали тебя, мечтали о тебе. Ты это понимаешь? Надо благодарить женщину, которая тебя родила, но надо остаться достойным и любящим сыном для действительных родителей... А кого, по-твоему, можно назвать настоящими родителями?

Затем мы вспоминаем маму, которая сейчас больна, потому что страшно переживает все это.

— Ты, наверное, тоже переживаешь за нее?

Говорим о папе, какой он удивительный, интересный человек, как его все любят, какие сложные операции он делает.

— А ты бывал у него в операционной? Нет? Надо попросить, чтобы он взял тебя к себе в больницу, тогда ты увидишь своего папу — хирурга... Слушай, а ведь он, видимо, в страшном волнении! Кто ему может помочь, кроме тебя?

 ${\it N}$ так постепенно Сосо начинает волноваться за своих родителей...

Я у них уже успел побывать вчера, оставив мальчика дома одного со своими игрушками. Ему, конечно, не сказал, что иду к его родителям. По дороге к ним я все пытался разобраться в психологии приемных родителей. Они обычно берут на воспитание ребенка после того, как потеряна всякая надежда иметь своего ребенка. Делают это после долгих и мучительных размышлений, взвешивая все за и против: а вдруг у ребенка окажется наследственная болезнь, какой-нибудь умственный или физический дефект. А когда, наконец, решаются, то принимают ребенка с неописуемым трепетом и волнением. Все, что должны делать для своего ребенка обычные родители, они делают, возводя свою заботливость в квадрат и куб. Родительская — материнская, отцовская — любовь, которая разгорается в них сразу же, постепенно дополняется еще и специфическим, присущим только им чувством тревожного ожидания. Они гораздо более уязвимо переживают малейшую грубость ребенка по отношению к ним, заботятся о нем вплоть до мелочного опекунства. Бездетные родители, как правило, усыновляют или удочеряют только одного ребенка, проявляя тем самым в какой-то степени эгоистические стремления. Ведь могли же они, родители Сосо, стать родителями еще двоих или даже троих детей? Могли, конечно, и это было бы похвально, родительские чувства при воспитании нескольких детей стали бы более уравновешенными. Однако они об этом и не помышляют.

С родителями Сосо я поговорил о своих исходных принципах в связи с создавшейся ситуацией. Они согласились тоже придерживаться их. Намекнул, что было бы желательно — и для Сосо, и для них самих, и это было бы исполнением гражданского долга — чтобы у мальчика появилась еще и сестренка. Обещали, что подумают по этому поводу.

Женщина эта, как стало известно, больше не показывалась, она не пришла к родителям Сосо. А если придет, как быть, что ей сказать? Надо уговорить ее, чтобы не мешала им в воспитании мальчика, что же еще!

Затем по моей просьбе они пригласили к себе несколько соседских ребятишек, вместе с которыми играет Сосо во дворе. Ребятам я объяснил, что если они будут подталкивать мальчика к неразумным поступкам, то с ним может случиться непоправимая беда; они обещали помочь нам.

На обратном пути мои мысли были заняты женщиной, родившей Сосо. Я как бы разговаривал с ней, представив ту женщину, которая прогуливалась по коридору перед нашим классом. Ищу мотив, чтобы оправдать ваш поступок — оставить ребенка в роддоме, даже не взглянув на него, — говорил я ей. Может быть, человек, который не пощадил вас, заставил избавиться от ребенка? Может быть, вас принудили к этому ваши же родители, которые испугались, как бы имя дочери и семьи не было запятнано? Может быть, вы переживали тогда такую экономическую нужду, что вам не на что было бы кормить и содержать ребенка? Может быть, не хотели обременять свою праздную жизнь заботами о ребенке? Может быть... может быть... Но нет, сколько бы ни было таких мотивов, оправдать полностью поведение родившей ребенка женщины и тут же отказавшейся от него — не могу! Скажу вам прямо: не смогли вы устоять перед экзаменом материнства, не оказалось у вас сердца матери.

Матерью могут называться не те женщины, которые только рожают ребенка. Да, никто не спорит — трудно вынашивать ребенка в течение целых девяти месяцев; жизнь

женщины, родившей ребенка, тоже висит на волоске. Но более сложным и изнурительным является этот долгий процесс превращения ребенка в человека, и не просто в человека, а с высокими идеалами, мыслями и стремлениями. Девяти месяцев на это дело никак не хватит, не хватит и девяти лет, может быть, и вся жизнь матери испепелится в заботе о «ребенке», который давным-давно перешагнул возраст детства. Что же получается в нашем случае: вы вдруг захотели стать матерью оставленного вами в роддоме ребенка! Спустя девять лет вы начали разыскивать следы рожденного вами мальчика — почему? Может быть, разбились ваши тогдашние мечты, в которых не было места ребенку? Может быть, совсем наоборот — вы счастливы, но чтобы стать еще счастливее, вам нужно вернуть ребенка? Может быть, вас напугала жизнь или замучила совесть — и потому ищете пристанище надежды? Ребенок вас не знает, у него есть родители, он их любит, он счастлив, а вы врываетесь в его жизнь. Не захотели иметь младенца, но хотите заиметь уже повзрослевшего в родительских заботах других людей сына? Думаете ли вы, что разрушаете счастье и ребенка, и добрых людей, ставших его настоящими родителями? Хоть сейчас проявите слабость материнского сердца: мучайтесь сами, но не допускайте, чтобы мучился ребенок. Не надо вам больше появляться в жизни Сосо, не надо причинять ему душевных тревог...

С этими мыслями я и пришел вчера домой, а Сосо преподнес мне сюрприз: испеченные им оладьи, вкусные и сладкие...

- ...Мы встаем утром и строим планы на сегодняшний день.
- Сосо, а что сейчас происходит дома?

Мы звоним родителям.

— Здравствуйте, это мы! Можно сегодня поужинать у вас? Спасибо, ждите!

Надо купить маме цветы. Я одолжу тебе деньги, вернешь, когда будешь получать зарплату.

Учти, хоть отец твой и врач, однако на этот раз ты есть настоящий врач мамы и папы.

Письмо от женщины? Хочешь, положи его в мой сейф... Пусть хранится здесь, а ключи лежат в этом ящике письменного стола...

Время идти на базар покупать цветы? Ну, пошли.

А эту твою игрушку можешь оставить мне на время? Я еще поиграю с ней. Спасибо!

Вот и твой дом. Осторожно, не ушибись на лестнице!

Помни, ты врач, и чтобы лечить папу, надо броситься ему на шею, а маму надо поцеловать и подарить ей цветы!

И не забудь еще, что ты лучший добрый шалун в мире, добрее Карлсона!

 ${\sf N}$ звенит в доме Сосо веселый продолжительный звонок — «дин-дин-дин-дин-дин».

Еще секунда, и Сосо вернется в дом.

Как родители поведут себя — здесь уже все ясно и надежно.

Как друзья во дворе отнесутся к его судьбе — тоже можно не волноваться.

Но какие еще могут возникнуть недоразумения, если женщина, родившая Сосо, снова вернется в жизнь этой семьи так бестактно и бездумно, — об этом можно только гадать.

...А сегодня, когда все они, после двухнедельной поездки в горы, пришли ко мне в гости, я спешу успокоить родителей Сосо, пока сам мальчик вместе с Валерией Гивиевной готовят для нас бокалы с прохладительными напитками.

— Да, конечно, я постоянно будут дружить с Сосо и буду делать все, что от меня зависит...

Но что от меня зависит, и что я буду делать дальше, пока не могу отчетливо представить.

H

Хвала уроку (4 октября)

Школьный календарь Илико

И название этой главы, и тему, которую сейчас пишут дети мне подсказал Илико. Он сам об этом, конечно, и не подозревает, он только что перестал грызть ручку и теперь полностью поглощен письмом. К письму приступили и остальные, кроме Русико и меня, — мы еще обдумываем, что и как написать. Если на этом уроке не успеем закончить писать, то продолжим и на втором уроке. Мы не просто пишем сочинение на данную тему, мы все сейчас находимся в творческом горении. Каждый из нас, сидящий за партой, — я тоже сижу на последней парте, рядом с Русико, — является сейчас и писателем, и художником, и издателем своей книги в одном экземпляре. Тетради, которые скоро превратятся в книжки, мы готовим заранее, на уроках труда: возьмешь лист плотной бумаги, сложишь раз, затем — два, затем — три раза, соединишь ниткой — аккуратно! — в середине, разрежешь страницы, и получается тетрадка для будущей книги. У нас их очень много, ибо мы то и дело пишем сочинения на свободную тему в этих книжках, а не в обычных тетрадях. А почему не в тетрадях? Так интереснее: у каждого свое издательство, у Теи, например, издательство называется «Ромашка», у Дато —

«Знание», у Сандро — «Искра», у Вовы — «Прометей», у многих других — «Саирмула» (от названия улицы, где находится наша школа), у меня же — «Поиск». И издаем книги: после написания сочинения, рассказа тут же красочно оформляем обложку, рисуем картинки по содержанию текста, пишем оглавление, делаем сноски для объяснения тех или иных слов. Указываем также год, месяц, число издания книги. С начала сентября это уже пятый такой урок.

Раз есть книги, значит, нужно, чтобы кто-нибудь читал их. У нас есть свои читатели: родители, близкие, товарищи, ребята из других классов.

Бывает, что книга не получается, то есть сидишь, грызешь авторучку, думаешь, но в голове все же не появляется интересная мысль, хороший сюжет.

А разве у писателей всегда все получается? Мы тоже так: получится — хорошо, не получится — тоже не беда, получится в следующий раз. Это же творчество!

Вот мы сидим сейчас и творим. В классе мертвая тишина, не считая шума, который доносится из коридора. Скоро наши издательства, если всех нас посетит Муза, выпустят тридцать девять (считаю и мою) книг разного содержания (ибо мы все разные), но одного названия, ибо тема одна — «Здравствуй, Урок!» Пусть каждый напишет об уроке, что хочет. Ведь урок — это отрезок жизни. Вот и нужно поразмыслить о том, как эта жизнь кипит на уроке. А почему именно об уроке тема? В том-то и дело: нам ее задал Илико.

К первому сентября он принес всем нам подарок: придумал свой школьный календарь, начертил его цветными фломастерами на двух больших листах бумаги. Дети пришли в восторг. И я не скрывал своей радости и удивления. Висит теперь в классе календарь Илико, и мы уже не можем обходиться без него. После того, как мы отметили юбилей тысячному уроку — это было в первом классе, Илико все время вел счет нашим урокам. «Сегодня у нас будет тысяча сотый урок! Скоро у нас будет двухтысячный урок, надо справить ему юбилей!»— напоминал он нам. Как-то я ему объяснил еще, что я высчитывал, кроме уроков, и школьные дни и прожитые на уроке минуты. Показал, как я это делаю. Но вовсе не думал, что Илико проведет свое лето над созданием нового школьного календаря, который мы так и окрестили: календарь Илико. «Посмотрите в календаре Илико...», «А как в календаре Илико...» — то и дело интересуемся мы, как только на уроке раскрываем тетради, чтобы записать что-нибудь, решить задачи, выполнить упражнения. А календарь этот стал для нас необходимым потому, что по предложению детей в тетрадях для классных работ вместе с датой мы пишем порядковый номер урока, в котором в данный момент протекает наша жизнь. И действительно, чем плохо, если в левом верхнем углу доски мы специально отведем рамочку, в которую будем записывать:

14-е сентября

Урок № 2427. Математика.

22-е сентября

Урок № 2489. Грамматика.

Или же, как сегодня:

4-е октября

Урок № 2499. Сочинение.

А следующим будет юбилейный — 2500-й урок. Об этом впервые — на прошлой неделе — и заговорил Илико: приближается, говорит, две тысячи пятисотый урок, надо провести юбилей. Тогда и решили на 2499-м уроке написать сочинение — создать книжки об уроке и прочесть их на следующем юбилейном уроке. Вот почему мы сейчас так увлеченно погружены в тишину и свои мысли.

Каков этот календарь Илико? Оригинальный, очень интересный. Приведу здесь только часть календаря, которая отражает четвертую четверть учебного года.

Теперь мы знаем, как движется наше учебное время, какие дни, какие уроки и даже минуты нас ожидают. Знаем и го-

товимся к ним. Вот, к примеру: 27 октября мы будем отмечать 550-й, 23 января 600-й, а 11 апреля — 650-й школьный день (до 700-го дня дело у нас не дойдет). 20 марта к нам придут торжества 3000-го урока. А вот пятая минута 2858-го урока, который настанет во вторник 31 января, будет стотысячной минутой нашего непрерывного обучения, начиная с первого урока подготовительного класса. Вы понимаете, в чем дело: регистрированы детьми-третьеклассниками! — каждый школьный день, каждый урок, минуты на уроке, чтобы они не пропадали даром. Регистрированы потому, — и, надеюсь, это обнаружится в сегодняшних сочинениях детей, — что они доставляют им радость общения и муки познания, которые тоже выливаются в радостное ощущение. Не нужны мне уроки передачи знаний, и вообще, не терплю это бездушное понятие — «передача знаний». Я бы взял все учебники по педагогике и методике и вычеркнул бы из них каждое повторение этого словосочетания, заранее настраивающее педагога на то, чтобы занять в классной комнате самое видное место, оглядеть своих учеников, чтобы они смотрели ему в глаза (как будто слушают и мыслят глаза и потому взор их должен быть направлен к источнику знаний, то есть к губам учителя), и приступить к передаче опыта и культуры человечества. Что же ученикам нужно делать в это время: хладнокровно хватать эти знания, получать их, как получают они, скажем, купленную в магазине книгу, и класть в карман, ранцы, чтобы не утерять? Или тоже мыслить и, со своей стороны, тоже передавать своему учителю свой опыт и свои знания? Но чтобы состоялось это последнее, нужен не процесс передачи и получения знаний, а процесс совместной духовной жизни ученика и наставника, которая не может состояться без эмоций. «...Без "человеческих эмоций" никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины».

Без «человеческих эмоций...»

О каких эмоциях идет речь? О тех ли, которые возникли бы, если бы я принуждал моих третьеклассников, и они, бо-

ясь меня, моих прав, слушали и подчинялись мне? Это тоже человеческие эмоции, ребенок полон ими и потому со всей силой шарахается от своего учителя.

Нет, речь идет об эмоциях, которые притягивают детей к познавательному процессу. Этот процесс должен быть заполнен человеческой жизнью, и тогда притягательные, так сказать, положительные эмоции появятся в каждом ребенке. Мои третьеклассники считают уроки, но не потому, чтобы поскорее избавиться от них, а для того, чтобы интереснее, богаче, интеллектуальнее прожить их. «На спектакле "Горе от ума", который давали мы для школьников, — рассказывал Игорь Ильинский, — в ответ на мою реплику в роли Фамусова: "Ученье — вот чума!" — в зале раздался гром аплодисментов». Чему порадовались школьники-зрители? Произнесенной с высоким артистизмом реплике? Нет, своим громом аплодисментов они только говорили артисту, что им надоело учение, которое больше походит на мучение, чем на жизнь. Аплодисменты еще выразили их отрицательное отношение к своим учителям, к которым я не желаю быть причислен.

Когда Илико пришел в школу со своим календарем, дети начали критически проверять каждую цифру, это продолжается до сих пор. Я попросил тогда Илико сделать доклад о своем календаре. «Только не на уроке! — сказал он. — Жалко зря тратить уроки!» А после уроков послушать сообщение Илико остались все, и он нам сказал: «Этот календарь я придумал потому, чтобы все знали, как мало уроков осталось у нас в этом году и как надо беречь их. В первом и втором классах мы еще не знали цену учения, а теперь знаем, только не все. Некоторым еще нужно посмотреть в календарь и убедиться, что нельзя упускать из своей жизни ни одной минуты урока... Вот, возьмем любой урок, скажем, 2447-й урок, который будет вторым в понедельник 20 сентября, это будет урок русского языка. Он окончится на 85 645-й минуте нашей школьной жизни. Можно ли уходить с этого урока так, чтобы не поработать хорошо, не научиться лучше говорить, читать и писать по-русски? Нельзя, потому что это время уже не вернется обратно, а дальше идут уже другие уроки с другими делами. Вопросы есть?»

Должен признаться, что доклад Илико стал уроком для меня! И вообще, Илико меня многому научил. Этот плотный, упитанный мальчик сперва все удивлял меня своей способностью усваивать грузинскую речь. В подготовительный класс он пришел со знанием только русского языка, но через месяц-другой он заговорил на грузинском языке вполне сносно, а потом хорошо, сейчас же он говорит и пишет образно, литературно, эмоционально. Он все больше и больше обнаруживал способность мыслить обобщенно, схватывать сразу, догадываться. А на этот раз после каникул пришел с такими знаниями, что мы ахнули: он взял и решил все примеры и задачи из учебника третьего класса и приступил к решению примеров и задач из учебника четвертого класса. За это время он прочитал много книг — рассказов и стихов на грузинском и русском языках. Читает научные журналы — интересуется биологией, математикой, астрономией, космонавтикой. Я не могу, ну что делать, не могу ответить на все его вопросы и часто предпочитаю сказать ему: «Илико, прости, пожалуйста, но я не знаю этого!» Илико не обижается, напротив, на другой же день опять наступает на меня со своими вопросами:

- Как вы думаете, Шалва Александрович, будет ли растение быстро расти, если воздействовать на него ультразвуками?
 - Понятия не имею!
- А если в космическом корабле в горшочке с четырьмя дырочками в разных концах посеять зернышко фасоли или какого-нибудь другого растения, и этот горшочек будет крутиться одновременно и так и так (и он показывает мне руками, как может в двойном движении находиться предмет), то в какую сторону будет развиваться зернышко, или оно погибнет?
 - Где ты такую головоломку вычитал?

— Нигде я ее не вычитал, просто интересуюсь!

Предлагаю Илико вместе пойти к учителю биологии, но он отказывается. Не хочу, говорит, мне лучше самому об этом подумать. Но Илико хочет не только думать, он стремится к спору с товарищами: вокруг него на переменах часто собирается маленькая группа в составе Дато, Магды, Лери, Зурико, Гига, Сандро, Ираклия, к ним примыкают и другие, и начинается такое бурное обсуждение вопроса, что весь коридор замирает. Я тоже часто присоединяюсь к группе, но не для того, чтобы утихомирить детей, призвать их к порядку. (И почему этот познавательный гул следует принимать за беспорядок, это же научный симпозиум третьеклассников.) Изучив интересы Илико, я стал приносить ему книги, проявляя постоянный интерес к его взрослению.

Этот мальчик, бурлящий от страсти познания, этот крикун, бегун, скакун и драчун полон также чувства справедливости, честности и доброты. Передо мной — талант, который требует от меня особой заботливости. Такой заботливости, которая поможет мальчику раскрыться полнее, как только возможно на этой возрастной стадии, укрепить свои силы, а не возгордиться тем, что он у нас «самый, самый умный». Надо закрепить в нем доброту и отзывчивость, справедливость и честность, надо развить в нем смелость, и потому пусть свободно высказывается, когда уверен, пусть упорно и настойчиво отстаивает справедливость. Чем я могу ему помочь? Не сделаю же из него — третьеклассника профессионала-ученого? Но чтобы не погасить его познавательной страсти, во-первых, буду часто с ним спорить или выслушивать его задачи, вопросы, гипотезы, суждения. Вовторых, не буду задерживать на скудном для его ума учебном материале. Пусть на уроках, которые он так аккуратно и точно распределил по датам и пронумеровал, займется более сложным делом — работает по учебникам четвертого класса. Что тут страшного? Только трудно будет мне самому, так как надо руководить этим процессом, чтобы мальчик продвигался

не стихийно, а последовательно. Придется водить его порой к учителям старших классов, чтобы те консультировали и его, и меня тоже.

В моем воображении возникают картины ближайших десятилетий. Пройдут годы, настанет XXI столетие, и среди виднейших ученых будут называть моего Илико. Этот Илико — автор многих открытий, основоположник новой теории, создает научную базу, способствующую прогрессу и укреплению мощи и благосостояния Родины; этот авторитетный ученый растит поколение первоклассных специалистов, прививая им чувство гуманности и справедливости.

Ну как, Илико, готовишься ты к своему нелегкому будущему? Да, Илико готовится — он пишет сочинение на уроке. Русико, рядом с которой я сижу на последней парте, тоже, кажется, собирается приступить к письму. А я тут размечтался.

Поделиться с людьми самим собою

Я сосредоточиваюсь. Сосредоточена и Русико: глаза прищурены, лицо напряжено, грызет ноготь на большом пальце левой руки, Правая же то и дело записывает на рабочем листке слова, выражения, чертит барашки. Суть их известна только ей. Русико размышляет, вызывает в себе облачко сомнений, мыслей. Как нужно сосредоточиться и размышлять над темой, я учил детей еще в 1-м классе. Нельзя же говорить им: «Вот, дети, тема вашего сочинения, вот план, по которому вы должны сочинять, я уже дал вам направление, что и в каком порядке нужно писать, тему мы с вами уже проработали, берите теперь авторучки и пишите!» И после такого выступления стать в сторонку и наблюдать, чтобы никто не списывал, другим не мешал. Теперь мне даже не верится, что учитель так может давать своим ученикам письменное сочинение. Да еще требовать от них, чтобы они приступили к

письму немедленно, а тех, кто задумывается, упрекать в неподготовленности.

Так я проводил уроки раньше, пока не узнал о психологических закономерностях письменной речи. До этого я письменную речь понимал как сумму двух слагаемых — устной речи и техники письма. Что тут сложного? Умеет же ребенок говорить, я еще научил его писать, так пусть возьмет в руки авторучку и напишет все то же самое, о чем только что говорил. Разве это проблема? И искренне удивлялся, когда видел, как иные ребятишки, которые бойко, складно, эмоционально рассказывали о разных небылицах, приступая к письму, начинали лепетать, словно только что научившиеся говорить малыши. Куда, как, почему исчезла вся живость, сочность устной речи? Даже содержание маленького рассказа, которое каждый воспроизводил без запинки, они не могли пересказать письменно. Как будто эта авторучка, как заколдованный ключик, наглухо запирала дверцы, через которые должны были выйти слова и расположиться на бумаге.

Методические пособия, к которым я обращался за помощью, оказались равнодушными к моим переживаниям. Он авторитарно и с упорством самоуверенного наставника — мол, я старше тебя, верь мне и следуй за мной, не ломай себе голову из-за пустяков! — внушали и втолковывали: научи детей своих писать красиво и орфографически правильно! Обогащай их речь новыми словами, учи устному пересказу, а письменная речь придет сама собой; она ждет где-то там, на более высокой возрастной ступени, и желает появляться только в карете, запряженной тройкой — каллиграфией, орфографией и пунктуацией.

Я поверил этим методическим курсам, как верят порой мудрецу, который унаследовал свои наставления от мудрецапрапрадедушки и долгое время не допускал мысли о том, что и мудрецы — люди, и тоже могут ошибаться. Письменная речь — трудная вещь для младшего школьника, объясняли

мне в один голос все руководства. Трудная, а потому не спеши. Пусть дети списывают, пишут под диктовку, отвечают на вопросы заученными наизусть фразами, пусть пишут они заученные тоже наизусть стишки, и если очень этого хочешь, то научи их излагать своими словами содержание рассказа. А там видно будет — куда же деваться письменной речи, сама придет!

Вот мудрость методики, которая руководила моей работой с тогдашними моими маленькими учениками. Я не задумывался над тем, были ли справедливы эти рекомендации. Не задумывался и над такой несуразицей, как, скажем, изложение содержания литературного, художественного, образного рассказа своими словами. Что значит изложить своими словами? На деле я видел, что учил детей искажать, коверкать хороший рассказ, портить его, придавать ему такой вид, что любой писатель, увидев, как поиздевались над его творением, тут же потерял бы дар речи. Другое дело, когда писатели из детских мыслей творят художественные образы, то есть пересказывают своими словами плоды фантазий и впечатлений маленьких школьников, и в такой литературной форме дарят их ребятишкам, чтобы те научились и нравственности, и тому, как можно мыслить, говорить, фантазировать еще интереснее и богаче.

У меня до сих пор звучит в ушах мягкое, но строгое требование моей «тети Варо», когда она вызывала нас рассказывать содержание глав рассказов Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели: «Рассказывайте ближе к тексту! Говорите словами самого автора!» Разве могли бы они обогатить нашу речь, возвысить чувства, если бы мы постоянно упражнялись в упрощении духовного мира и литературных образов писателей! Теперь я знаю, что требовать от младших школьников рассказывать литературные произведения своими словами равносильно преднамеренному заселению их духовного мира жалкими образами, которые могут вызывать скорее отвращение к художественной литературе, чем любовь и стремление к ней. Знаю еще, что смешно предположить, будто таким способом можно развить письменную речь ребятишек.

Развитию письменной речи не могут способствовать также письменные ответы на вопросы уже заученного наизусть рассказа, разного рода списывания или диктанты. Как бы ни гналась тень за человеком, как бы ни перегоняла она его, удлиняясь перед ним, как бы ни уподоблялась она ему, все равно ей никогда не стать самим человеком, не подменить его. Разумеется, это утверждение не вызывает сомнения. Так почему тогда мы надеемся, что эти же самые тени, внешне похожие на письменную речь, но падающие, может быть, от других предметов, — эти списывания, диктанты и пересказы могут когда-либо стать письменной речью? Доказал ли кто-нибудь, что достаточно на стройплощадке навалить все необходимые материалы и ни о чем больше заботиться не надо — дом построится сам? Хотя голова ребенка вовсе не стройплощадка и, к счастью, там очень многое происходит независимо от нас, но не все и не всегда с успехом. Тем более что мы вводим в голову ребенка отдельные элементы письменной речи, а не весь ее комплект. Каллиграфический почерк, орфография, пунктуация, лексика — все они в какой-то степени шлифуются с помощью длительных и упорных упражнений, и мы ждем от ребенка письменной речи. И так как она все задерживается, то утешаем себя: «Ничего не поделаешь, возрастная особенность, надо ждать!» Но чтобы стройматериалы превратились в хорошее, красивое здание, нужны люди, умеющие строить и имеющие план, что и как строить. Есть ли такие человечки в голове ребенка, которые из этих элементов возведут не здание, а более сложный, чем все электронно-вычислительные машины, механизм, — владение письменной речью, то есть умение мыслить, творить, созидать письменно?

Раньше я нередко ставил своих учеников перед такими трудностями: вот вам, ребята, часть целого, а целое стройте сами! Дети еще молодцы, что как-то находят в себе силы доделать недоделанное нами. Я тогда удивлялся такому про-

стому неумению, проявляемому моими маленькими учениками: письменно изложить то же самое впечатление, о котором только что они говорили с такой экспрессией. И не только удивлялся, но и принимал меры воздействия: упрекал их, требовал от них, так как мне казалось, что ученики мои просто не хотят, не любят писать. И, не получив нужного результата, отмахивался от трудностей и примыкал ко всем остальным методистам и учителям, которые занимались с детьми списыванием.

Для меня теперь все это осталось далеко позади. Оказалось, что письменную речь в ребенке можно «разбудить» гораздо раньше, только к ее формированию нужно приступить незамедлительно, с первого же дня пребывания ребенка в школе, и притом еще — с помощью целенаправленной методики. Ключ к разгадке некоторых тайн развития письменной речи у младших школьников я обнаружил для себя в золотом ларце мудрости психологии — в книгах Льва Семеновича Выготского. У меня до сих пор остались выписки двадцатилетней давности. Они — эти яркие мысли — направили мой поиск путей формирования письменной речи у младших школьников.

«Почему письменная речь трудна школьнику и настолько меньше развита у него, чем устная, что различие в речевом возрасте по обоим видам речи достигает на некоторых ступенях обучения 6–8 лет?» Вот на какой главный для меня вопрос нашел я ответ в размышлениях известного психолога. «Письменная речь не есть <...> простой перевод устной речи в письменные знаки, а овладение письменной речью не есть просто усвоение техники письма. В этом случае мы должны были бы ожидать, что вместе с усвоением механизма письма письменная речь будет так же богата и развита, как устная речь, и будет походить на нее, как перевод — на оригинал. Но и это не имеет места в развитии письменной речи». А затем ученый буквально на глазах, подобно озорному мальчишке, играющему рогаткой, вдребезги разбивает все

мои методические представления об особенностях письменной речи и, разумеется, о методах ее развития. В тогдашнем моем конспекте сгруппированы следующие характеристики письменной речи.

- Письменная речь совершенно особая речевая функция, отличающаяся от устной речи по строению и способу функционирования.
- Письменная речь требует для своего хотя бы минимального развития высокой ступени абстракции.
- Это речь без интонационной, экспрессивной, вообще без всей звучащей стороны.
- Это речь в мысли, в представлении, но речь, лишенная самого существенного признака устной речи материального звука.
- «...Именно отвлеченность письменной речи, то, что эта речь только мыслится, а не произносится, представляет одну из величайших трудностей, с которой встречается ребенок в процессе овладения письмом».
- Это речь собеседника, в совершенно непривычной для детского разговора ситуации.
- Это речь-монолог, разговор с белым листом бумаги, с воображаемыми или только представляемыми собеседниками.
- Ситуация письменной речи требует от ребенка двойной абстракции: от звучащей стороны речи и от собеседника.
- Письменная речь в той же мере труднее устной речи, в какой алгебра для ребенка труднее арифметики.
- «...Но так же точно, как усвоение алгебры не повторяет изучения арифметики, а представляет собой новый и высший план развития абстрактной математической мысли, которая перестраивает и поднимает на высшую ступень прежде сложившееся арифметическое мышление, так точно алгебра речи, или письменная речь, вводит ребенка в самый высокий абстрактный план речи, перестраивая тем самым и прежде сложившуюся психическую систему устной речи...»

Мысли, которые вдохновляют

Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов.

Одно полустишие, услышав которое становятся спо-койными, лучше тысячи стихов, составленных из бесполезных слов.

Одно полустишие, услышав которое становятся спо-койными, лучше чем если бы кто-нибудь продекламировал сто стихов, составленных из бесполезных слов.

Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве.

Поистине, победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смирившего себя, лучше, чем победа над другими людьми.

Пусть некто месяц за месяцем тысячекратно в течение ста лет совершает жертвоприношения, и пусть другой воздаст честь — хотя бы на одно мгновенье — совершенствующему себя. Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений.

Пусть человек сто лет ухаживает за огнем в лесу, и пусть он воздаст честь — хотя бы на одно мгновенье — совершенствующему себя. Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений.

Будда. Антология Гуманной Педагогики

- Мотивы, побуждающие обращаться к письменной речи, еще мало доступны ребенку, начинающему обучаться письму.
- Если развитие устной речи предшествует внутренней, то письменная появляется после внутренней, предполагая уже ее наличие.

- Письменная речь ориентирована на максимальную понятность для другого, в ней надо все сказать до конца.
- Переход от максимально свернутой внутренней речи, речи для себя, к максимально развернутой письменной речи речи для другого, требует от ребенка сложнейших операций произвольного построения смысловой ткани.
- Письменная речь заставляет ребенка действовать более интеллектуально. Что же получается, подумал я, осознав психологический смысл этих

положений. Выходит, что я требую от своих младших школьников того, чего у них самих нет и чего я тоже им не даю! Какой конфуз, дорогие мои ребята, какое недоразумение! Молодцы еще, что вы сами, принуждаемые мной, находили в себе затаенного в глубоких уголках вашей души маленького человечка, вашего спасителя, который и конструировал механизм письменной речи, хотя, по всей вероятности, ему было очень трудно смастерить его из непригодных или малопригодных умений и навыков, которые предлагал я вам в надежде, что формирую саму письменную речь. Как могли вызвать в вас умение «двойной абстракции» диктанты, списывания, пересказы, которые в таком обилии давал я вам тогда? Да еще во всех этих заданиях я следил главным образом за вашей каллиграфией, красивым почерком. Ну, конечно, помню, как вы переживали, когда я упрекал вас за небрежность, нежелание писать красиво. И ждал счастливого сочетания этого ладного почерка с ладной устной речью, которое должно было вылиться в качественно другое явление — в письменную речь! А что же такое письменная речь? Если высокопарно, то это есть процесс опредмеченного своего «я» с целью поделиться с людьми самим собой. Как быть, думал я тогда, раз письменная речь такое сложное явление, может, действительно стоит подождать, пока не наступит возраст и она не придет сама собой? Но нет! Мне письменная речь детей была нужна, вопервых, для их духовного обогащения, во-вторых, для обогащения их ума более совершенными способами мышления,

в-третьих, для обогащения их жизни новыми формами деятельности, а в-четвертых, для обращения их на самосознание, самоопределение, самовоспитание.

И я начал строить наступательную методику вместо выжидательной. Упражнения по письму изменились резко, я нацелил их на выработку у детей таких умений, как подбор слова, логичное построение содержания, фантазирование, давал им так называемые свободные темы, в которых они должны были писать о своем мироощущении — о своих впечатлениях, мыслях, отношениях, оценках.

Дети полюбили упражнения, в которых надо было составить рассказ по данному заглавию и группе синтагм; заполнить рассказ по данному заглавию, началу и концовке; оживить и передать образно какое-либо скудное содержание; провести стилистическую, орфографическую, пунктуационную правку текста. Время от времени, скажем, через месяц, мы возвращались к написанному ранее сочинению для его пересмотра, переработки. При письме сочинений на уроках я не требовал от детей, чтобы они обязательно завершили сочинение на том же уроке: разрешалось закончить его после уроков, дома. Ввел в практику рецензирование и обсуждение письменных работ с точки зрения читателя.

Для стимулирования письменной речи детей понадобился многосторонний источник мотивов: составлять тома собственных сочинений, выпускать книги своего «издательства», готовить доклад на ту или иную тему, писать письмо больному товарищу, выпускать газеты, участвовать в конкурсах, писать дневники и т.д. Я совершенствовал и углублял свою методику обучения письму, разрабатывал более целенаправленные и интересные задания. Перестроил и процесс выработки навыков скорого письма. Помню, когда я впервые сравнил качественные и количественные стороны уровня владения письменной речью моих учеников и ребят более старших классов, то недоумевал: поверят ли мне коллеги, если вдруг объявлю, что мои третьеклассники пи-

шут в два-три раза лучше, интереснее и богаче, чем ученики пятых классов.

Оправдалось в моей практике письмо дневников. «Я среди людей» — так назывались несколько тетрадей, которые мы заводили со 2-го класса. На уроках, специально отведенных для записи дневников с установкой проанализировать, притом критически, свои поступки, поразмыслить по поводу разных жизненных проблем, поискать и определить самого себя, дети заполняли свои дневниковые тетради. В конце 3 класса у каждого насчитывалось шестьвосемь таких тетрадей. Обычно свои дневники дети никому не показывали; в них хранились их тайны, откровения. Но порой некоторые по своей инициативе давали мне почитать их. И тогда я еще глубже познавал своих учеников, как, например, Важу, который сейчас сидит за второй партой в третьем ряду и полностью погружен в написанное сочинения «Здравствуй, Урок!».

«Мои летние дневники»

Тетрадь со своими дневниковыми записями он передал мне давно и попросил спрятать у себя. «Ты хочешь, чтобы я прочитал твой дневник?» — спросил я мальчика. «Нет, — ответил он, — спрячьте пока, не хочу, чтобы они лежали у меня дома!» А вот вчера он подошел ко мне и говорит: «Если хотите, можете почитать мои дневники!» Я прочел их и разволновался. Нет, не потому, что удивился способности Важи владеть письменной речью. Правда, не все у меня могут так свободно писать, хотя некоторые пишут еще лучше. Меня взволновала тревожность, поселившаяся во внутреннем мире мальчика. Вот все эти 14 дневниковых записей: предоставляю, как он, скрываясь, от наблюдательных глаз двух бабушек, в разговоре с белой бумагой искал успокоения души.

6 июня

Давай сперва познакомимся. Я Важа, а тебя зовут Гошей. Правда, Гоша— это имя собачки, но ты мой друг и, надеюсь, не обидишься.

Уже неделя как я в деревне. Природа здесь очень красивая. Наш двор окружен лесом. Здесь не чувствуется знойная жара и жгучее солнце. У меня много друзей. Мы играем, загадываем друг другу загадки, соревнуемся в математических вычислениях. Мне приходится помогать всем в русском языке. Этим я не хочу сказать, что владею русским лучше всех, нет! Сами дети говорят, что я по сравнению с ними профессор в знании русского языка. Ну что делать, раз я такой. Я же им помогаю, объясняю незнакомые им слова. Иные слова мне самому тоже непонятны. Тогда без вмешательства бабушки ничего не получается.

Два дня тому назад мама уехала в Тбилиси. Мне стало очень скучно. Однако ее пока не отпускают с работы. Обещала, что скоро приедет. Наверное, приедет, правда? До свидания, Гоша!

15 июня

Привет, Гоша!

Вчера получил письмо от мамы. Оказывается, 7 июня она поехала в Москву и останется там до конца месяца. Просит, чтобы я не сердил бабушек и не ленился, выполнял все задания, чтобы в сентябре не огорчить учителя. Вот что она пишет мне в письме: «Сынок, если хочешь, чтобы я тебя очень, очень любила, будь умницей, присматривай за обеими бабушками. Ты в семье один мужчина, наша надежда и опора. Занимайся, чтобы в сентябре не отстать в учении. Главное, читай много на грузинском и на русском языках. Выполняй все задания, смотри, когда приеду, проверю. Если не выполнишь мою просьбу, очень меня огорчишь».

Скажи, пожалуйста, Гоша, разве можно, чтобы сын огорчил маму? Лучше, если меньше буду играть и больше зани-

маться. Сказала же мне бабушка: не будешь знать, будешь похожим на дом без фундамента, который никогда нельзя будет достроить. А разве это не в наших силах — быть похожим на дом, построенный на железобетонном фундаменте, чтобы никто не смог разрушить нас. До свидания.

27 июня

Привет, Гоша!

Мои каникулы проходят весело. Много играю, меньше занимаюсь. Разве это моя вина, что все дети собираются играть в наш двор. Не могу же оставить товарищей одних. Бабушка очень сердится, говорит, что скажет все маме, когда она приедет. Ну что же, пусть скажет. Мама поймет меня и не рассердится. Скажет с улыбкой: «Важико, разве так нужно было выполнять мою просьбу?» Я же обниму ее, крепко прижмусь, поцелую ее радостные глаза и скажу: «Ты же не сердишься, мама? Что мне делать, если я пока еще маленький, глупый гусенок!» Она рассмеется, поцелует меня, потом заглянет мне в глаза, и мне без слов будет ясно, что она захочет сказать.

Гоша, ты же знаком с моей мамой. Ее зовут Тамрико, я же зову ее Тамта. Она очень спокойная и очень любит меня, и мне тоже она дороже всех. Ее очень трудно рассердить, но если она рассердится, то и врагу не пожелаю попасть ей в руки. Бабушка говорит, что ее в такие моменты нужно связывать. Однако мне редко доводилось видеть ее такой. Она ведь не может рассердиться на меня, лишь начинает плакать. Тогда и я начинаю плакать. Наконец она успокаивается, успокаивает меня, наставляет, и мы опять миримся.

До свидания.

6 июля

Привет, Гоша!

За эти последние дни у меня не было времени поговорить с тобой. Приехала моя любимая мама и осталась на пять

дней. Да, еще я ведь болен был, с высокой температурой. Ох, как мне не хотелось лежать в постели в такую жару и принимать лекарства. Мама сидела рядом со мной на кровати и ни на минуту не отходила от меня. Из любви к ней я и пилюли глотал, и ингаляцию горла делал. Через два дня температура спала. Мама успокоилась и перестала плакать. Она как ребенок, почему-то все плачет и плачет. Меня высмеивает и плаксой называет, а сама хуже меня.

Однажды Шалва Александрович в школе сказал ей, что я плохо вел себя и товарищи высказали недовольство. Там мама сдержалась, ни слова не сказала мне, но я же чувствовал, по глазам видел, как слезы душили ее. Пришли домой, и тут она разрыдалась. Бабушка обо всем догадалась и с упреком сказала мне: «Бестолковый, когда же ты ума наберешься, не трепи ей нервы, а то если из-за тебя с ней что-нибудь случится, то черная вода снесет вашу любовь». Эти слова заставили меня горько заплакать. А потом мама меня успокоила.

До свидания.

15 июля

Привет, Гоша!

Мои дела идут хорошо. Занимаюсь. По грузинскому выучил несколько стихотворений и разобрал рассказы. Только вот лень писать, все меня ругают: «Пиши красиво!» Но что мне делать — не могу писать красиво. Люблю заниматься по математике. Там никто не заставляет писать красиво, главное — составить и решить задачу. А если хочешь знать, я больше люблю составлять задачи, чем примеры и уравнения. Но что поделаешь, задание есть задание, и его надо выполнить. За это Шалва Александрович может хвалить меня, пожать руку, и это радует меня, и особенно маму.

Чуть было не забыл сказать. Прочел на днях книгу «Дневник Анны Франк». Очень она мне понравилась. Бедная Анна Франк! Сколько горя и страдания она перенесла! О ней все говорили, что она бездельница и невоспитанная, однако

никто не понимал, что она переживает. Она еще ребенок, который любит играть и смеяться. Но за это ее упрекают. Ее не понимала даже собственная мама, они постоянно ссорились, она не чувствовала любви и ласки матери, ее сердце больше тянулось к отцу. Мне очень жаль Анну. Очень трудная жизнь ребенка без материнской любви.

До свидания.

24 июля

Привет, Гоша!

Мой дорогой друг! Хочу продолжить разговор об Анне. Днем и ночью все об Анне, ее жизни думаю. Чего только не пережила девятилетняя девочка за два года в убежище, но потом, 4 августа 1944 года, «зеленая полиция» обнаружила убежище и всех, кто там приютился, отправила в концентрационный лагерь. Несчастный ребенок! Как она надеялась на будущее, как она ждала его и не знала, что жить ей осталось недолго. Она же мечтала стать писательницей, хотела написать такую книгу, которая принесла бы ей славу. Больше всего она хотела стать матерью, такой мамой, чтобы дети очень любили ее. У меня ведь есть такая мама, Гоша! Моя Тамта. Как я могу не любить ее, когда ее любят и уважают все, кроме одного человека, которого из-за этого я не люблю. Мама все нервничает, как только кто упоминает его имя. Когда бабушка говорит ей: «Тамрико, подумай о себе, смирись с ним и верни ребенку отца», — мама готова убежать из дома. Пусть спросит меня бабушка, хочу ли я принять его как отца? Нет, нет, нет!

До свидания.

30 июля

Привет, Гоша!

Называю тебя своим другом, но не нахожу времени для частого разговора с тобой. Эти ребята так привыкли

ходить ко мне играть, что трудно от них освободиться. А если сказать тебе откровенно, мне самому тоже было бы скучно без них. Читать и заниматься в течение целого дня, сам понимаешь, нелегкое дело. И какая охота быть одному? Когда я один, без ребят, то или гоняюсь за цыплятами, или начинаю дразнить щенят, или же учу маленького козлика приемам грузинской борьбы. В такие дни бабушка все призывает меня быть благоразумным: «Важа, сынок, не убивай цыплят своим гонением... Оставь щенят, а то их мать может укусить тебя... Брось мучить козлика, пусть насытится свежей травой, чтобы вырос!» А одним глазом она смотрит на свою сестру, смеется и обращается опять ко мне. «А нука, поди, я буду тебя мучить, каково будет... Не дам поесть и посмотрю, каким вырастешь!» Бабушка, конечно, говорит это шутя, ибо как она будет меня мучить! Когда во время игр кто-нибудь грубо со мной обращается, бабушка сразу начинает нервничать, ему не смеет что-то сказать, но когда ребята уходят домой, тогда и начинает: «Если с этим ребенком случится беда, наложу на себя руки; хоть бы скорее приехала она, чтобы присмотреть за своим бестолковым сыном...»

Так говорит бабушка, но если серьезно, то сама не доверяет меня маме, она сама ребенок, говорит.

До свидания.

7 августа

Привет, Гоша!

Мой друг! Мы, наверное, встретимся еще 3–4 раза, а затем насовсем расстанемся и друг с другом и с летом. Останутся веселые воспоминания. Когда спустя год прочту эти дневники с начала до конца, то буду смеяться от души. Мои детские мысли мне покажутся смешными, особенно после окончания школы, но в это время ты будешь лежать в ящике стола Шалвы-учителя, уже пожелтевший от времени.

Моя мама почему-то потеряла веру в будущее, все одно и тоже говорит: «Что за жизнь у меня, что я оставлю будуще-

му, кроме бестолкового мальчика, который даже не любит меня, все старался потрепать мне нервы, чтобы я поскорее умерла...» Но нет, моя добрая мамочка! Я тебя очень люблю и без тебя тоже не хочу жить. Разве моя вина, что отец оказался таким бессердечным и бросил нас. Я тоже один, как и ты, кроме тебя у меня никого нет. Давай будем жить дружно и сладко, чтобы нашу любовь ничего не смогло разрушить, и тогда мы оба будем счастливы. Ведь так, правда?

До свидания.

15 августа

Привет, Гоша!

Сегодня день рождения нашей соседки в Тбилиси Иветты. Ей исполняется 34 года. Она близкая подруга моей мамы. Они ведь с детства в одном доме росли. Ее в семье все зовут Татой, я же зову Татошкой, но она не сердится. Только смеется и говорит: «Какая я тебе Татошка! А ну-ка, высчитай, на сколько лет я старше, во-первых, твоей мамы, а, во-вторых, тебя!» Я тоже смеюсь и говорю: «Ты старше мамы на шесть лет и старше меня на двадцать шесть лет!» Гоша, говоря между нами, что за женское имя Тато. Это же было ласкательное имя Николоза Бараташвили. Бараташвили — любимый поэт мамы, все его стихотворения она знает наизусть. Особенно она любит стихотворения «Душа одинокая» и «Злой дух».

Ой, я так увлекся, что совсем забыл — сегодня как весенний ветерок явилась к нам мама и сегодня же вернулась в Тбилиси. Она приехала на машине дяди, которому нужно было сегодня же вернуться обратно. Потому и мама пронеслась мимо подобно ветерку.

До свидания.

17 августа

Привет, Гоша!

Я тебе еще не говорил, что мама больна. Она очень похудела, Глаза ввалились и потемнели. Когда я был маленьким,

у нее в кости левой руки накопилась жидкость, и три раза ее оперировали. Теперь то же самое появилось у нее и в правой руке, рука перевязана, мучают боли. Ко всему этому прибавляются еще высокое давление и неврозы. Так что ей необходимо серьезное лечение, чтобы восстановить свое здоровье. Тамта своей маме ничего не сказала, так, говорит, рука немножко побаливает. Своей же тете во всем открылась и попросила ничего не говорить Соне, то есть своей маме, а то «та начнет нервничать, моя болезнь угробит ее, а если с ней что-нибудь случится, я и мой сын тоже погибнем». Теперь и тетя нервничает, говорит: «В Тамрико — вся моя жизнь, она мне и дочка, и племянница, ни дня не хочу прожить без нее, кроме нее у нас никого нет, мы должны беречь ее...» Больше не могу писать.

До свидания.

21 августа

Привет, Гоша!

После того, как уехала мама, я все хожу какой-то растерянный. Ни играть не хочу, ни в лес с товарищами ходить. По ночам все мама снится, стоит передо мной с умоляющим лицом и повторяет все одно и то же: «Сынок, Важа, ты уже большой мальчик! Если со мной что-нибудь случится, присмотри за обеими бабушками, не серди их, им и своего несчастья хватит. Ты не прибавляй им горя. Не будь ленивым, учись упорно, чтобы все радовались твоей образованности и воспитанности. Хоть ты принеси бабушкам счастье! Это мое завещание. Пожалуйста, не подведи меня!» Каждое утро я встаю с опухшими от слез глазами, не могу их нормально открыть. Бабушка нервничает, все недоумевает, что с этим мальчиком, говорит, происходит, почему он так изменился. Я не смог сдержаться, рассказал ей о моем сне и заплакал. Она прижала меня к сердцу и сказала дрожащим голосом: «Не плачь, сынок, ты счастливый мальчик! У тебя хорошая мама. А этот сон означает, что мама будет долго жить!» Этими словами она успокоила меня, много ласкала и целовала, отпустила в лес с товарищами. А когда я вернулся из леса, застал обеих бабушек в тени под деревом, они сидели и молча плакали. Я тоже присоединился к ним, и мы все втроем начали громко плакать.

До свидания.

29 августа

Привет, Гоша!

Август прошел для меня очень скучно. С каждым днем мне становилось все грустнее и грустнее. Ничего не радовало мою неспокойную душу. Все время думал о маме и ждал того дня, когда она приедет. И вот сегодня она прилетела, и в нашем дворе стало так светло, как будто на затянутом тучами небе вдруг показалось солнце. Мы все втроем со смехом и плачем побежали ей навстречу. Она застыла на месте, сначала удивленно смотрела на нас, потом начала смеяться: «Боже мой! Смотрите, сколько у меня оплакивающих! Что такое с вами случилось, люди? Разве можно оплакивать живого человека? Могу представить, как вы, скрывались друг от друга, убивались! Молодцы! Вы думали, что моя рука могла отправить меня на тот свет? Нет! Я пока умирать не собираюсь, сперва я сына должна воспитать! А ты чего плачешь, сынок. Живую маму оплакиваешь? Сейчас я посмотрю, как ты меня любишь, покажи, как ты выполнил задания, что читал. А завтра поедем в Тбилиси». Я все ей показал и рассказал, как и с кем проводил время. Только о тебе, Гоша, я ей ни слова не сказал.

До свидания.

30 августа

Привет, Гоша!

Я еще раз успею с тобой поговорить. Старшие укладывают в чемоданы одежду, готовят продукты на дорогу.

Им сейчас не до меня, они увлечены своим делом. Только мама ничего не делает, ходит под тенью орехового дерева и что-то рассказывает бабушкам, и еще так заразительно смеется, что и бабушки хохочут. Давно я не видел маму такой веселой.

Ее смех похож на звуки прозрачного горного ручья, а ее лицо — только что взошедший на небо полумесяц. Я сравнил бы ее лицо с полной луной, но она очень худая, потому и сравниваю с полумесяцем.

Мама почему-то все смотрит в мою сторону и смеется, наверное, хочет узнать, о чем я пишу. Я же знаю, без моего разрешения она к моим дневникам не притронется. Но глаза ее как будто говорят мне: «Открой маме свои секреты, ладно?» И если я дам ей прочесть эти дневники, могу представить, как она поднимет вверх свою правую бровь и скажет мне сердито и тоном наставника: «Сынок, слушай меня! Дневники придуманы не для того, чтобы все говорить, как любишь маму. Маму любят все дети; все животные, даже птенчики любят свою маму. Но маму надо любить не словами, а делами».

Сейчас начнется прощанье, слезы, поцелуи, наставления: «Важа, не ленись, не зли маму. Будь на уроках внимательным!»

Знаю, все знаю. Бабушка остается в деревне, она волнуется. Как, говорит, вы будете без меня там жить. Мы с мамой очень хорошо будем жить.

До свидания, лето! До свидания, деревня, до свидания, друзья! И с тобой тоже прощаюсь, Гоша! Оставляю тебя в деревне. Через год мы опять встретимся друг с другом. Присмотри вместо меня за бабушками, хорошо?

До свидания, до свидания, до свидания!

Дневники эти я прочел вчера вечером и потерял покой. Мне показалось, что мальчик зовет меня на помощь, бежит ко мне, ища прибежища. По всей вероятности, в жизни его за последние дни произошло что-то такое, что вызвало в нем сильную душевную боль, душевное смятение, и он прибежал ко мне, как бегут обиженные грубой силой и несправедливостью мальчики к своим родителям за помощью. Важа и правда изменился: этот шалун и неугомонный мальчик вернулся после каникул в школу каким-то другим — задумчивым, серьезным, озабоченным. Учился он с таким старанием, что я порой удивлялся его способностям, воле. Я приписывал преобразование мальчика смене возрастных особенностей и моему воспитательному влиянию. «Он вырос, он поумнел» — вот мой вывод по отношению к Важе, и я даже радовался результатам моих стараний.

А дневники мне сказали: «Учитель, будь более мудрым и зорким и брось, пожалуйста, всякую надменность, самоуверенность, самоуспокоенность, иначе ты порвешь нити, связывающие тебя с душой и духовным миром своего воспитанника... Что из того, что Важа повзрослел, поумнел, стал более серьезным? Разве не было бы лучше, если бы он продолжал шалить, прыгать, драться, ставить кляксы в тетради... Его взросление ускоряет жизненное несчастье, оно делает его озабоченным, оно способно сделать его в скором времени озлобленным, дерзким... Он же берет на себя непосильную душевную тяжесть, которая может задавить его... В его духовном мире полное смятение чувств. Он принимает первые жестокие удары жизни, силой вселяет в себя ненависть к человеку, которого любит и к которому стремится... Он теперь одинок со своими бунтующими чувствами, вот что сделало его серьезным. А тебе показалось, что это твое воспитание так благотворно повлияло на мальчика...»

Когда вчера, после уроков, Важа подошел ко мне и сказал: «Если хотите, можете почитать мои дневники», — его глаза, как я потом вспоминал, выражали грусть и непонимание того, что с ним происходит. Он еще что-то хотел сказать мне или, может быть, даже сказал, однако не самими слова-

ми, а тем, что пришел и разрешил мне почитать его дневники. Нет, не просто разрешил, а попросил. Этим он сказал мне: «Мне плохо и будет еще хуже, если не поможете!»

Вчера же я отправился к мальчику домой. В дверях показались сразу двое — бабушка и внук, оба с заплаканными глазами: на машине скорой помощи маму забрали вчера в больницу. «Сегодня ей стало легче!» — сказала бабушка. Потом мы с Важей поиграли в шахматы, он у меня, конечно, выиграл, и я ушел... но ушел к отцу мальчика, к тому самому человеку, который так жестоко растоптал его чувства, бросив его с мамой и отдавшись развлечениям.

Я знал, что он теперь живет у своих родителей. Было поздно и потому я застал дома всех членов семьи. Что я им говорил? Разве обо всем вспомнишь? Я был тогда, может быть, даже в невменяемом состоянии, когда человеку многое прощается. Мне не нужно было мое педагогическое мастерство, ибо я имел дело с провинившимися перед ребенком взрослыми людьми, мой гнев покрывал всякие мои педагогические способности, и когда я ЧУТЬ успокоился, увидел забившегося в угол папу Важи, над которым стоял его разгневанный отец, услышал рыдания бабушки. Увидел еще молодую женщину, которая, как я потом узнал, была сестрой папы Важи. Она смотрела на меня с какой-то благодарностью, со слезами на глазах. «Не буду признавать в тебе сына... Как ты смеешь отнимать у нас радость...» А я говорил слова, которые, по-видимому, повторял много раз, будучи в состоянии аффекта: «Если еще есть у вас сердце... бегите к нему... бегите сейчас же, пока он не возненавидел вас всех окончательно, на всю свою жизнь...» Молодая женщина, проводив меня до дверей, все благодарила и говорила, плача: «Я еду, еду сейчас же... он, мой Важик, мой любимый...»

Сегодня утром я застал Важу в классе — он пришел раньше всех. «Как мама?» — спросил я его. «Звонили из больницы, сказали, что лучше, опасность миновала!» «Ты что, не вы-

спался? У вас были гости?» — спросил я и насторожился. «Да, пришли дедушка и тетя...» «А сегодня ты не навестишь маму в больнице?» — и опять тревожусь. «Да, после уроков за мной приедет тетя, еще... — и он запнулся, — папа... и мы вместе поедем к маме!»

Дневники, твои летние дневники... может быть, они возвращают тебе твои утраченные грезы, мальчик?

Важа, сидящий за второй партой в третьем ряду, продолжает писать сочинение...

Я отрываю от него взор и, пытаясь освободиться от вчерашних воспоминаний, заглядываю в тетрадь Русико.

Облачность с прояснениями

- Как дела? спрашиваю шепотом. Сейчас начну писать! отвечает она тоже шепотом.
 - Начинает проясняться?
 - Да!
 - А у меня пока еще ничего не получается!
 - Ничего, получится! успокаивает меня девочка.

Мы улыбаемся друг другу в знак пожелания успеха. Она берет фломастеры и на обложке еще не родившейся книги большими разноцветными буквами пишет: «Здравствуй, Урок!» Поверх заглавия пишет свое имя и фамилию. Скоро она станет автором книжки, которая будет издана основанным ею же издательством «Радуга». Под заглавием Русико пишет название своего издательства, год, месяц, число издания. Затем раскрывает вторую страницу, задумывается, заглядывает в черновик, в который она, обдумывая содержание книги, успела записать столбиком «облака» мыслей:

Жду тебя...

Когда с тобой прощаюсь...

Какая у тебя улыбка... Я не буду огорчать... Помнишь... математика... Но ты... Будь всегда красивым...

Мысли, которые вдохновляют

Педагогика — не наука, а искусство, самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств. Искусство воспитания опирается на науку. Как искусство сложное и обширное, оно опирается на множество обширных и сложных наук; как искусство оно, кроме знаний, требует способности и наклонности, и как искусство же оно стремится к идеалу, вечно достигаемому: к идеалу совершенного человека...

Мы сохраняем твердое убеждение, что великое искусство воспитания едва только начинается, что мы стоим еще в преддверии этого искусства и не вошли в самый храм его и что до сих пор люди не обратили на воспитание того внимания, какого оно заслуживает. Много ли насчитываем мы великих мыслителей и ученых, посвятивший свой гений делу воспитания? Кажется, люди думали обо всем, кроме воспитания, искали средств величия и счастья везде, кроме той области, где скорее всего их можно найти. Но уже теперь видно, что наука созревает до той степени, когда взор человека невольно будет обращен на воспитательное искусство.

Ушинский. Антология Гуманной Педагогики

Какое содержание скрывается за этими «облаками», знает только она.

Я тоже пишу фломастерами на обложке название своей будущей книжки. В ее красочном оформлении мне потом помогут ребята, они же сделают рисунки внутри текста, а содержание рисунков им подскажу я. Что делать, сам не могу хорошо рисовать, а Магда, Лела, Майя, Георгий, Виктор и другие — настоящие художники, они помогают всем, и конечно, мне тоже.

Русико уже начала писать, но я еще должен обдумать, что и в какой последовательности написать.

Уже второй год я работаю так: когда предлагаю детям какое-нибудь творческое или сложное самостоятельное задание — будь это сочинение на свободную тему, написание «книжки», решение задач и примеров, я сажусь за парту и выполняю то же самое задание. Это очень интересный способ сотрудничества с детьми и их понимания.

Раньше, в том далеком прошлом, когда я был императивным учителем, при выполнении учениками таких заданий я начинал разгуливать в классе, контролировать, кто как работает. Кого-то хвалил, кому-то делал замечание — и ждал, когда дети кончат работу, чтобы собрать тетради и проверить выполнение задания.

Нет, тогда я не мог переживать то же самое творческое горение, в котором могли находиться мои маленькие ученики, не мог постичь сложности, на которые они наталкивались. А самое главное, мы становились друг для друга какими-то чужими: для них я был контролер, а они для меня — правильно или неправильно решенными задачами. Процесс выполнения самостоятельного творческого задания детьми на уроке практически переставал быть педагогическим. Я в этом процессе становился лишним, из учителя превращался в надзирателя за тем, чтобы никто не списывал с чужой тетради, никто никому не мешал, ни с кем не переговаривался. Вот стоит (или сидит) учитель у своего письменного стола, какой-

то напряженный, как восклицательный знак в конце повелительного предложения: «А ну-ка, пишите, творите, решайте, думайте, учитесь мыслить!» И своим взором, сам этого не сознавая, вонзает в мыслительную творческую деятельность детей колючие иглы, от которых эта деятельность начинает корчиться от боли, обрывается. «А ну-ка!» Нет, никакая сила не вернет меня к тогдашней «анукаевской» педагогике. И вообще, зачем мне стоять без педагогического дела на уроке, когда дети выполняют творческое задание?

Не будет ли гораздо лучше, если я попытаюсь в это время тоже стать учеником и вместе с моими ребятишками пережить сложности самостоятельной мысли, радость творческого горения? Вот сижу я сегодня рядом с Русико (я уже сидел рядом с Бондо, Сандро, Магдой, Тенго и другими) и пишу свою книгу на тему «Здравствуй, Урок!».

Всегда, когда я сажусь за парту как ученик, меня охватывает такое ощущение (я даже уверен), что в это время ход моих мыслей, мои творческие искорки распространяются по заполненному тишиной классу, передаются детям и помогают им в решении сложной задачи, разжигают в них творческую жилку.

Порой, когда мне «сложно», то есть когда я чувствую, что, может быть, детям тоже нелегко, я зову их на помощь, чтобы помочь им самим. «Ребята, — говорю я тихо, шепотом, — у меня получилась какая-то путаница в этой задаче... А как у вас?» И кто-то из детей, тоже шепотом, откликается на мой вопрос: «Надо делать не так, а вот так...» — «А-а-а... Все ясно, спасибо!»— шепчу я, и в классе опять воцаряется полная тишина.

Мне еще никогда не приходилось призывать ребят к порядку и тишине во время творческой самостоятельной работы, когда я сам тоже сижу за партой, как ученик. Тут есть одна важная педагогическая сторона дела: я становлюсь тем «учеником», с которым моим ученикам хочется соразмерить свои возможности, — я создаю им эталоны. Мои эталоны бывают

порой очень хорошими, и тогда признают, что моя работа, по таким-то признакам, лучше всех. Порой же созданный мною эталон оказывается «ничего, так себе», не лучше других; а иногда он просто плохой, и тогда они объясняют мне, почему им не нравится мое сочинение, мое решение. Таким образом ребятишки могут сравнивать результаты своих творческих усилий с моими, и потому такой прием поощряется.

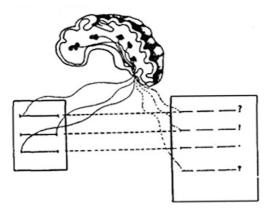
Я оглядываю моих третьеклассников. Нет, еще не все приступили к письму. Нато сидит с закрытыми глазами. Нико смотрит в окно, Марика крутит авторучку, Тея пока еще записывает «облака» мыслей...

Да, по поводу этих «облаков». Не раз пояснял я детям, как надо сосредоточиться при творческой работе и что в это время может происходить в голове каждого из них. «Представим себе такое, — говорил я детям, — Леле нужно написать сочинение. Допустим, на такую тему: «Осень на моей улице». Она начинает думать, как написать сочинение, с чего начать, какие образные сравнения применить, как полнее и интереснее выразить свое отношение к осени, описать свою улицу и т.д. В общем, она начинает думать, воображает картину осени на своей улице. В это время в ее голове собираются мысли, они перемещаются, сгущаются, возникает какая-то облачность, облачность мыслей. Чем упорнее Лела будет думать, воображать, тем эта облачность станет гуще. Мысли начнут стремиться друг к другу, складываться, определяться, проясняться. Однако они могут тут же исчезнуть, если их не задержать. Поэтому Лела должна быть наготове: вот возникла хорошая мысль, ее надо сразу записать на листке бумаги одним или двумя словами. А потом, когда она приступит к письму, эти «облака» мыслей, записанные на бумаге, она будет раскручивать, то есть писать развернуто и полно».

Одновременно я рисовал на доске, как это может произойти, и получилась следующая наглядность:

Облачность мыслей, возникающая в голове

Прояснения

Листок бумаги для записей облаков мыслей

Тетрадь, в которой ведется письмо

И когда я спрашивал моих учеников: «Как вы думаете, что нужно, чтобы в голове возникала более густая облачность и легче происходили прояснения?» — то они давали мне примерно следующие ответы (конечно, не сразу, не на одном уроке):

- Надо знать много, читать много.
- Надо быть наблюдательным, уметь замечать тонкости.
- Надо владеть словами, уметь сочетать их для точного и образного описания действительности.
 - Надо думать много, упражнять свои мысли.
- Надо уметь излагать свои мысли ясно и последовательно. К своему объяснению я еще добавлю, что человек пишет, в первую очередь, для читателя, потому надо писать как можно полнее, не затруднять читателю понимание нашего сочинения. Все это я демонстрировал с помощью конкретных примеров: начинал размышлять вслух, делать записи «облаков» мыслей и т.д.

...Значит, «Здравствуй, Урок!» Я начинаю тоже сгущать «облака» мыслей по этой теме. Сосредоточиваюсь полностью.

«Здравствуй, Урок!»

С чего начать... Нет... Сперва какую развить идею...

Она должна исходить из того, какое у меня сложилось отношение к уроку... каким он представляется мне... Урок для всех нас... нас... живущих в этом классе... Урок — как живой... Как человек, которого ждешь... Я его люблю... Входит в наш класс... жмет каждому руку... Здравствуй, Бондо! Здравствуй, Ираклий! Здравствуй... Подходит ко мне... Здравствуй, учитель... Молодец, что сидишь за партой, как ученик... Открыть ему душу... Памятник? Будущее... Настоящее... С чего начать? Наряды... Стань Человеком... Это на постаменте... в конце... Сколько минут? Илико... Поклоняюсь тебе... Где ты живешь? Он человек справедливый, добрый... Можно ли жить без него? Ты великолепен... Нет... Ты самое удивительное, что есть... Где ты живешь? Как же ты можешь жить там один? Где ты рождаешься, где ты живешь...

Я чувствую, что определяется целостная идея, просвечиваются отдельные образы, которые облекаются в слова. Рука моя машинально набросала на листке бумаги слова и словосочетания, а точнее, с их помощью задержала некоторые «облака» мыслей, которые я буду развертывать потом:

Урок как Человек...
Памятник... Какой...
Будущее — из будущего...
Бабочка...
Ты мудрость...
Наряды — красивые...
Стань Человеком!

Поклоняюсь тебе... Где ты живешь... рождаешься? Дорога... земля — корни...

Русико заглядывает в мою тетрадь.

- Уже? спрашивает шепотом.
- Как будто... говорю и начинаю писать... А когда зазвенел звонок, дети не захотели выйти на перемену. Они попросили меня первым прочесть свое сочинение.
- Да я еще не уверен, что у меня получилось сочинение! стесняюсь я. Но дети не отступают.
 - А мы потом обсудим! поощряют они меня.

И я, как подобает ученику, выхожу к доске и начинаю читать. Читаю с чувством, вдохновенно, выразительно.

«Здравствуй, Урок!

Где ты рождаешься, где ты живешь, Урок?

В классной комнате?

Но ты не можешь жить там один, ты ведь не можешь существовать без меня!

Я тебя обдумываю, планирую, провожу!

Вот и получается, что ты живешь в моей голове, в моем сердце.

Но подожди, как ты можешь жить во мне? Тебя же никогда никто не придумал бы, если не было бы детей и если бы люди сразу же рождались взрослыми, умными, умеющими говорить, читать, писать, считать!

Ты не можешь существовать без детей, без учеников, и, стало быть, ты живешь в учениках!

Однако снова получается путаница!

Хотя ученики готовят уроки, тем не менее, без учителя и след твой простыл...

Ах да, я нашел, наконец, твой дом!

Ты живешь в нашей классной комнате, но не тогда, когда она пустая, а только тогда, когда я и мои ученики заполняем

ее. Они сядут за парты, я стану у доски — вот ты и рождаешься и начинаешь жить!

Ты порхаешь над нами, как сказочная, неизвестная нам бабочка, которую нужно внимательно рассмотреть, побыстрее изучить, зарисовать, запомнить. Через тридцать пять минут ты спрячешься куда-то, чтобы скоро опять вернуться к нам, только уже в другом наряде.

Ты прилетаешь к нам из будущего, того будущего, которое будет принадлежать моим третьеклассникам. Ты посланник этого будущего, чтобы помочь мне воспитать из моих девятнадцати девочек и стольких же мальчиков достойных людей.

Ты — мудрость, и когда ты находишься в нашей классной комнате, то наши мысли как-то расширяются, движение их ускоряется, перед нами начинают играть солнечные зайчики. И чтобы их поймать, — а нам нужно и хочется их поймать, ибо они есть пища для нашего пытливого ума, — нам нужно проявлять ловкость, сообразительность, стремление, жажду к знаниям.

Ты улетаешь так быстро, что мы еле успеваем поймать одного-двух зайчиков, ты оставляешь нас «голодными». Потому мы и ждем твоего возвращения с нетерпением.

Ты — Урок!

Но что ты есть для нас?

Сперва мы представляли тебя в виде винтовой лестницы, ведущей нас только вверх.

Потом сравнивали тебя с фонтаном знаний. Придешь к фонтанчику, прильнешь к бьющему из его горлышка источнику и напьешься премудростей.

Но нет, ты не фонтанчик, ты не разбрызгиваешь знания впустую, в ожидании жаждущих.

Может быть, ты гора, в глубине которой затаены эти знания, и мы должны докопаться до них, чтобы овладеть ими?

Нет, ты больше и величественнее любой горы!

Ты, скорее, дорога, хотя непрямая, неровная, но единственно верная, которая ведет каждого из нас к человечности, к своей личности...

Ты еще весенний дождик и тепло, которое помогает каждому из нас раскрыться, как раскрываются бутончики цветов...

Ты орошаешь будущее человечества, питаешь его надеждой, вдохновляешь его на подвиги...

Ты несешь нам будущее, и потому ты наше удивление...

Ты ведь видишь, как мы все — а вместе со мной нас тридцать девять — повзрослели и поумнели за эти, как сегодня высчитал Илико, 87 430 минут, составляющих 2498 уроков. Мои ученики углубляются в знания, в жизнь, в дружбу, а я совершенствую свое педагогическое мастерство.

Я — учитель — поклоняюсь. Урок, твоей мощи и твоему великодушию, твоему сердцу, полному заботой о детях, твоей душе, устремленной в их будущее!

Поклоняюсь и благодарю, что ты помогаешь мне воспитывать достойных моей Родины людей и заодно доставляешь мне счастье жить педагогической жизнью! Я бы воздвиг тебе — Уроку — самый великоленный памятник розового мрамора.

Но как изобразить тебя — невидимого волшебника?

Может быть, так? На постаменте золотыми буквами написать страстный призыв, обращенный не только к ученикам. — «Стань Человеком».

Памятник твой я поставил бы перед школой, чтобы каждое утро, проходя мимо, останавливаться перед тобой, поклоняться тебе и говорить:

— Здравствуй, Урок! Время твое — священное время, и нельзя терять из него ни минуты!»

Я закончил. Две-три секунды в классе молчание. А потом дети начинают аплодировать. И как только стихли аплодисменты, они наперебой стали выкрикивать:

— Очень интересно...

- Хорошее сочинение...
- Как это вы хорошо придумали поставить памятник... Давайте нарисуем памятник Уроку...
- Памятник две тысячи пятисотому Уроку... А Тея, давая знак другим помолчать, говорит:
 - Вы написали об Уроке и как ученик, и как Учитель...
 - А я оформлю вашу книгу, хотите? предлагает Ния.

Виктор еще раз повторяет свое предложение, и ребята его поддерживают:

— Пусть каждый нарисует, какой памятник он поставил бы уроку...

Дети приготовили фломастеры, и торопясь, начали оформлять мои книжки, а затем в них же сделали зарисовки своих проектов Памятника Уроку. Торопились потому, что приближался 2500-й урок, который обещал быть интересным.

Перед звонком на урок я собрал двадцать девять книжек с рисунками. Остальные сочли, что сочинение у них не получилось: «Мы еще доработаем его!» — сказали они. Свою же книжку я отдал Нии, чтобы она оформила ее, сделала в ней рисунки по содержанию сочинения и набросала бы мой проект памятника.

Только через сердце

Этот рассказ из экспериментального учебника по чтению впервые мы прочли в классе две недели тому назад. Накануне я сказал детям: «Прочтите, пожалуйста, его дома, и если он вам понравится, то прочтем и поговорим о нем на следующем уроке!» Но Нато я успел шепнуть «Научись его читать выразительно, как ты обычно умеешь, чтобы завтра все слушали тебя со слезами на глазах и возмущались поведением одного его героя. Хорошо?» Девочка согласилась. Многие сразу заявили, что они уже читали рассказ и он очень им понравился.

Я поощряю детей к тому, чтобы они читали данные в учебнике сказки, рассказы, стихотворения. Пусть читают, мне на уроке будет легче помочь детям более глубоко прочувствовать нравственную и эстетическую суть произведения. И хорошо, что они влюбляются в свой учебник. Когда после такого доурочного самостоятельного чтения дети приходят в класс, я прошу их высказать свое мнение: стоит ли нам задерживаться на этом литературном произведении. Я вовсе не боюсь того, что дети мне скажут: «А нам не нравится это произведение, задерживаться на нем не стоит!» Хотя такое бывает редко, но когда бывает, я пользуюсь случаем дать ребятам возможность поспорить о вкусах.

Без всякой охоты читаю методические руководства, которые даже не допускают мысли том, что ученикам чтото в книге для чтения может не понравиться. В подтексте этих руководств лежит незыблемый императив, что ученики просто не имеют права выказывать свое недовольство по поводу произведения, внесенного в учебник, они обязаны выучить его, — вот и решение проблемы. Но какой проблемы? Той, чтобы учителям и методистам было легче! И, в конце концов, получается, что ученики научаются хитрить: видят, что учителю хочется слушать их похвальные отзывы и высказывания по поводу изучаемого произведения, и говорят их. Все это вырабатывает в них или ограниченность эстетического восприятия, или же умение преднамеренно воздерживаться от высказывания своих мыслей. На другой день ребята единогласно твердили, что рассказ очень интересный, и стремились к его обсуждению. Вместо объяснения текста я предпочитаю его обсуждение. Нельзя же назвать объяснением текста разъяснение нескольких слов и образных выражений. В процессе обсуждения дети постигают содержание рассказа и стихотворения и одновременно усваивают нравственные и эстетические ценности, то есть определяют свое отношение к действительности. Но обсуждение предваряется выразительным чтением. Потому и попросил я Нато поупражняться дома в выразительном чтении рассказа. Литература воспитывает, она затем и создана, чтобы воспитывать людей — и детей, и взрослых; однако она может влиять на их ум только через сердце, через прилив чувств.

Воспитательное влияние литературного произведения на младших школьников может быть обеспечено только в том случае, если описанные в нем судьбы людей, образы и картины действительности будут пережиты ими как реальные, призывающие их к соучастию.

Все силы личностной страсти — восхищения и возмущения, радости и горечи, любви и ненависти, сопереживания и отвращения — дремлют в сердце человека. Их могут возбудить и привести в движение колокола, особо ярко звенящие в произведениях художественного слова. Восставшие от зова колоколов чувства могут направить человека на свершение добрых, возвышенных, героических поступков, сделав его тем самым общественной личностью. Специальные же колокола, предназначенные для детей, воспитывают, развивают и укрепляют их силы, учат их, почему и как нужно действовать, как жить, творить, какими они должны стать. Произведения для детей — это не рецепты шаблонных нравственно-этических поступков для разных жизненных ситуаций, а «будители» чувств, говоря точнее, воспитатели смелого ума, добрых чувств ребенка.

Но для того, чтобы образцы литературного творчества, нацеленные на детей, действительно превратились в ярко звенящие, призывающие их колокольчики, нужно соблюдать, по моему убеждению, одно важное условие: произведение должно вводить своего маленького читателя в гущу событий как участника разрешения судеб его героев. Рассказ, в котором писатель ставит вопросы и сам же на них дает исчерпывающие ответы, вызывает в сердце ребенка прилив чувств и тут же поспешно их гасит (мол, «не бойтесь, дети, видите, как все хорошо получается!»).

Умение писателя поставить проблему, накалить эмоции, дать толчок для правильного решения проблемы и, таким образом, сделать школьника участником ее разрешения, не только в рамках событий, описанных в рассказе, но и в действительной жизни — вот что особенно помогает мне в воспитании моих ребятишек...

Так, детям понравился рассказ о слабом маленьком музыканте, возвращающемся домой из музыкальной школы с черным футляром для скрипки в руках. Простите, я неправильно выразился. Детям не терпелось обсудить случай, который произошел с маленьким музыкантом, и это стремление, естественно, было вызвано в них тем, что рассказ написан ярким, добрым языком, убеждающим в подлинности описываемых в нем событий. Когда в учебнике встречается такой рассказ или такое стихотворение, задевающие чувства детей, я вместе с ними спешу к его обсуждению, а не к пересказу содержания «своими словами».

Сказать откровенно, для меня важнее не то, чтобы дети на всю жизнь запомнили содержание рассказа, а то, чтобы на этом примере — на примере его языка и описанных в нем событий — формировать в них эстетические и нравственные точки зрения. На этом уроке я не стал вызывать кого-либо из моих ребятишек, чтобы тот пересказал — самому себе — содержание прочитанного. Самому себе, конечно, ибо в данном случае мне это не нужно, так как нет смысла проверять: не нужно и детям — в каждом из них сейчас кипят чувства, вызванные впечатлениями от рассказа.

Сейчас нужно не спрашивать кого-нибудь, а нужно, чтобы Нато прочла рассказ с присущей ей экспрессией. И как только вышла она к доске с раскрытой книгой, все сразу притихли и приготовились слушать. Сейчас ничто и никто не должны нам мешать. Пусть я тоже сяду рядом с Гией и Бондо, а Нато как хочет — может сесть за учительский стол, может стоять у доски и так читать. Занавески на окнах тоже приспущены — солнце подождет. Ну как, все готовы? И Нато начинает читать. Ведь дети уже знают содержание рассказа, знают каждый его абзац, так почему же они тогда слушают Нато, затаив дыхание? Почему я сам тоже забываю обо всем, о том, что я и сейчас есть воспитатель и все, что происходит в классе, организовано мною?

Нато читает, мы слушаем, по спине то и дело пробегают мурашки... вот кульминация. Голос Нато дрожит, и у многих, включая меня, глаза наполняются слезами. Может быть, попросить Нато, чтобы она остановилась хоть на минуту, дала нам возможность встряхнуться? Но нет, процесс воспитания, который сейчас облагораживает наши чувства, делает их утонченными и умными, не следует прерывать. Бондо поглядывает на меня: «Шалва-учитель плачет!» Да, дети, не могу удержаться от слез, они естественные, и мне незачем стесняться вас, скрывать следы моей чувствительности... Нато читает рассказ тоже со слезами на глазах... Рассказ и Нато сейчас воспитывают нас. Нато сейчас сильнее меня. Если бы рассказ читал я, дети, по всей вероятности, тоже расчувствовались бы, но чтение одноклассницы, у которой слова вместе с переживаниями вырываются прямо из сердца, покоряет всех. Нато не просто чтец, она единственная свидетельница событий; вот и рассказывает, переживая и страдая, заставляя нас тоже переживать и страдать.

Да, литература — преобразующая сила, но в педагогическом процессе она может стать более глубинной и потрясать — ну, конечно, в педагогическом смысле этого слова — душу ребенка. Как усилить воспитательное влияние художественного слова? Мне не трудно сделать вывод по этому поводу. Ведь иные единичные факты могут порой послужить поводом для обобщения. Вот я и обобщаю и верю, что оно, это обобщение, правильное: воспитательное влияние художественного слова на младших школьников может быть усилено во много раз, если слушать его на уроке всем классом вместе и если чтецом выступит ученик, умеющий читать с чувством и проникновенно, и если еще учитель в это

время сам не постесняется проявить перед учениками свою чувствительность.

Рассказ тоже имеет конец. Нато умолкла. Как будто дети не поняли, что чтение окончено, и ждут продолжения — минуты две они так и сидят в полной тишине. Потом кто тайком, кто без стеснения начинает вытирать слезы. Что мне после этого надо было делать? Задавать вопросы, чтобы дети отвечали и осуждали этого недоброго мальчика, который так безжалостно обидел слабого музыканта? До звонка осталось три-четыре минуты. Обсуждать? Ну что же, только давайте обсуждать так: «Ребята, может быть, будет лучше, если на этот раз каждый поразмыслит сам для себя о тех событиях, которые описаны в рассказе?» Оставшиеся минуты мы так и провели в полной тишине.

На другой день обсуждение было бурным, ребята то и дело переходили на выяснение собственных взаимоотношений с людьми, с действительностью. Тогда мы и решили осуществить радиопостановку рассказа «Виолино».

Дети работали увлеченно, работали после уроков, без моего участия. А сейчас, на 2500-м уроке Магда, Гоча, Елена и Котэ готовят магнитофон для включения. Большинство ребятишек знают, какая получилась радиопостановка, и ждут, какой она произведет эффект на меня. Устраиваюсь поудобнее, и Магда включает магнитофон.

По голосам я, конечно, сразу узнаю, кто какую роль озвучивает, на скрипке, разумеется, играет Гоча, текст от автора читает Нато, маленький музыкант — это Котэ, недобрый мальчик — это Виктор; слышны голоса Марики, Эллы, Лали, Дато, Вовы и других. События разгораются. Недобрый мальчик подставляет ножку слабому скрипачу, тот падает, у него из рук выпадает футляр. Футляр раскрывается, и мы слышим душераздирающий крик: «Виолино, мое Виолино!» Маленький скрипач с ободранными коленками, подползает к виолино и... начинает играть. Недобрый мальчик, который только что собирался бежать, стоит как вкопанный, и волшебные

звуки музыки начинают лечить его от злости, недоброты, хамства...

Нет, мы уже не плачем, мы закрепляем в себе сейчас обмытую слезами позицию быть добрыми и бороться против грубости и насилия. Последние аккорды музыки, вошедшие в наши сердца, так и остаются в них, пропитывая наши чувства умом и смелостью.

Аплодирую вместе с детьми. Хорошо, очень хорошо! Ну, конечно, стоит сделать такой подарок 2500-му уроку! Пожалуйста, прошу, перепишите запись на мою магнитную ленту! А теперь запишем на доске имена всех тех ребят, усилиями которых была осуществлена эта прекрасная радиопостановка!

Жертва учителей?!

Раскладываю на столе книжки моих ребятишек. Не терпится рассмотреть сочинения и проекты памятника Уроку. Не терпится потому, что одна моя коллега, руководительница 7-го класса, с которой сегодня утром по дороге в школу я поделился своими планами, решила дать своим ученикам сочинение на ту же самую тему. К концу дня она прибежала ко мне взволнованная, чуть не плача от обиды. Посмотрите, говорит, как оказывается, ученики мои не любят уроки. Каждый из двадцати трех учеников откровенно говорил об уроке, что он о нем думает. Почитал я сочинения семиклассников и тоже ужаснулся. Коллега объяснила мне, как дала своим ученикам задание. «Напишите откровенно, напишите правду!» — сказала она им. «А за этим ничего не последует?» — спросили ребята. «Нет, конечно, — заверила их учительница, — нам только интересно ваше действительное отношение к уроку, вот и все. Если кто хочет, может не подписываться!» Тогда ученики и написали скорее не сочинение об уроке, а приговор

ему. Я выписал отдельные места из этих письменных работ и получил следующую картину.

«Не каждому уроку скажешь "Здравствуй...". Учителя часто приходят на уроки почему-то именно в плохом настроении. На все злятся, кричат...»

«Я подчиняюсь тебе, Урок, иначе знаю, что может со мной произойти... Ты мой, ты наш мучитель. Хорошим ты бываешь тогда, когда сворачиваешь с пути...» «Часто случается так, что ты, Урок, течешь однообразно. Тогда я не люблю тебя. Начинаю вертеться за партой, что-то другое отвлекает меня, и я получаю замечания. Разве это моя вина? Что мне делать, если ты не можешь успокоить меня, овладеть моим вниманием и интересом. Когда ты кричишь, ссоришься со всеми, сеешь в классе неприятности, тогда я просто не могу терпеть тебя. Мне хочется стать глухим и слепым, чтобы не слушать и не видеть тебя, хочется убежать от тебя далеко-далеко...»

«Сколько чего выражено в этих двух словах "Здравствуй, Урок". В них и страх, когда не готов отвечать учителю, и радость, когда учитель позволяет тебе делать, что хочешь, или, когда узнаешь, что урока не будет, и беспечность, когда знаешь, что учитель ничего не сможет с тобой поделать... Здравствуй, пропущенный Урок, ты наша радость...»

«Я только и жду, когда ты закончишься. Вот и сейчас — какой ты нескончаемый... Заканчивайся побыстрее, в конце концов, уходи, убирайся, а то так стукну тебя по голове...»

«Начинается урок и начинается выставление знаменитых двоек... А я сижу за партой и жду, когда же Урок обратит на меня внимание... Нет. Урок никогда не замечает нас, у него свои дела, свои заботы, и катится он по своим рельсам или же тянется нудно... и наконец звенит долгожданный звонок...»

«Могу приветствовать только те уроки, на которых получаю "пятерки". Почему я говорю об отметках? Что делать, так устроена жизнь... И ты поздоровайся со мной. Урок, если, конечно, радуешься встрече со мной. Но не думаю, чтобы я мешал тебе... Вот окончу школу, и ты отдохнешь от меня...»

«Здравствуй, Урок! Меня вовсе не радует встреча с тобой, но лучше сидеть на уроках, чем попадаться на глаза директору...»

«Начинается урок, и я тоже приступаю к делу: разговариваю с товарищем, рисую, рву на клочки бумагу, даю подзатыльник кому-нибудь сидящему впереди, тот хочет сразу же дать сдачу, но учитель смотрит на него...»

«Я не люблю уроки. Когда я сижу на уроке, мне представляется, что нахожусь в тюрьме...»

«Как я могу писать сочинение на эту тему, когда только и жду, как бы поскорее с ним попрощаться...»

«Каждый день у нас по шесть уроков, шесть учителей, шесть раз одно и то же... Люблю отдаваться мечтаниям на уроках...»

«Начинается урок, и начинается твое мучение... Как много у наших учителей «двоек», откуда они их достают?»

«Какие у нас все учителя здоровые, редко пропускают уроки... Любовь к уроку зависит от учителя. Он должен развеселить учеников, дать им посмеяться, пошутить... Ну и что же, если ученик не выучил урока, учитель не должен его бранить...»

«Уроки наши самые скучные... Они как-то постарели, ходят сгорбленные, с палкой, стали неспособными, бессильными, часто болеют, кашляют, потеряли цвет лица... Встречи с такими уроками разве могут доставить радость?»

«Почему ты такой длинный, Урок, сократись, пожалуйста, хоть на 10 минут...»

«Мне очень нравишься ты шумным, особенно тогда, когда приходишь к нам без учителя...»

«Если скажу тебе, Урок, что не люблю тебя, то это значит, что не люблю учителя, который тебя проводит. Будь все учителя хорошими, все уроки были бы хорошими. Разве не так? Почему все боятся тебя? Все требуешь, чтобы мы стали людьми, а ты сам разве добрый?»

«Все мы — и хорошие, и плохие ученики — радуемся, когда учитель пропускает урок. Тогда мы устраиваем в классе

ералаш.... Контрольная нас всегда пугает, потому что не знаем хорошо. Только тот не волнуется, который все знает досконально. А таких мало...»

«Мне порой очень жаль тебя. Ты становишься жертвой таких учителей, которые портят всякое хорошее впечатление о тебе...»

«Здравствуй, Урок, и давай тут же попрощаемся, ты для себя, а я — для себя...»

А это откровение я списал полностью:

«Здравствуй, Урок, хотя ты недостоин приветствия. Я тебя не люблю, потому что ты сам меня не любишь. Какое это удовольствие: сидеть, слушать, как тебе постоянно внушают, втолковывают, запугивают, ругают тебя и ущемляют твое достоинство. Почему, Урок, ты не хочешь видеть во мне человека? Если я еще только учусь и многого не понимаю, так ты же мудрый, тысячелетний! Клянусь тебе, чего бы только я не сделал для тебя, если бы ты обходился со мною как с человеком. Думай, Урок, и обо мне тоже и не спеши оценивать меня, ибо ученик не измеряется отметками. Я не жажду встречи с тобой, хотя знаю, что ты несешь мне знание. Но если все же посещаю тебя, то учти, что я боюсь угроз директора и упреков моих родителей».

На эту картину отношений семиклассников к уроку, конечно, нанесены и некоторые обнадеживающие, светлые краски, вроде: «Ты порой бываешь таким интересным, что мне не хочется расставаться с тобой», «Ты несешь нам мудрость, добрые советы, помогаешь нам стать людьми, научиться жизни», «Ты великолепен, когда учишь нас математике...» и т.д. Однако мрачность картины в целом этими красками не смягчается. Я попытался разобраться в высказываниях школьников: почему они все же не любят урока?

Потому что:

- уроки скучны, неинтересны;
- они не помогают всем, то есть большинству учеников, разобраться в изучаемом предмете;

- и потому держат их в страхе перед контрольными заданиями, перед вызовом для ответа;
- и пугают отметками, особенно «двойками»;
- и доставляют ученикам больше неприятностей, чем радостей;
- ущемляют их достоинство, самолюбие;
- не видят в учениках отдельных личностей;
- заполнены непедагогическим шумом криками, бранью;
- учителя ведут уроки, исходя из своего настроения;
- ученики чувствуют себя на уроках людьми, лишенными всех прав.

Как же (можно представить!) трудно учиться семиклассникам, если они недолюбливают уроки, считают их не своей собственностью, а прихотью учителей! Сами же уроки не помогают им разобраться в познавательных проблемах, не захватывают их интересными делами. Но если школьники так отрицательно относятся к урокам, стало быть, они имеют в виду, главным образом, учителей, которые проводят их. Ведь говорят ребята о том, что уроки одних учителей им нравятся, они не пропускают их, проявляют максимум активности. А у других — «уроки постарели... потеряли цвет лица... стали бессильными...» Обидно слушать такое. Но если это правда? Нет, это неправда, уроки не постарели, они стали — как точно заметил одни ученик — «жертвами» иных учителей. Спасти уроки от них — задача крайне трудная, но требующая решения.

«Что вы думаете по поводу сочинений моих учеников?» — спросила растерянная коллега. «Ребята упрекают учителей за их лень, а может быть, за неспособность проводить уроки. Вот и надо собраться вместе и обсудить, как самим исправиться!» Этот мой совет не совсем успокоил преподавательницу, она ушла грустная и недоумевающая. Работы учеников 7-го класса вызвали во мне тревогу: а что же написали мои третьеклассники, какие они предложили проекты памятника Уроку?

Вот я и раскладываю перед собой книжки моих ребятишек на письменном столе. Давно стемнело, и настольная лампа освещает в отдельности то одну, то другую книжку, а они — эти книжки, и «изданные» сегодня на третьем и четвертом уроках, уводят меня в размышления, разные, но в то же время единые тем, что опорой для всех них является урок, то есть моя совместная с детьми жизнь на уроке.

Сколько цветов имеет радуга (Лела)

Здравствуй, Урок!

Можешь сказать мне, сколько цветов имеет радуга? Не говори, что семь, ошибаешься. Радуга имеет около 10 тысяч цветов, я пока не знаю все, еще не видела, но верю, что все они красивые, удивительно красивые? Радуга — это ты. Урок!

Когда после дождя на небе появляется радуга, ребята моего двора с восторгом встречают ее, любуются ею. Но исчезает она незаметно. «Так сразу? Как же она там растворилась в нем?!» — удивляемся мы и с нетерпением ждем ее нового появления.

Вот точно так же и с тобой: придешь к нам в класс, удивишь нас своими красками, поиграешь с нами и покидаешь нас, оставляя всем нам стихи, рассказы, сказки, уравнения, русские слова, песни. И еще, самое главное, ты нам оставляешь дружбу.

Мне нравится все то, что мы делаем на уроках.

Математика в темноте — как это хорошо! Сидишь с закрытыми глазами, а Шалва-учитель задает сложные примеры. Их надо решать в темноте, отвечать, высказываться, только глаза нельзя открывать.

Очень интересно бывать в гостях на уроке у старше-классников. Интересно еще... Но обо всем не скажешь.

Ты раскрываешь мне сегодня свою 2500-ю краску, там будет радиопостановка, в которой я тоже участвую. Ты для меня— радость. Но какой тебе поставить памятник— не знаю.

Как хорошо, Лела, ты сравнила урок с радугой! Многоцветная, улыбающаяся тебе радуга! Значит, тебе понравилось быть в гостях на уроке в 6 классе? В тот день я разбил вас на четыре группы, по девять человек в каждой, и отправил на уроки в шестые и седьмые параллельные классы. Заранее я договорился с учителями и ребятами, чтобы они показали вам, какая интересная и сложная работа в старших классах. Ты с группой была на уроке математики и вернулась удивленная: они все говорили там о какой-то теореме, чертили на доске, измеряли, записывали. «Неужели я тоже смогу доказать теорему? А нельзя ли доказать ее в 3-м классе?» — спрашивала ты меня. Твои товарищи были на уроках грузинской литературы, географии и истории. Они тоже вернулись восхищенные. Почему я послал вас на уроки в классы постарше? Во-первых, чтобы дать вам разглядеть вашу отдаленную перспективу, во-вторых, помочь вам подружиться со школьными товарищами, которые постарше вас. Ведь все вы остались довольны, что побывали в гостях, верно? А я заметил, как усилилась ваша познавательная активность на уроках. Вот вся моя педагогическая «хитрость» в этом деле.

Твой проект памятника Уроку радует меня: под аркой многоцветной радуги, на возвышенности стоит девочка в школьной форме, с протянутыми к радуге руками. Можно вообразить, какое радостное удивление играет у нее на лице...

В глубине океана слов (Георгий)

Здравствуй, Урок!

Я люблю тебя, Урок! Без тебя, без школы свою жизнь представить не могу.

Тебя, Урок, часто вижу во сне. Ты мне снишься по-разному. То вызываешь к доске решать задачи под занавеской. Мне под занавеской легче решать самые сложные примеры, чем когда решаю их, сидя за партой.

Знаешь, что мне еще снится? Мой любимый учебник по родному языку. Мы его называем «грамматикой мыслей». Там такие удивительные предложения. Их можно сравнить с крыльями, на которых взлетаешь вверх и оттуда исследуешь законы грузинского языка, как космонавты исследуют нашу планету из космического корабля. Можно сравнить эту книгу еще с батискафом, в котором можно спуститься на глубину океана слов и понаблюдать, как они движутся, строятся, играют, создают красивые предложения. Я уже закончил три тетради слов, а они все не кончаются.

Когда узнаю, что сегодня будем выполнять упражнения по грузинскому языку, радости моей нет конца. Спасибо тебе, Урок, что такой интересный!

До скорой встречи с тобой!

Вот какой памятник хочу тебе соорудить! Я хотел бы поставить его на горе Мтацминда, чтобы все видели тебя.

Почему все вы так любите, ребята, решать задачи на доске, закрывшись занавеской? Я тоже не раз замечал, как вы быстро там справляетесь с трудностями. Кроме того, каждый из вас, кому я поручаю самостоятельно выполнить на доске задание, уже не спросив разрешения, сам скрывается за занавеской, и как только справится с ним, сразу вылезает с сияющим лицом, на котором только и написано: «Я уже, а вы, ребята, тоже?» Потом раздвигает занавеску на доске и приступает к объяснению, что, как, почему сделал. Как будто пустяк эти занавески, которыми обычно прикрываю написанные заранее на доске задачи, примеры, упражнения, схемы, а дело они делают. Я впрямь готов признать, что есть такой дидактический прием, дидактический усилитель и ускоритель познавательной деятельности младших школьников:

прием работы у доски за занавеской. И ты, Георгий, еще раз убеждаешь меня в этом.

А теперь об учебнике, который помогает тебе опуститься в глубину океана слов. Значит, тебе нравится эта книга? Буду откровенен с тобой: она нравится мне тоже. Когда мы раскрываем ее на уроке, вы сразу же становитесь какими-то одержимыми. Книга не дает вам готовых знаний, а ведет к ним. Каждый из вас на уроке превращается в лингвиста; это вы сами для себя (но с сознанием, что и для других) определяете языковые знания и закономерности, устанавливаете языковые нормы, ищете способы систематизации языковых явлений. Я тоже работаю вместе с вами, тоже что-то не понимаю, но потом, с вашей помощью, догадываюсь; тоже ищу, порой нахожу, а порой нет.

Мы работаем в самой книге: заполняем схемы, пишем в отведенных рамках наши определения, отвечаем на вопросы, обозначаем, подчеркиваем, группируем, сравниваем. Все мы, значит, и я тоже, «охотимся» за грузинскими словами, записываем их в наших тетрадях, раз в неделю обмениваемся нашими словами и все удивляемся: как это слова все не кончаются. Тинатина Михайловна Гелашвили, которая написала для нас такой увлекательный учебник, умеющий говорить с нами, помогающий нам и поощряющий нас, стремилась именно к тому, чтобы погрузить всех нас, как ты метко выразился, в глубину океана слов.

Раскрою тебе еще один педагогический секрет Тинатин Михайловны. Она создавала свой учебник не для того, чтобы я — ваш учитель — стоял посередине класса и диктовал вам: «Раскройте учебники на такой-то странице... Сделайте такое-то упражнение...» и т.д., а для того, чтобы мы смогли работать вместе. Разве ты не заметил, Георгий, чем я занят на уроке во время работы над этой «грамматикой мысли»? Да, конечно, я, как и вы все, сижу за партой и тоже, как и вы все, погружен в океан слов. Но почему я порой ошибаюсь, почему порой у меня что-то не получается, почему так часто

прошу вас помочь мне разобраться, это уже... В общем, это не важно. Важно то, что, оказывается, можно превратить грамматику родного языка из скучной науки, обучение которой требует принуждения учеников, в науку, обучение которой доставит им радость полета.

Очень интересным получился у тебя, Георгий, проект памятника Уроку. На темном монолитном пьедестале, который, наверное, ты захочешь сделать из цельного гранита, лежит волнистое облако, мягкое, прозрачное, сказочное. Оно, думаю, будет высечено из белого с голубыми разводами мрамора. На облаке стоишь ты, розовощекий, длинноволосый, и смотришь куда-то вдаль, а в руках держишь, прижимая к груди, желтое солнце, из которого, как будто из тебя самого, искрятся золотые лучики. Молодец, мальчик!

Жизнь на доске (Эка)

Здравствуй, Урок! Хочешь, скажу, какой ты? Ты мудрый, добрый, радостный, сердечный, интересный, родной человек.

Да, ты для меня именно человек, который всегда рядом со мной, учит и воспитывает меня, увлекает интересными делами.

Каждое утро, когда я бегу в школу, все думаю: а что мы будем делать сегодня на уроке? И не терпится мне поскорее забежать в класс и посмотреть, какие задания приготовил нам на доске Шалва Александрович. Правда, задания эти скрыты за занавеской и знакомиться с ними заранее нельзя. Но учитель никогда не запрещает нам заглянуть за занавеску.

Сколько там интересного! Это же жизнь на доске! Меня охватывает еще большее нетерпение. Зазвенит звонок, начнется Урок, и тогда Шалва Александрович открывает нам то одну часть доски, то другую.

Я мечтаю стать учительницей, приходить пораньше в класс и также записывать на доске задания и упражнения, а потом, стоя у доски, как наш. учитель, радовать своих учеников интересными делами.

Здравствуй, Урок!

A «до свидания», тем более «прощай» я тебе никогданикогда не скажу.

Вот мой памятник тебе.

Как ты меня порадовала, Эка! Значит, могу надеяться, что в классе у меня растет будущий учитель младших школьников? Хоть бы ты не передумала, не изменила своего сегодняшнего решения. Твое спокойствие, уравновешенность, твоя чуткость, преданность (да, ты уже не раз доказала, что наделена этими свойствами) сделают тебя, я уверен, первоклассным воспитателем детей. Что же мне сделать, чтобы развить и укрепить в тебе это раннее профессиональное устремление? Отныне я еще чаще буду привлекать тебя помогать мне в приготовлении нужных материалов, ты станешь моей помощницей. Знаешь что, давай сделаем так: приходи пораньше в школу, мы вместе будем записывать задания на доске, одновременно я буду обсуждать их с тобой. Дам возможность проводить вместо меня время от времени пятидесятиминутные «уроки» с ребятами. Пусть знают все, что в будущем ты готовишься стать учителем. Может быть, и другие тоже захотят стать учителями? Тогда создадим в классе... как лучше назвать? скажем, курсы будущих учителей. Кому же заботиться о воспитании талантливой педагогической смены, если не самим учителям? «Видеть в ученике соратника по борьбе» — так я буду смотреть на Тебя, Эка!

Доска для меня важнейший и ничем не заменимый инструмент в работе с вами, но твое сочинение, Эка, наводит меня на мысль, что я еще не в полной мере оцениваю ее значение в вашей жизни. «Жизнь на доске» — эти слова изречены тобой, третьеклассницей, которая вовсе не задумывается о проблемах дидактики. Вот посмотри, милая девочка, как я

сейчас стану развертывать суть этого изречения, в котором ты отразила всего-навсего свою привязанность к школьной жизни. Самое первое техническое средство обучения, которое возникло в истории педагогики, по всей вероятности, была доска. Может быть, существовали пещерные скальные доски, на которых наши древнейшие учителя первобытных обществ рисовали малышам разные сцены жизни, борьбы, развития и самосохранения? С тех пор возникали и исчезали, может быть, тысячи разных видов технических средств, доска же все больше упрочивалась в педагогическом процессе. Почему? Потому что на ней легче всего и в доступной для всех форме можно отразить, как сказала моя Эка, жизнь.

«Доска и мел — в XX веке?!» — может сгоряча сказать иной посторонний человек, восхищенный достижениями современной науки, электроники.

Говорить о дидактическом значении доски, когда рождается компьютерная техника?! Нет, скажут посторонние, доска и мел должны умереть! Но мы с Экой знаем, какое это заблуждение. Как умереть, когда на доске обычным простым мелом (теперь у нас есть цветные мелки) и умелой рукой учителя можно показать процессы разных явлений и событий? Можно доказать гипотезы, можно скрестить шпаги познавательных страстей, можно бороться с самим собой, со своими способностями и знаниями.

Доска отражает познавательную жизнь детей на уроке, и она не может умереть, ибо вместе с ней исчезнет лучшая часть этой жизни. Доска может преобразиться: можно сделать ее, скажем, не из дерева, а из других, современных, материалов, изменить ее форму, бесконечно изобретать способы работы с доской — все это можно и нужно. Но вот снять ее со стены и вынести на свалку — это означало бы варварство по отношению к процессу обучения и к уроку в частности, не больше и не меньше. Современные технические средства обогащают мою работу, они еще больше обогатят уроки моей Эки, но доска есть доска, на которой я и мои ребятишки каж-

дую минуту можем проецировать неповторимые процессы наших познавательных усилий. Вот почему воскликнула маленькая девочка, третьеклассница, помышляющая стать учительницей: «Это же жизнь на доске!»

Люди добрые, разве мы уже исчерпали дидактические и воспитательные возможности на доске? Возможно, прозвучит странно, но мне представляется: мы еще не освоили культуру доски. Почему, дидакты, не хотите описать в ваших трудах методику применения доски на уроке? Может быть, вы считаете, что это пустяковое дело, оно и так всем известно, в нем нет проблем для науки? Или же предполагаете, что все равно в скором времени доски исчезнут из классных комнат, и потому не стоит мучиться из-за разработки находящейся на грани исчезновения проблемы? Вот и догадывайся сейчас, почему в годы студенчества, когда я штудировал учебники педагогики, никто из моих профессоров ни словом не обмолвился о том, что на практике существует такое великое и необходимое дидактическое средство, как доска, и что существует еще культура работы с доской на уроке. Меня должны были учить, как записывать на доске задания, чтобы они увлекали моих учеников процессом познания, должны были тренировать искусно, ловко, молниеносно, без помех (чтобы ученики так и ахнули от удивления) чертить на доске разные фигуры, писать буквы и цифры. Мог же мне кто-то сказать, что ученики по-разному переживают вызов к доске... Если бы культурой работы с доской на уроке я овладел, будучи студентом, если бы меня хоть предупредили, что доска на уроке — большая педагогическая проблема, то мой личный путь открытия этой проблемы и поиск искусства работы у доски был бы — ой, насколько! — сокращен. И мой опыт в этой области был бы — ой, насколько! — сокращен.

 ${\it M}$ мой опыт в этой области педагогического мастерства был бы сегодня куда богаче.

Запишу теперь для себя заповедь о доске.

Она поможет мне в моих поисках совершенствования культуры применения доски. Может быть, заповедь эта пригодится и Эке, когда она станет у доски как учительница младших классов: учитель, считай доску экраном, на котором проецируется твоя совместная с учениками познавательная жизнь на уроке, и помни, что от того, как изящно будешь держаться у доски, с какой ловкостью и красотой будешь писать и чертить на ней нужные фигуры, примеры и буквы, — будет во многом зависеть не только успешность учебной деятельности твоих учеников, но и их отношение к тебе.

Спасибо, Эка, что навела меня на такие размышления. Значит, выбираю тебя в свои помощники и предвижу в тебе соратника по борьбе, ты согласна?

А твой проект памятника удивил и восхитил меня. Ты положила на бумагу руку и обвела карандашом все пальчики. Получилась раскрытая ладонь. И вот на нее ты посадила хитро улыбающееся солнце с круглым носиком и с какими-то таинственными глазами. Сидящее на твоей ладони солнце сверкает в ореоле своих лучей.

Солнце на ладони есть памятник Уроку!

Урок совести (Нико)

Здравствуй, Урок! Ты бываешь и веселым, и сложным, и хитрым... и светлым, порой и грустным. Я очень люблю ходить в школу, потому что здесь жизнь моя начинает кипеть. Я встречаюсь с товарищами, учителем, сижу на уроках и воспитываюсь.

Да, я чувствую, как воспитываюсь. Я расту, умнею, начинаю понимать людей.

На последнем уроке вчера Шалва-учитель прочитал нам рассказ из какого-то журнала. В нем говорилось о том, как

один мальчик из рогатки стреляет в собак, кошек, птичек и причиняет им боль, разбивает окна. Он хитрый, делает это так ловко, что никто не может заподозрить в нем виновника. А собаки, кошки, птицы, хоть и знают правду и могут раскрыть тайну, никому ни слова не говорят, только лают, мяукают и чирикают. «Давайте назовем этого мальчика каким-нибудь именем, а потом поговорим, какая у него совесть!» — предложил Шалва-учитель. Ребята наперебой называли разные имена — Гия, Вахтанг, Шакро, Нодар... Шалва-учитель записывал эти имена на доске. А когда, наконец, из десяти имен выбрал одно, чтобы им назвать мальчика с рогаткой, имя это оказалось — Нико. А потом начали обсуждать совесть Нико! Я страшно разволновался. Неужели речь шла обо мне? Так это было похоже на правду...

Наверное, это и есть воспитание. После этого урока я рогатку свою сломал и выбросил, и хочется еще извиниться перед собачками и кошками...

А урок этот я назвал уроком моей совести.

Вот, Урок, мой памятник тебе!

Ты сам открываешь, Нико, свою тайну. Я знаю, что ты шалун, но что гоняешься с рогаткой за кошками и птичками, этого я не знал. Но знаю, что один твой товарищ, тоже шалун вроде тебя, ходил в школу с рогаткой в ранце. Еще я видел, как тот после уроков, пробираясь потихоньку в парк, стрелял в птичек из рогатки. У меня, Нико, тоже есть свои педагогические секреты. Я сочинил рассказ о некоем мальчике с рогаткой, прочитал его вам и предложил обсудить поведение этого безымянного мальчика. А то, что дети назвали его твоим именем, имело свои причины, хотя о них не сказали ни слова. Значит, урок этот задел твою совесть тоже? И ты выбросил рогатку? Вот и отлично. И впредь не удивляйся, если на будущих уроках совести (молодец, мальчик! Давай назовем такие уроки о нашей нравственности, наших отношениях к людям, действительности уроками совести, мне это очень нравится) ты задумаешься по поводу твоих других поступков.

Мне нужно только сочинить рассказ о безымянном мальчике, который струсил и не защитил свою подругу. Каким именем назовут твои товарищи этого мальчика, я не знаю, но если назовут опять твоим именем, то ты, пожалуйста, задумайся, каким мы хотим тебя видеть, поговори со своей совестью наедине, в твоих дневниках.

Твой проект памятника Уроку заставляет меня задуматься. На фоне цветущего поля с маками, синего неба и ярко улыбающегося солнца вижу тебя, сидящего на скамье (наверное, у парты) и держащего в руках раскрытую книгу. А навстречу тебе летят птички. Что все это может означать? Я стараюсь уловить здесь такую философию: урок, хотя он, в основном, проходит в классе, включает в себя весь мир, и, сидя за партой, ты можешь познать его. Но почему именно птички? Потому что ты просишь у них прощения? Так ли все это, не знаю, но уверен: если сделать этот памятник мозаичным на большей стене какого-либо здания, люди с большим интересом будут разглядывать его. И если бы даже они спорили по поводу его композиции и содержания, все равно пришли бы к выводу: мальчик этот любит урок, который в его представлении растворяется в мире познания жизни.

Уметь сомневаться (Гия)

Здравствуй, Урок! Каждый день Шалва Александрович задает нам вопрос: «Какой нам провести урок?»

А мы говорим: «Хитрый, чтобы надо было много думать!» На уроках нам и вправду приходится много думать. Задания на уроке научили меня очень важному правилу: «Доверяй, да проверяй». Как только забываю действовать по этому правилу, допускаю ошибки. Это потому, что наш учитель так задает задания.

Но если не умеешь контролировать и слепо доверишься, то обязательно ошибешься. Я очень полюбил такие задания: сперва проверяю, правильно ли они составлены, а потом выполняю их. По моему мнению, Шалва Александрович специально так делает, чтобы наша мысль всегда бодрствовала. Хотя порой мы видим, как он сам тоже путается.

Особенно нравятся мне задания, в которых надо исправлять пропущенные ошибки. Как тут не проявить бдительность: тебе говорят, что допущено пять ошибок, найди и исправь их. А в действительности допущено не пять, а десять ошибок.

Урок, ты не думай, что существуешь от звонка до звонка. Нет, ты более длительный, ты, может быть, совсем не кончаешься, потому что после звонка мы покидаем тебя с желанием поскорее опять встретиться. Ты отправляешь нас домой с беспокойными мыслями.

Ты достоин самого хорошего памятника. Я бы поставил тебе такой памятник.

И тебе, Гия, я раскрою свой педагогический секрет. Да, я действительно хочу в каждом из вас развить умение контролировать свою учебную деятельность. Контролировать, переоценивать условия задачи, не поддаваться авторитетному и авторитарному влиянию — необходимые умения для подлинно самостоятельной и творческой работы. Значит, нравятся тебе задания по нахождению и управлению допущенных в тексте или примере ошибок? Я их разрабатываю специально.

Вот возьму отрывок из какого-нибудь рассказа, преднамеренно внесу в него разного рода ошибки — орфографические, пунктуационные, стилистические, механические. Размножу и раздам листочки каждому из вас, чтобы вы находили ошибки и исправляли их. Но секрет мой заключается вот в чем: если в тексте допущено десять ошибок, я говорю, что в нем пять ошибок. Кто слепо поверит моему слову, тот, конечно, как только найдет первые пять ошибок, сразу же успокоится, ибо

задание выполнил — в первых же строках текста нашел пять ошибок и исправил их, дальше читать текст не нужно. А кто все-таки продолжит работу над текстом, тот может обнаружить и другие пять ошибок. В следующий раз я говорю вам: в тексте (уже в другом, конечно) допущено двадцать ошибок (но их количество может оставаться тем же — десять), найдите и исправьте их. Каждый из вас станет усиленно искать в тексте двадцать ошибок. И некоторые, неуверенные в себе, могут перестараться, то есть примут за ошибку даже правильную форму. Так я могу все время менять условия и задания, пока у вас не возникнет и не закрепится установка: подвергать сомнению инструкцию, проверять условие. Видишь, Гия, какая тут хитрость! Постепенно вы научитесь в своей работе доверять самим себе, коллективному поиску, научитесь самостоятельно мыслить.

Почему-то методисты усиленно снабжают нас разными раздаточными материалами, основной целью которых является развитие умений и навыков решения стереотипных задач. Их выполнение не требует от школьников умения сомневаться в чем-либо. Сомневаться, скажем, в правильности составления задачи, ее условий, вопроса, инструкции. Раз дана задача, значит, она правильна, в ней не может быть ошибки! Но как же тогда будить вашу мысль, если гасить в ней критичность, не впускать в нее сомнения? Надо уметь сомневаться, Гия, верить, но перепроверять! Тогда твое убеждение будет воздвигнуто на фундаменте личного опыта. Это, конечно, вовсе не твое дело, мальчик, но ты, сам не думая об этом, заставляешь меня упрекнуть теоретиков дидактики, которые единогласно решили, что школьник не должен сомневаться в правильности наших задач и заданий, наших объяснений, наших доказательств. А как же и где же развиваться тогда этому умению? — спрашиваю я. И слышу сказанное между строк иных дидактических концепций: а зачем ему развиваться, зачем оно ребенку? Ребенок станет взрослым, а взрослому это умение просто необходимо, иначе, если он будет все слепо

принимать, будет всему верить, то его личность не состоится. А во взрослости умение сомневаться, если оно не было заложено в детстве, не возникнет; человек не приобретет той искры, которой воспламеняется творчество. Знаешь, Гия, любимый девиз древних мудрецов: «De omnibus dibitandum». Это — по-латыни. Перевод его означает: «Подвергай все сомнению». Опираясь на него, я определил для себя заповедь: учитель, воспитывай в своих учениках умение сомневаться, ибо сомнение, рожденное в сотрудничестве со знаниями, открывает для мысли люк в мир познания, рождает веру в личностную самостоятельность.

Не буду же я вас голословно призывать: «А ну-ка, ребята, сомневайтесь, проявляйте критичность!» Предпочитаю давать вам задания, выполняя которые вы сами придете к необходимости критически осмысливать создавшееся положение. «Перепроверь, а вдруг не так? А если это не то? Как мне убедиться?» — хочу, чтобы такие вопросы постоянно сопровождали вашу мыслительную деятельность при решении любой задачи.

Помнишь, Гия, как однажды у нас получилось. Я написал на доске задачу и сказал вам очень серьезно: «Даю вам десять минут для ее решения!» Никто из вас не проверил, насколько условие задачи было правильным. Задача не решается, ответ не получается, вы бьетесь, нервничаете. Какое там десять минут! Весь урок мы старались впустую, пока в самый последний момент Вова не сообщил нам: «А здесь ошибка, задачу нельзя решить!» Ошибку эту можно было обнаружить сразу, если только кто-нибудь из вас сказал бы: «Давайте сперва проверим условие задачи!» После сообщения Вовы я «удивился» — как это так, перепроверил вместе с вами условие задачи и... извинился: «Простите, ребята... Я ошибся!» Нет, я, конечно, не ошибся, я это сделал нарочно, чтобы привести вас к пониманию того, как важно удостовериться в правильности задачи.

Что же дает мне такая работа? Дает то, что ваша учебная деятельность становится более целенаправленной, а самое главное, вы приобретаете личностную черту: мыслить критически.

А теперь о твоем памятнике Уроку.

Он такой: на фоне синего звездного неба — огромное солнце, испускающее золотые лучи; между лучами горят звезды; а вот в самом диске солнца, на бегущем коне, сидишь ты, держа над головой учебник букваря.

Мне остается пожелать тебе: так лететь на своем коне к источнику знаний.

Стебель и лепестки урока (Сандро)

Здравствуй, Урок! Ты мое волнение и радость! Я спешу к тебе, как спешу к моему доброму, мудрому, любящему меня дедушке. Мой дедушка и ты похожи друг на друга. Вы оба многому учите меня, воспитываете, наставляете быть смелым, добрым, вежливым.

Каждая твоя минута, Урок, что спешит на циферблате наших стенных часов, заполнена заботой обо мне, о моих товарищах, она несет нам всем увлекательные дела и задания.

Ты, Урок, похож еще на цветущее поле.

Помнишь, недавно ты повез нас на экскурсию в Михету. Там, на поляне, цвели цветы, название которых я не знаю. Каждый цветок радовал нас, мы восхищались и удивлялись им. На поляне выросли «уроки» — нежно-голубые, яркокрасные, прозрачно-зеленые и желтые, веселые, яркие, всякие, всякие. А на лепестках их я как будто читал слова: «мир», «прилежание», «радость», «доброта», «доблесть», «сердечность», «храбрость», «взлет», «дисциплина». На стебельках же было написано — «знания».

Вот какой ты, Урок!

И вот тебе мой проект памятника.

На стебле хитро улыбающегося подсолнуха написано «знания», на девяти разноцветных лепестках — девять названных уже слов. Оригинальный проект, Сандро!

Твоя фантазия, мальчик, наводит меня на размышление о такой вечной педагогической проблеме, как проблема воспитывающего обучения. Хитро улыбающийся подсолнух со своими лепестками как будто объясняет мне тайну великого Яна Амоса Коменского, который с помощью примеров из природы устранял педагогические абсурды и несуразицы, находил более точные и разумные дидактические правила. Так и хочется воспользоваться его классическим принципом исследования — принципом природосообразности, чтобы разобраться, хотя бы в какой-то степени, в вечной проблеме воспитывающего обучения. «Знания воспитывают!» — твердил я вместе со многими моими коллегами 20-30 лет тому назад. И потому требовал от моих тогдашних малышей, чтобы они зубрили сказки, рассказы, басни, стихи нравственного содержания. Знают, как плохо лгать, как хорошо быть честными? Отлично знают, так и будут поступать впредь. «Вот видите, дети, что случилось с маленьким пастухом, когда он однажды обманул крестьян, что на его стадо овец напали волки! Хорошо ли он поступил?» — говорил я детям, а они в один голос отвечали мне: «Нет! Он поступил очень плохо. Лгать нельзя. Будешь лгать, тогда люди и в твою правду не поверят!» Я сразу закреплял в них эту нравственную позицию: «А вы будете лгать?» Ответы моих ребятишек успокаивали меня: «Нет! Никогда! Ни в коем случае! Будем говорить всегда правду!» И когда после этого я обнаруживал, что все же ктото из них солгал в чем-то кому-то, искренне удивлялся: ведь мы столько говорили о пагубных последствиях лжи, ведь они знают... ведь мы читали... ведь они сами...

Мог я тогда, повысив голос, сказать мальчику: «Как тебе не стыдно! Ведь мы же учили эту мудрую басню о значении

дружбы! Неужели так скоро ты ее забыл?» Он, конечно, мог хорошо помнить и эту басню, и ту поговорку, пословицу, но разве дело в этом? Но я не мог объяснить себе то обстоятельство, как этот ребенок, которого учили, что хорошо и что плохо, все же поступал наперекор этим знаниям. Я давал детям знания, закреплял эти знания в их сознании, проверял прочность запоминания и, следуя уверенности, что знания воспитывают, ждал от своих учеников проявления воспитанности. Эта уверенность и была причиной моего возмущения, когда вместо воспитанности я получал от школьников опятьтаки те же самые знания.

Прошли годы, и мое убеждение относительно прямого перехода знаний в воспитанность поколебалось. Нет, я и теперь верю, что знания могут нести в себе такой заряд, но только в особых условиях.

А в каких? Что это за условия?

Вот и я задумываюсь над твоим подсолнухом, Сандрик, на стебле знаний которого распустились лепестки человечности. Как это получилось? Всем известно, что бросив в хорошо подготовленную почву одно-единственное зернышко, мы через некоторое время видим, что из него вырастает целый стебель с таинственно окутанной головкой. Подсолнух растет, раскрывается, превращается в конце концов в очаровательное, хитро улыбающееся всем растение с изумительными лепестками и несколькими сотнями свежих семян. Но разве то удивительное превращение знаний... простите, одногоединственного сухого семечка произошло само собой? Нет, конечно! И не будь благодатной почвы, питавшей эти знания чувствами... простите, хотел сказать, питавшей это семечко живительной влагой, не будь улыбающегося солнца, посылавшего растению нужное количество тепла и света, не появился бы на свет подсолнух, не вырос бы он таким красивым... Знания воспитывают?

Нет, они сами по себе воспитывать не могут, как само по себе семечко не может преобразиться. Воспитывают не знания, а люди, несущие детям эти знания, так же как растет подсолнух не сам собой, а растят его добрая почва и ласковое солнце.

Кто и как будет учить детей — вот самое, самое главное условие воспитывающего обучения. Ну конечно, содержание самих знаний должно отражать нравственные идеалы нашей жизни — это просто необходимо, но решают проблему личность учителя и его убеждения. И мне представляется, как стоит памятник Сандро перед нашей школой: на высоком стебле знаний сияет хитро улыбающееся лицо подсолнуха с раскрытыми вокруг лепестками человечности и взывает к учителю.

Учитель, будь солнцем, излучающим человеческое тепло, будь благодатной почвой для развития человеческих чувств, сей знания не только в памяти и сознании твоих учеников, но, в первую очередь, в их душах и сердцах. Только в этом случае знания на твоих уроках могут стать ступеньками нравственного становления для каждого твоего воспитанника.

Чтобы написана была симфония (Котэ)

Здравствуй, Урок! Не сердись на меня, что я порой шалю, отвлекаюсь. И не думай, пожалуйста, что я не люблю тебя. Когда я отвлекаюсь на уроке и задумываюсь, это я делаю не нарочно. Сам не знаю, как получается, что вдруг в голове начинает звучать музыка, парта сразу превращается в рояль, и пальцы мои начинают бегать по черно-белым клавишам. Что мне делать, если музыка не покидает меня.

Ты знаком с моим отцом — он композитор. Говорит, что когда он был учеником, в контрольных тетрадях по математике порой записывал мелодии. Со мной тоже так случается.

Если я когда-либо стану композитором, то обещаю, что сочиню о тебе хорошую симфонию и назову ее так: «Хвала Уроку!» В ней будут и наши дискуссии о дружбе, доброте, о любви к Родине, будут и решения задач, письмо сочинений, наши споры с Шалвой Александровичем. В моей симфонии займут место и те пятиминутки, которые вдруг переводят нас в завтрашний день. Мы жмем ему руку и говорим: «Жди нас, видишь, мы уже приближаемся!»

О чем я еще напишу в своей симфонии? Конечно, о моих товарищах и о моем учителе... Прости, пожалуйста, Урок, но вот и сейчас заиграла во мне какая-то мелодия. Думаю, что она из оперы, которую писал вчера ночью отец для нашего класса.

Давай попрощаюсь с тобой, чтобы через несколько минут опять встретиться с тобой, уже 2500-м...

...Хочу, чтобы мой проект памятника «Хвала Уроку» был сделан в мозаике, на большой стене высотного здания...

Мысли, которые вдохновляют

Наша школа — школа жизни, но в этой школе жизни будет ли место для тебя, живой ли ты человек? Не отбывает ли учитель в классе зачастую опостылевшую ему повинность за гроши ежемесячного жалования и не проходит ли его личная жизнь где-то в стороне, то в томлении и тоске «культурной одиночки», то в моральном падении и опустошении души?

Любите не школу, а детей, приходящих в школу; любите не книги о действительности, а самую действительность; не жизнь суживайте до учения, но учение расширяйте до жизни! А самое главное: любите жизнь и как можно больше живите живою жизнью. В нашей идеальной школе учитель не будет скучать и томиться, ибо в ней он будет сам жить.

Вместе с детьми он будет сам учиться, всматриваться в жизнь и разбираться в ней, и если он мало знает жизнь, тем интереснее ему будет узнавать ее. Вместе с детьми он будет путешествовать в новых для него странах; вместе с ними он втянется в новое общее дело... В его учительской службе будет мало повторений, ибо творчеству учителя в новой школе, школе жизни, будет много места...

Блонский. Антология Гуманной Педагогики

Ты, мой мальчик, действительно часто отвлекаешься на уроках, я это давно заметил. Сперва в задумчивости начинаешь пристально смотреть в одну точку, потом пальцы твои начинают стучать по парте. Вначале я принимал это как проявление твоей рассеянности и слабоволия. Потом решил, что ты отдаешься мечтаниям. В каждом таком случае пытался вернуть тебя к делу — подавал знаки предупреждения мимикой, игрой голоса или же подходил к тебе и шептал на ухо: «Котэ, что ты делаешь, почему стучишь по парте, где ты находишься?» Потом я узнал, что ты обладаешь способностью сочинять мелодии, и тогда (это было еще в первом классе) мы прослушали на уроке твои песенки. Дети сразу признали в тебе композитора. Ты и сейчас отвлекаешься на уроках, но так как я уже знаю причину твоего «погружения», то стараюсь проявлять осторожность.

Ты, мальчик, поставил передо мной проблему, которая раньше для меня не существовала. А ситуация, которая создает ее, такова: мальчик отвлекается на уроке (скажем, математике), и я знаю, что в этот момент его посещает мелодия; говоря иначе, музыкальные способности мальчика сами приходят в движение, требуют развития. В общем, его начинает посещать предвестник Музы, и мальчик жмурится, уходит в себя, а авторучка, которой было предписано выводить цифры и формулы в тетради, начинает чертить в ней

какие-то музыкальные барашки. Что мне, учителю, делать в это время? Могу, конечно, прогнать этого предвестника Музы, напугать его, чтобы он впредь не мешал моему ученику в математическом мышлении. Могу силой приостановить внутреннюю тенденцию мальчика к музыкальным образам. Но пойдет ли это на пользу будущему композитору? А если напуганные мной предвестники Музы донесут своей королеве, что их изгоняют из духовного мира мальчика, что тогда? Могут же они принять свое решение: махнуть рукой и оставить мальчика в покое?

Конечно, мне трудно пока утверждать, что в лице моего ученика я имею дело с талантом. Но в конце концов талант ведь родное дитя развитых способностей, труда и мечтаний? Талант никогда не будет проявлен и развит без среды, а средой должен быть и я — учитель, и уроки тоже. Значит, вот в чем проблема: что мне делать с предвестниками Музы, которые посещают моего Котэ тогда, когда сами этого хотят, не считаются с тем, что сейчас урок и мальчику нужно заниматься математикой? Что мне делать с музыкальными способностями мальчика, если они приходят в движение на уроках чтения, письма, природоведения? Разумеется, я хорошо знаю, что Котэ и после уроков может заняться своей музыкой, что он ходит в музыкальную школу, что отец-композитор тоже может способствовать развитию мальчика. И потому я могу быть спокоен, если раз и навсегда запрещу Котэ отвлекаться от обязательных дел на уроках. Но знаю и другое. Знаю, во-первых, то, что после уроков мальчику захочется играть, гулять, смотреть телевизор, читать, шалить, ему нужно будет еще и выполнить домашние задания. Во время этих дел предвестники Музы не раз будут отогнаны. Во-вторых, знаю, что от мальчика не зависит, возникнут или нет в его голове мелодии во время урока.

И я обращаюсь к мысленному эксперименту: XVIII век, приблизительно 1763–1767 годы, австрийский город Зальцбург, начальная школа, в классе за партой сидит маленький

Моцарт, голова которого переполнена звуками музыки, складывающимися то в веселье, то в грустные мелодии. Мальчику трудно не поддаваться своей музыке, и, конечно он начинает играть пальцами по парте, напевать мелодии. Учитель возмущается: он объясняет детям математику, а в это время какой-то Моцарт принимается шутить, шалить, играть на парте как на клавишах. Учитель дает всем сочинение, а тот же некий Моцарт пишет в тетради сочинение совершенно другого рода — для скрипки и клавесина. «Моцарт, куда ты смотришь! Моцарт, ты мешаешь всем нам! Моцарт, ты невыносим! Моцарт, что это за дурацкие ноты в тетради! Моцарт, мне нужно повидаться с твоим отцом...» И в конце концов учитель какого-то Моцарта добивается того, что мальчик бросает музыку, отгоняет ее от себя, боясь, что учитель накажет его за невнимательность. Учитель доволен. Что же другое он мог сделать? Он же не мог тогда знать, что этому мальчику суждено оставить человечеству свой удивительный мир музыки? Он и то не мог думать, что своими раздраженными «Моцарт... Моцарт...» притеснял и даже был близок к тому, чтобы вовсе вытеснить из жизни своего ученика талант.

Мой мысленный эксперимент завершаю и чувствую, что боюсь за его возможные последствия. Не знаю, должны ли мы считать счастливым случаем то обстоятельство, что Моцарт совсем не ходил в школу и некому было отгонять от него так усердно посещавшую его Музу. Отец — музыкант, прославленный педагог — не только не запрещал мальчику заниматься музыкой и всецело ей отдаваться, но и сам вселял музыку в его жизнь.

К чему же приводит мое рассуждение? Нет, я вовсе не хочу доказывать, что Котэ имеет право вести себя на уроках так, как подсказывают ему неконтролируемые внутренние задатки. И не надо говорить мне, что сейчас конец XX века и что наша современная жизнь, качающаяся на волнах научно-технической революции, наша действительность требует, чтобы младший школьник овладел необходимыми

базовыми знаниями и умениями для дальнейшего успешного обучения, а если он талант, то пусть проявит свои способности в процессе своей разнообразной учебной деятельности. Разумеется, Моцарт и Котэ — разные дети, дети разных эпох. Все это верно. Но сомнение все же грызет меня всякий раз, когда вижу, что мой маленький музыкант размечтался, играет пальцами на воображаемом рояле, не слышит меня, и я вынужден подойти к нему, шепнуть на ухо: «Мальчик, что ты делаешь, опомнись, ты же на уроке находишься!» Помню случай, когда от неожиданности, что в его музыкальное уединение вдруг ворвался чей-то предостерегающий голос, Котэ так испугался, что побледнел.

Могу дать сам себе наставления и утешить себя тем, что музыка — хорошо, но Котэ нужны будут программные знания, которые предназначены для младших школьников. Музыкальные способности мальчика могу поощрять и после уроков, во внеклассной работе, дав ему задание, скажем, по музыкальному оформлению наших спектаклей. Могу еще сказать самому себе, что если Котэ — талант, то он не пропадет; в конце концов, отец-композитор позаботится о развитии сына. Так что если я запрещу мальчику отвлекаться на наших уроках, этим я ничего не испорчу, скорее всего, помогу ему стать волевым. Ведь одаренные дети сидят в классах многих учителей, которые на уроках по отношению к ним принимают те же самые меры, придерживаются той же точки зрения, Так я могу утешать и оправдывать себя бесконечно, но чтобы полностью разогнать свои сомнения, мне нужен ответ на весьма, по моему мнению, таинственное явление.

Почему в моем далеком детстве именно на уроках так же «углублялся» в свои проблемы мой одноклассник, неугомонный шалун и мечтатель, мальчик в коротких штанишках по имени Роланд? Он все решал другие задачи, нам непонятные, читал другие книги, нам недоступные. Учителя призывали его быть внимательным, слушать их объяснения. Он вежливо смотрел им в глаза, но, как мне сейчас вспоминается, даже в

эти моменты был вдохновлен чем-то другим. И спустя годы мы узнали, что рядом с нами сидел подросток, открывший новую звезду, а еще спустя годы я прочитал в газетах, что мой друг разработал новую теорию (извините уж, не могу сказать какую), за что и была ему присуждена Государственная премия. И я стараюсь объяснить это явление своей версией: дети одаренные любят мечтать на уроках потому, что интеллектуальное пламя и дух общения, подобно горючему для ракеты, поощряют их способность оторваться от классной действительности и вырваться в другую действительность, скажем, в мир музыки, или поэзии, или математики. Это «горючее» станет более мощным, если интеллектуальное пламя и дух общения, царящие в классной комнате, пропитаны чуткостью и отзывчивостью, взаимопониманием и взаимопомощью.

Ты не верь таким версиям, говорю я самому себе, а возьмись за то, чтобы этот Котэ на уроках твоих был таким же внимательным, как все остальные, а если ему суждено творить музыку, то он этим обязательно займется...

Вот видишь, мой мальчик, какую, может быть, пустую проблему я ставлю, чтобы разобраться в твоем будущем, да еще (после того, как я прочел твое откровение и вместе с тобой устремился в фаэтоне по солнечной дороге в небо) спасти твое обещание написать, будучи взрослым, симфонию на тему «Хвала Уроку»... А теперь о наших пятиминутных перемещениях в завтрашний день. Я делаю это, чтобы вселить в вас смелость ума, радость познания, веру в свои возможности, чувство будущего. Когда я раскрываю на доске задание с заголовком «Здравствуй, мое Завтра!», вы радостно аплодируете. Затем мы в течение пяти минут бьемся над трудностями 4-го класса, преодолеть их порой нам не удается, но очень часто (с моей помощью) мы справляемся с ними, и это вас страшно радует. Вы любите эти пятиминутки на уроках, и всегда, как только переходим на пробу наших сил, мы говорим: «Будем пожимать руку нашему завтрашнему дню!»

Да, Котэ, завтрашний день с нетерпением ждет вас, он знает, что вы есть — такие неугомонные, ищущие, умные, он знает еще, что его судьба в ваших руках и вы не подведете его. Завтрашний день ждет тебя, Котэ, с надеждой, что принесешь ему в подарок свою музыку. Он, надеюсь, ждет меня тоже, чтобы я, уже старый учитель, проходя по улицам любимого города, вдруг с удивлением остановился, чтобы разглядеть мозаику на большой стене высотного здания: по солнечной дороге, проложенной во вселенную между звезд, мчится черный конь, несущий за собой управляющего им мальчика в фаэтоне. «Это называется Хвала Уроку», — подскажет мне ктото из прохожих, и в моей памяти оживет рисунок, который когда-то нарисовал девятилетний мальчик по имени Котэ.

Отметки на костре (Нато)

Здравствуй, Урок! Каждая встреча с тобой мне доставляет такую же радость, как встреча с ярким, теплым, добрым солнышком. Ты для нас тоже настоящее солнце — солнце знаний и доброты.

Под твоими лучами знаний мы растем так же быстро, как растут растения под теплыми лучами солнца.

Можно ли представить жизнь без солнца? Нет, нельзя! Так же трудно представить жизнь детей без урока.

Ты, Урок, есть солнце знаний, а мы — ученики — являемся твоими детьми.

Мы — дети солнца!

Вот какой ты есть, Урок, для меня, для моих товарищей. Но не могу понять, почему не любит уроки мой сосед, тоже третьеклассник, только из другой школы.

Бедный Бадри! Вчера он получил сразу две «двойки». Ой, что у них творилось! Папа Бадри был так разгневан, что

мальчик прибежал к нам укрыться от него. Бадри плакал, говорил, что больше не будет ходить в школу, что учительница не любит его. Он никак не хочет верить, что на наших уроках об отметках нет и речи, что мы их не получаем. Потом он сказал, что хочет сжечь на костре все и всякие отметки. Они детям приносят только зло, говорил Бадри.

Мы взяли по одной чистой тетради, заполнили их цифрами от одного до пяти — 1, 2, 3, 4, 5, 1, 2, 3, 4, 5 и т.д., побежали во двор, разорвали тетради на клочья и разожели костер.

Бадри прыгал от радости: «Костер отметок... Скоро их не будет... Горят отметки, ура!»

Прибежали дети и, узнав в чем дело, тоже начали добавлять к костру клочья бумаги, чтобы отметки сгорели насовсем.

«Что вы делаете? — удивлялись взрослые. — Потушите сейчас же огонь!»

А мы отвечали: «Сжигаем отметки на костре!»

Дети радовались. «Как наши учителя проведут завтра уроки, если все отметки сожжены, они превратились в пе-nex.!» — говорили они.

Этот проект памятника моему Уроку я называю так: «Дети солнца». Хочу, чтобы он был выполнен в мозаике.

Что правда, то правда, твоя мозаика, Нато, меня, восхищает: огромное желто-красное солнце, испускающее лучи, и длинные, и короткие, а в образовавшихся между лучами углах нарисованы дети — «дети солнца». Солнце же это — Урок! Как хорошо, как я рад, моя девочка, что у тебя, я бы сказал, величественное представление об Уроке. Урок тебя привлекает, радует, он составляет твою жизнь, ты — его дитя! Конечно, я горжусь таким твоим отношением к Уроку, которое, кстати, и облегчает, и в то же время усложняет мою педагогическую жизнь.

А теперь, Нато, разговор по поводу сожженных на костре тобой и Бадри отметок; но разговор этот — не для тебя. Хочу поразмышлять вслух для своих коллег.

Что же нам, друзья мои, делать с отметками? Почему мы так заколдованы ими, да еще заколдовываем наших учеников, их родителей, всю общественность? Делаем это ради детей? А может быть, для того, чтобы свалить на них наши педагогические промахи? Мы сами сознательно создаем идола (так об отметках выразился наш большой, мудрый учитель — Василий Александрович Сухомлинский), слепо веруем в его чудодейственную силу и превращаемся в его служителей! Не кажется ли это вам, дорогие коллеги, странным и неестественным для нашей профессии? Каждый школьный день убедительно говорит нам, что отметки больше не рождают в нашей педагогической жизни недоразумения, чем помогают успешно вести воспитательный процесс. В наших учениках развивается нездоровая тенденция к высоким отметкам. Они выдумывают сотни хитроумных способов для предотвращения получения плохих отметок: начинают лгать родителям (кому охота сказать своему грозному папе, что он сегодня, знаете ли, получил «двойку»), нежелательные отметки переправляют в дневнике на желаемые, вырывают из классных и контрольных тетрадей страницы, на которых красуется «двойка» или «единица». Даже такое проявление активности и интереса на уроке, как поднятие руки для ответа на поставленный вопрос, и то служит корыстным целям — угодить учителю.

А разве вы, коллега, будучи учеником, не скрывались иной раз под партой, пока учитель вел опрос, не делали порой вид, что как будто можете ответить, подымали руку, а сами с замиранием сердца трепетали: «Хоть бы не меня!» Вспомните, пожалуйста; вспомните все до мелочей, какие недоразумения вносили отметки в вашу школьную жизнь. Надеюсь, у вас есть что вспомнить, и попытайтесь дать вашему школьному прошлому сегодняшнюю профессиональную оценку: вправе ли мы, зная, как отметки коверкают наше доброжелательное отношение к своим ученикам, поддаваться магическому влиянию эти несуразных цифр от 1 до 5. Ведь мы прекрасно

знаем, что дети боятся многих из нас, боятся наших отметок, боятся того, что можем самовольно пользоваться отметками. Не будем же оспаривать истину, что ребенок должен верить в своего учителя; простите, не так выразился, он вовсе не должен, это мы должны строить педагогический процесс так, чтобы ученик поверил в нашу справедливость, в наше доброжелательное отношение к нему. К сожалению, вся педагогическая практика так сложилась, что мы порой забываем об этой истине, становимся императивными. Проследите, пожалуйста, сколько приказов вы отдаете вашим ученикам каждый день, как вы часто их порицаете, наказываете. Мы больше сердимся на них и изредка им улыбаемся, больше требуем и реже сочувствуем, больше ругаем и меньше поощряем, больше контролируем и меньше доверяем, больше спрашиваем и меньше объясняем.

Многие учителя воспринимаются школьниками озлобленные люди, которым доставляет радость подстерегать своих учеников, уличать их в незнании, нарушении дисциплины, ставить «двойки», вызывать родителей. Но мы же не такие, нам нельзя быть такими, быть злым противопоказано педагогическому делу. Однако быть полным доброжелательности к школьникам — это еще не решение педагогической проблемы, надо владеть мастерством: дать детям почувствовать, пережить на себе нашу доброжелательность, нашу чуткость, помочь им поверить в нас. Помогают ли нам в этом деле отметки? И вообще, во что они превратились в нашей практике? В способы поощрения учеников к учению? Нет, скорее всего, они превратились в инструменты социального давления на детей, их сортировки на «успевающих» и «неуспевающих», на «хороших» и «плохих» учеников. Каждый день большинство детей уходят домой недовольные тем, что, по их представлению, учителя им поставили заниженные отметки. Выставленными нами отметками будет довольна лишь одна — маленькая — группа учеников. Мы же хорошо знаем, что отметки мешают нам сплотить детский коллектив.

Отличников дети считают нашими любимчиками и, как правило, недолюбливают их...

В общем, в отметках мало педагогики и больше власти, вот что я хочу сказать, и получается так, что мы, учителя, полностью забираем эту власть в свои руки, чтобы нам было легче управлять детьми. А зачем нам эта власть, разве мы боимся своих учеников, разве наша чуткость, наши профессиональные знания, наше мастерство, наш жизненный опыт, наконец, наша взрослость не делают нас достаточно сильными для того, чтобы стать любимыми наставниками своих учеников? Друзья коллеги, мой опыт заставляет меня повторять снова и снова: отметки — это костыли хромой педагогики. Оптимистической, радостной, жизнеутверждающей педагогике они так же не нужны, как не нужны костыли здоровому человеку. Я знаю, что в этих своих размышлениях не одинок, что многие из вас тоже со всей серьезностью подумывают о вреде отметок в воспитании младших школьников. Дети сжигают наши отметки — что это значит? Это значит, что они недолюбливают нас, им не нравится творимый нами педагогический процесс, они отдаляются от нас. Как же мы можем воспитать ребенка, если он убегает от нас?

Только духовная общность — и ничего, что может расколоть эту общность; только взаимность сотворчества, сотрудничества — и ничего, что может посеять к ней недоверие; только любовь, проявленная в тончайших формах педагогического мастерства, — и ничего, что может отравить ее; только уважение и утверждение личностного достоинства — и ничего, что может ущемить радость взросления в ребенке; и наконец, только оптимизм и глубокое понимание ребенка — вот чем облагораживается наше воспитательное поле, на котором выращиваем мы будущее человечества, куем судьбы и счастье людей.

Отметки, может быть, и не помешали бы нам устанавливать нашими воспитанниками духовную общность и взаимное понимание, если бы они оставались в кругу дидактиче-

ских инструментов. Однако нет, они — как характеристики на ребенка, ориентирующие нас, взрослых, с кем мы имеем дело! В этом и вся опасность, искривляющая воспитательный процесс. Учебно-воспитательная деятельность становится неполноценной потому, что мы преднамеренно лишаем школьника необходимости вести самоконтроль. Нет, у моих третьеклассников такого не происходит: они на наших уроках научились проявлять критичность и самокритичность, давать оценку и самооценку. Оценку не с помощью отметок, а содержательную, познавательную оценку: они свободно рассуждают, нему научились, как научились, намечают задачи и пути дальнейшего совершенствования своих знаний и умений. То, что я должен был делать вместо ребят в процессе оценивания качества приобретенных знаний, теперь каждый из них проделывает сам. Самоконтроль и самооценку я сделал необходимым компонентом учебно-познавательной деятельности моих ребятишек. Поэтому они спокойно могут решать задачи и примеры, писать сочинения, выходить к доске для ответа, могут спорить со мной, не боясь того, что я накажу за незнание. Страх — эмоция, но отрицательная; он плохо влияет на познавательную деятельность, на раскрепощенность творческих усилий, самостоятельность. Радость, страсть — тоже эмоции, однако такие, которые познавательную деятельность превращают для ребенка в смысл его жизни. Так что же лучше — чтобы школьник учился ради отметок или ради самих знаний, ради успеха в познании? Что же лучше — чтобы у меня образовались в классе группы отличников и троечников, «хороших» и «плохих» детей или чтобы каждый соревновался с самим собой, со своими силами и возможностями и утверждал свое «я» среди сверстников, а также в общении со мной? Что же лучше, наконец, — чтобы я просиживал по ночам над контрольными, искал в них допущенные детьми ошибки или чтобы каждый сам сдавал мне свою работу в уже исправленном виде?

Кстати, о способности контроля у моих третьеклассников. Недавно одна аспирантка, готовя свою диссертацию, попросила у меня разрешения провести в классе специальные опыты. С интервалом в один день она дала детям три задания. Каждый раз они получали листки, на которых был напечатан текст с инструкцией по выполнению задания. В первом случае инструкция говорила детям: «В тексте допущено десять ошибок. Найдите и исправьте их». Во втором случае инструкция направляла детей на поиск и исправление пяти ошибок, которые были допущены в тексте. В третьем же случае инструкция гласила: «В тексте допущено пятнадцать ошибок. Найди и исправь их». Секрет опыта заключался в том, что в каждом из всех текстов было допущено по десять ошибок, а вторая и третья инструкции вводили детей в заблуждение. Спустя несколько дней аспирантка пришла ко мне взволнованная, не скрывая своего удивления и недоумения. «Понимаете, в чем дело, — сказала она мне, результаты вашего класса в два, а то и в три раза превосходят результаты пятого класса!» Говоря иначе, мои ребятишки не обратили никакого внимания на инструкции, в каждом тексте они нашли почти все десять ошибок и исправили их. В 5-м же классе ребята не смогли обнаружить даже половины ошибок, а инструкции просто довлели над ними. В третьем опыте они так перестарались, что даже правильные формы принимали за ошибки. Ознакомившись с результатами опыта, я подумал: мои третьеклассники смогли преодолеть силу инструкции, значит, у них есть критичность ума и самостоятельность мысли, да еще, конечно, умение контроля.

Чем больше я размышляю об отметках, тем они кажутся мне более чуждыми, непонятными, неестественными для педагогического общения. И чем дальше я углубляюсь в свою педагогическую жизнь, тем сильнее становится моя вера в то, что настанет время, когда учителя сами отнесут отметки в ближайший педагогический музей, где демонстрируются экспонаты опыта прошлых поколений, или же вовсе сожгут их на костре, как сожгли Нато и Бадри.

Чему радуется Урок

Перебираю посвященные Уроку красочные книжки моих ребятишек, всматриваюсь в их проекты памятников Уроку. Каждая книжка, каждый рисунок — для меня волшебное зеркальце, в котором вижу то, что обычно увидеть невозможно: любовь и доверие детей к школе, их стремление к познанию, их оптимизм, в целом же — их готовность помогать мне в своем же воспитании.

Но я восхищаюсь не только тем, на что, оказывается, способны мои ученики, как они умно пишут, как красиво рисуют, как обобщают и, наконец, как они по-доброму отзываются о наших уроках. Все это, разумеется, может принести мне чувство удовлетворения, как-никак, это содержательная оценка детей моей работы с ними. Меня восхищает больше всего другое — то, что они могут учить меня педагогике, учить, как совершенствовать искусство воспитывать.

Мы, учителя, как-то привыкли к тому, что в детских сочинениях, работах, высказываниях видим только результаты их стараний, вровень владения умениями и навыками, в лучшем же случае стараемся определить и качество нашей работы с учениками. Но дальше этого наша контролирующая и оценочная деятельность не идет, и вопрос о том, могут ли дети, наши ученики, учить нас педагогике, не возникает перед нами. У кого мне учиться педагогике и мастерству воспитания? Ну, конечно, у корифеев этой науки, светил педагогической практики, умудренных опытом коллег, у кого же еще? А у детей? Можно ли учиться у своих воспитанников тому, как нужно их воспитывать? Ни один учебник педагогики, ни одно методическое руководство меня еще не натолкнуло на такую мысль. А чему у них можно научиться? Что они могут нам дать? Может быть, то, как нарушать дисциплину на уроке, быть безалаберными, как упорно уклоняться от добрых советов? Педагогику с ее историей они не знают, опыта воспитания и обучения детей у них нет, да они сами еще

являются «субъектами» воспитания. Какая же у них может быть мудрость, которая способна обогатить современного педагога, прошедшего многообразные курсы подготовки и переподготовки!

Дети, конечно, не могут написать педагогические трактаты, тем более не способны на это третьеклассники. Однако мудрости у них все-таки не отнять. И если учитель задумается о том, какие педагогические советы можно извлечь из сочинений своих учеников, то он многому у них научится. Во всяком случае, я говорю о себе, о своем отношении к этим книжкам с рисунками проектов памятника Уроку.

Чему же я должен удивляться? Я сам научил детей, как писать сочинения, как оформлять книжки, учил их мыслить, обобщать, вот и написали они интересные книжки, порадовали меня. На этом, должно быть, и кончается учительская забота: методика оправдала себя, значит, учи и впредь таким же путем.

Но нет, эти книжки для меня — как бы новые пособия по педагогике, и я стараюсь понять заключенную в них мудрость работы с малышами.

Потому и пересматриваю каждую книжку заново, вглядываясь в каждый рисунок, выписываю отдельные мысли.

«Я думаю, хороший урок может привести только любовь к Родине, любовь к школе и учителю». Это из размышлений Зурико, который так и остался у меня шалуном. Кстати сказать, у меня складывается убеждение, что наиболее творческими учителями-профессионалами в будущем могут стать не те ученики, которые во всех отношениях были примерными, а те, с которыми нам было трудно и которые наполняли нашу педагогическую жизнь беспокойством, воспитательными головоломками. Почему я так думаю? Да потому, что в роли воспитателей и учителей детворы им будет легче «влезть в шкуру» своих воспитанников, будет, что припоминать из мастерства своих бывших учителей.

Зурико в своей книжке размышляет о нравственной основе хорошего урока. Приди мне на ум такое широкое обобщение, заключающее в себе суть педагогического процесса, и я записал бы в одной из своих книг заповедь. Только, может быть, в такой формулировке: настоящий Урок может родиться на основе чувства преданной любви учителя к детям и своей профессии.

Какой смысл вкладывает мальчик в понятие «настоящий урок»? Значит, есть и ненастоящие уроки?

Не стану навязывать моему третьекласснику свои дидактические представления. Ясно, что для него настоящим может считаться урок, на котором его жизнь — интеллектуальная и эмоциональная — обогащается опытом самоутверждения и на котором он чувствует себя общественной личностью. Вот отсюда и возникло у него интуитивное понимание того, какое самое возвышенное человеческое чувство, оказывается, творит духовную общность на уроке.

Наводят на дидактические размышления и некоторые другие мысли моих учеников. Ну и что же, что я открываю уже открытое, заново познаю уже познанное. Все дело в том, что педагогическая наука — древнейшая из древних — имеет удивительную особенность: ее нельзя просто усвоить, ее нужно пережить, ее нужно открыть в самом себе, чтобы постичь суть мастерства педагогического дела.

В творческой деятельности каждого учителя науке педагогике суждено рождаться и развиваться заново, наследуя при этом выкристаллизованные на протяжении веков гены жизнерадостного, гуманного, оптимистического общения с детьми.

А мои размышления, исходящие из интуитивных педагогических догадок моих ребятишек, складываются в следующих положениях о том, чему радуется урок.

Урок радуют:

- хорошее, бодрое настроение учителя;
- его умение смеяться самому и дать посмеяться своим ученикам тоже;

- хитрые задачи и головоломки;
- познавательные баталии;
- победы, достигаемые ценой собственных усилий, и
- оптимистические поражения, воодушевляющие на будущие атаки;
- мудрый учебник, умеющий подливать масла в огонь познания;
- уверенность каждого ученика, что без его личного участия товарищам будет трудно, а урок может пострадать;
- открытие обычного в необычном и необычного в обычном;
- уважение неприкосновенности урока и невмешательство в него посторонних людей;
- соблюдение тишины в здании школы во время урока;
- огорчение детей, что зазвенел звонок, возвещающий об окончании урока.

...Уже поздно. И надо завершить свои раздумья об уроке, которому в будущем Котэ посвятит симфонию под названием «Хвала Уроку».

В душе пылающий костер

(24-25 апреля)

Воспитательный блеск похода

Когда я пришел на вокзал, все уже были в сборе, все до единого.

- Шалва-учитель... Шалва Александрович... и они обступили меня.
 - Значит, едем?
 - Да-a-a!
 - Двенадцать километров... Не боитесь?
 - Не-е-ет!
 - Правила и план у каждого в кармане?
- $-\Delta$ а-а-а! и все достают из кармана карточки с правилами и планом нашего похода.

Раннее утро — шесть часов, но ни у кого и тени сонливости на лице. Дети одеты по-спортивному, у всех за плечами рюкзаки. Всем не терпится скорее тронуться в путь. Шумные и боевые «да-а-а» и «не-е-ет» детей разбудили привокзальную площадь. Водители такси, стоящих в ожидании пассажиров, с любопытством поглядывают на нас из своих машин.

Взрослых, которые привели детей на вокзал, много — папы, мамы, бабушки, дедушки. Некоторые отводят меня в сторону и пытаются еще раз уговорить. «Шалва Александро-

вич, может быть, все же разрешите нам тоже поехать вместе с вами, вам одному ведь будет трудно?»

«Не беспокойтесь, пожалуйста, — говорю я им, — завтра вечером в десять часов ждите нас на вокзале!»

Нет, я не возьму дополнительных сопровождающих. С нами, уже договорились, поедут только дядя Автандил, дядя Георгий, тетя Кетино и, конечно, вожатый отряда, наш восьмиклассник Амиран. Он высокий, жизнерадостный, крепкий парень, баскетболист. Стоит он посреди своего отряда, окруженный девочками, тоже с рюкзаком за плечами.

Других не беру, потому что по опыту знаю: чем больше мам идут вместе с детьми в наши коллективные походы и экскурсии, тем больше теряется и меркнет воспитательный блеск этих локальных походов. Да, именно воспитательный, ибо мамы — особенно они — вдруг превращаются в каких-то строгих надзирательниц или нянь, и детям нет от них жизни.

Как-то раз, когда у нас был поход в ботанический сад, я записал (конечно, не все) приказы, требования, угрозы, которые издали мамы, каждая трепетно оберегая своего ребенка. Детский жриамули был заглушен грозным, нервным, тревожным гвалтом: «Не бегай!» (этот приказ издавала каждая мама с промежутками в две-три минуты), «Не трогай!». «Не прыгай!», «Не смей!», «Стой рядом со мной!», «Не кричи!», «Оденься, простудишься!», «Ешь, а то не пущу играть!». Мамы не давали детям влиться в майскую природу, вдоволь набегаться, удивляясь цветам, бабочкам, птичкам, муравыной суете, ради чего мы и пришли в ботанический сад. Мне самому тоже хотелось бегать и шалить вместе с ребятишками, перейти речку вброд босиком, но... не осмелился. Мамы могли разом, все вместе накричать на меня: «Учитель, что вы делаете? Ведь дети будут вам подражать!»

Я обнаружил тогда одно удивительное явление. Как вы думаете, уважаемые коллеги, будут ли дети вести себя более сдержанно, разумно, возникнет ли меньше недоразумений и особых случаев, если во время похода за каждым ребенком

будет присматривать его мама или бабушка? Я лично пришел к выводу, что из этого ничего хорошего не получится, а воспитательный блеск похода тускнеет или вовсе пропадает. Несмотря на постоянные нервные приказы («Не смей!», «Не бегай!»), дети ведут себя более развязно, теряют самообладание, забывают о том, зачем пошли в поход, часто ушибаются. И именно потому, что за каждым из них присматривает мама. В этом я глубоко убедился. Чем это объяснить? Разве присутствие рядом взрослых не должно сдерживать ребенка? Нет, присутствие родителей не всегда делает детей более разумными и сдержанными, скорее наоборот. В детях заглушается внутренняя потребность к самоорганизации, самоуправлению, и они полностью отдаются стихии своих непосредственных импульсов. К этому добавляется еще то обстоятельство, что действие импульсов увеличивается в каждом ребенке в зависимости от количества детей в группе и оттого, что они уже знают друг друга, учатся в одном классе. Замечал я еще то, что в массовом психическом «помешательстве» детей самыми сдержанными и организованными оказывались тот мальчик или та девочка, родители которых не сопровождали нас в походе. Видимо, они больше следовали внутреннему зову просьб и добрых наставлений своих родителей, чем другие — грозно звучащим приказам сопровождающих их мам.

Еще мамы берут с собой так много провизии, что ею можно накормить целый полк, и все стараются расстелить скатерть под тенью густых деревьев, у речки и устроить пиршество. В общем, получается какое-то несуразное времяпрепровождение. И хотя после этого все же все остаются довольными, я недоумеваю, так как знаю, какой воспитательный смысл утратил поход.

Раньше, когда я еще недооценивал все педагогическое значение детских походов и экскурсий и когда главными для меня были внешняя организованность и дисциплина, я предупреждал детей задолго до похода: «Вот будет у нас поход, а шалунов не возьму с собой, не возьмем с собой и тех, кто

плохо учится» и т.д. В поход брали как можно больше родителей, чтобы сами присматривали за своими детьми. А вдруг кто-то сломает себе шею, кому за это отвечать? После похода я посвящал целый урок разбору того, кто как себя вел и кого больше не буду брать с собой в поход. Или даже угрожал всем, что, мол, больше я им похода не устрою, они этого не заслуживают. А детям так хотелось выйти за стены школы, увидеть что-то интересное, необычное, попутешествовать, заночевать где-нибудь в лесу в палатках.

Но так поступал я давно и к тому прошлому не будет возврата. Потому и не беру с собой всех родителей.

Поедут с нами только трое. Они, во-первых, смогут помочь нам, если возникнут какие-то осложнения; во-вторых, они включены в наш коллектив не как надзиратели, а как участники игры. Дядя Автандил недавно специально ходил по тому же маршруту, по которому пройдут дети сегодня и завтра. Он уже отвез туда палатки, а вдоль маршрута оставил еще... Но об этом потом. Тетя Кетино будет у нас врачом первой помощи, она берет необходимые для этого медикаменты. Дядя Георгий будет руководить нашим соревнованием.

- Электричка отходит через десять минут, уже время выйти на перрон! предупреждает Дато. Ему поручено купить всем билеты и следить за режимом похода. Вижу, у него в руках целая кипа билетов, их должно быть 43.
- Тогда, говорю я, пусть начальник штаба приступит к своим обязанностям. Отныне мы находимся в его подчинении. Это всем ясно?

— Да-а-а...

А начальник штаба нашего двухдневного похода — вожатый отряда Амиран. Дети сами его выбрали, да еще разъяснили, почему именно он должен руководить штабом — он же умнее всех нас.

- Ребята, попрощайтесь с провожающими! говорит Амиран. А через минуту дает энергичную команду:
 - Отряд, стройся!

Вот теперь-то таксисты вышли из своих машин и собрались вокруг нас.

- Куда вы едете? спрашивают они у детей.
- В поход! отвечают они хором и направляются к перрону.

Мысли, которые вдохновляют

...наилучшее отношение между учителем и учениками есть отношение естественности... противоположность естественному отношению есть отношение принудительности... Чем с меньшим принуждением учатся дети, тем метод лучше; чем с большим, тем хуже... при учении не может быть необходимости принуждать детей заучивать чтонибудь им скучное и противное, и что если необходимость заставляет принуждать детей, то это доказывает только несовершенство метода... Всякое движение вперед педагогики, если мы внимательно рассмотрим историю этого дела, состоит только в большем и большем приближении к естественности отношений между учителем и учениками, в меньшей принудительности и в большей облегченности учения... Тот прием, который при своем введении в школу не требует усиления дисциплины, хорош; тот же, который требует большей строгости, наверное, дурен... только свобода выбора со стороны учащихся того, чему и как учить, может быть основой всякого обучения.

Л.Н. Толстой. Антология Гуманной Педагогики

У нас поход.

Что значит для моих ребят поход?

Будут трудности, и надо научиться преодолевать их.

Устанешь, проголодаешься, но надо научиться терпеть.

Будет опасно, и надо научиться беречь друг друга, помогать девочкам.

Поход не любит хныкающих, нудных, невеселых.

У нас поход — чтобы укрепить в себе лучшие черты своего характера, и в первую очередь умение дружить. У нас поход — чтобы исправить свой характер, проверить себя, дать проверить себя друзьям-товарищам. И, наряду со всем этим, изучить все, что может встретиться в пути, запомнить, зарисовать, записать, собрать. Поход для того, чтобы иметь возможность проявить мужество, чуткость, преданность, сообразительность, творчество, жизнерадостность, любовь к природе. Обо всем этом мы уже говорили в классе, об этом говорил с ребятами Амиран.

Вот в чем цель нашего похода.

А если весь поход пронизан еще серьезной игрой? Самим определять, в каком направлении идти, находить запрятанные в скалах и развалинах древних памятников письма, проводить спортивные соревнования, делать что-то хорошее для других, раскрывать друг другу душу, сидеть вокруг ночного костра, мечтать...

Все это я называю воспитательным блеском нашего похода.

Воспитательный блеск есть не что иное, как озаренная смыслом романтика будней школьников.

Я веду ребят в двухдневный поход, чтобы закалить нашу дружбу, развить их познавательную страсть, дать возможность каждому утвердиться в своем взрослении.

Веду я их в поход, чтобы вернуться нам переполненными чувствами радости, оптимизма, дружбы...

Дети входят в вагон. Никто не старается опередить другого. Мальчики помогают девочкам. Нам ехать всего двадцать минут. На первой же остановке мы выйдем, оттуда и начнется поход. Надо развеселить это хмурое раннее утро. — Нужна песня! И Амиран тоже поет вместе со всеми.

Вожатый отряда Его полюбили все сразу. Пришел он к нам в конце сентября и сказал ребятам: «Я ваш вожатый. И чтобы у нас пошла интересная работа, мы должны сначала познакомиться и подружиться друг с другом. Для этого назначаю поход на гору Удзо. Собираемся в школе в воскресенье ровно в семь часов утра. Ясно?» — «Да!» — ответили ребята. Затем Амиран объяснил им, как одеться для похода, что с собой взять («один бутерброд с маслом и фляжку с водой, больше ничего. Ясно?». Сказал также, как во время похода он будет знакомиться с каждым из них («Мне надо знать, насколько вы выносливые, дружные и веселые ребята!»), как попытается завязать с ними дружбу («Нас должны сдружить серьезные, хорошие дела!»). «А вы, со своей стороны, тоже подумайте, как будете изучать меня, как подружитесь со мной. А потом поговорим, стоит ли нам вместе трудиться. Ясно?» — спросил он. Дети, очарованные атлетической внешностью и загадочной требовательностью своего вожатого, поспешили ответить: «Да!» Он поинтересовался еще, есть ли в классе санитарная служба. «Да», — ответили ребята. «Так, значит, до воскресенья! До свидания!» — и Амиран ушел.

Ребята давно ждали прихода вожатого, который должен был подготовить их к вступлению в пионерскую организацию, но не знали, кто он и каким будет. А тут увидели высокого, плечистого, с озорными глазами юношу, в котором сразу почуяли шалуна, и пришли в восторг. Как только он ушел, ребята заговорили сразу: «Какой он интересный!», «Я его знаю, он учится вместе с моей сестрой!», «Он спортсмен, играет в баскетбольной команде!», «Он такой драчун, сильный, ух!», «Да никакой он не драчун!».

Вахтанг напомнил всем, что сегодня пятница, значит, в поход надо идти послезавтра, а сейчас лучше поговорить, как себя вести во время похода. «Если мы ему не понравимся, он откажется стать нашим вожатым!» — сказал он тревожно. И тогда они строго договорились в точности выполнить все условия вожатого: не опоздать к сбору в школе, взять только

один бутерброд с маслом и фляжку с водой, и больше ничего, одеться по-спортивному, а не красоваться одеждой. А самое, самое главное: каждому вести себя так, чтобы Амирану понравились все, понравился весь наш класс...

Амирана как будущего вожатого наших ребят я приметил еще в прошлом году, когда на педсовете разбирался вопрос о драке, которую якобы затеял он. На педсовет явился он вместе с отцом. Его ругали, говорили, что он устроил беспорядок в коридоре во время перемены, что по его вине у одного ученика из 10-го класса разбита губа и родители его пожаловались. И так как Амиран при всем этом не краснел и не просил прощения, а стоял гордо и не отвечал на заданный ему более чем десять раз вопрос, почему затеял драку, учителя пришли к выводу, что он дерзкий, несдержанный, недисциплинированный! Отец как будто был в заговоре с сыном. Он тоже молча выслушивал упреки учителей, их наставления, как нужно воспитывать сына, но не проявлял никаких признаков того, что вот сейчас выйдет с сыном из учительской и тут же покажет ему, как надо вести себя в школе.

Мне подумалось, что тут есть какая-то нераскрытая правда. Ее никто из нас не знает, отец с сыном не хотят ее разглашать, а все мы за правду принимаем совершенно мнимое объяснение, чтобы тем самым выйти из созданного нами же педагогического тупика. Педсовет снизил Амирану оценку за поведение, но, возможно, если бы мы разгадали эту правду, нам пришлось бы даже выразить ему свою педагогическую благодарность.

А что, если Амиран наказал наглость?

Представим такое: по коридору бежит девочка из 5 или 6-го класса, ученик из 10-го класса подставляет ей ножку, девочка падает и беспомощно скользит по паркету, встает, плачет и идет прочь, даже не оборачиваясь. А десятиклассник этот, которому вот-вот начинать самостоятельную общественную жизнь, закатывается от смеха. И в этот момент по-

лучает от семиклассника удар по губам, и подлый смешок тут же пресекается...

Хорошо ли поступил семиклассник? Может быть, Амирану нужно было просто подойти к старшекласснику и сказать ему: «Разве тебе не стыдно обижать маленькую девочку?» Или же направиться к завучу (директору) и донести: так и так, старшеклассник подставил ножку девочке, его надо наказать, пойдемте, покажу, который...

Всю правду мы узнали позже, но многие учителя не поверили в нее, ибо не было никаких доказательств, не было свидетелей, которые подтвердили бы подлость старшеклассника.

Нужно ли нам, чтобы наши воспитанники подлость, грубость своих товарищей, а в принципе подлость и грубость отдельных людей, оставляли ненаказанными или же, в лучшем случае, информировали кого-то другого, вышестоящего, чтобы тот разобрался в деле и наказал провинившегося? Я не говорю о том, чтобы каждый, кто обладает физической силой, на каждом шагу устанавливал порядок, демонстрируя или пуская ее в ход. Но и того не хочу, чтобы мальчики из моего класса не поднимали свой голос — тут же, сразу, на месте, а если нужно будет, то и свои, пусть даже слабенькие кулачки, как только окажутся свидетелями зла.

Я всегда учил моих ребятишек: «Надо самим одолевать зло, проявлять смелость для его наказания, а не закрывать на это глаза или же, еще хуже, убегать от него с криками, полными ужаса!» Кое-чему я смог научить их: они умеют объединяться против грубости, несправедливости, многие осмеливаются защищать слабого перед сильным. Вот, Лери, например. Хотя среди мальчиков ростом он самый маленький, как будто и слабый, худенький, но какое у него доброе-храброе сердце! Именно — доброе-храброе. Я был свидетелем, как он прыжком пантеры вцепился в старшеклассника, который отнял у Магды фломастеры и собирался бежать. Мальчик этот с силой отбрасывал от себя пантеру, то есть Лери, но тот опять

набрасывался на него. Я сначала было оцепенел от удивления, увидев столкновение неравных сил. Тут подоспели еще Тенго, Нико, Зурико. Старшеклассник испугался маленьких пантер, бросил на пол коробку с фломастерами и удрал. И был у нас в тот день разговор в классе о добром-храбром сердце Лери. Я не упрекал его, почему он набросился на старшеклассника, порвал свою рубашку, вывихнул руку, и вообще почему нарушил нашу общую дисциплину. Какую он нарушил дисциплину? Он восстановил справедливость, подвергнув себя опасности, вот что главное! Зачем нам дисциплина без справедливости, зачем нам мнимое спокойствие, если оно способно притупить совесть?

После того памятного педсовета я все следил за школьной жизнью Амирана. Среди учителей одни хвалили его — умный, способный, начитанный мальчик, говорили они, с ним интересно работать, умеет рисовать, петь, душа одноклассников. И правда: товарищи любили его, он был для них, как говорят в науке, неформальным лидером. Некоторые же учителя (двое-трое) видели в нем источник всяких беспорядков — не слушается, мешает проводить уроки, возглавляет бунт в классе, от него все можно ожидать. «Амиран — это сорвиголова, как можно сделать его вожатым отряда!» — сказала мне классная руководительница, когда я обратился к ней за советом. Но мне нужен был именно такой «сорвиголова» — неугомонный, смелый, многосторонне развитый, который смог завоевать любовь и уважение товарищей.

Он был нужен мне потому, что я верил: только такой мог увлечь моих ребятишек, организовать им кипучую новую жизнь, приучить их работать без показухи. Видел я многих вожатых отряда. Приходят они к своим подшефным и учат, как оформлять альбомы, писать дневники о якобы проведенных сборах, кричат на детей, а те не слушаются их. В общем, вожатый отряда порой становится не душой ребят, а тушителем детской страсти сменить свою старую жизнь на новую. Но он это делает отнюдь не нарочно, а потому, что не знает,

каким быть с детьми, как их зажечь и повести за собой, какие им предложить дела. В конце концов, откуда ему это знать? Он же сам пока еще всего лишь школьник, не знает педагогику. Так что даже неудобно жаловаться на вожатого отряда. Но, тем не менее, я убедился, что без вожатого строить новую жизнь в классе невозможно. Мне нужен вожатый отряда, в деятельности которого моя педагогика приобретет нужные третьеклассникам формы их познавательного и нравственного движения.

Еще во 2-м классе я почувствовал, что для моих детей все большее значение приобретает мнение коллектива, коллективная жизнь, коллективные дела. Они стремились к самоуправлению. Но их уже не удовлетворяли самостоятельность и самоуправление, проявленные при уборке классной комнаты, ухаживании за аквариумом и цветами на подоконниках, выпуске своих газет, постановке спектаклей. Процесс взросления прямо подводил их к изменению статуса общественной жизни. Детям нужно было стать общественниками и именно в этом качестве входить во взрослость.

Начатая на год раньше школьная жизнь также на год раньше давала знать, что дети уже перешагнули младшую ступень. Кто мог обновить жизнь моих третьеклассников? Я — как учитель, руководитель класса? Нет, как бы ни старался учитель подменить вожатого отряда, все равно детям будет недоставать его, он, а не я, должен помочь ребятам организовать свой отряд. Он, а не я, должен посоветовать им, какие наметить дела, помочь в их осуществлении. Он — вожатый отряда.

А я? Я не имею права диктовать вожатому, чтобы он доделывал то, что я не смог довести до конца в своем педагогическом процессе. Я не должен диктовать ему, какие организовать сборы отряда, кого поощрять, кого порицать. Не вожатый отряда помогает мне воспитывать детей, это я — учитель, руководитель класса помогаю ему увлечь их за собой и заодно думаю о том, как в этом старшекласснике

зажечь страсть к педагогической профессии. Каждый раз, когда дело доходило до вступления моих школьников в пионерскую организацию, я решал вопрос выбора кандидатуры на основе ее предварительного поиска и одновременно внушал самому себе: принимай вожатого отряда, пришедшего в твой класс, не только как организатора преобразования жизни детей, но и как, может быть, будущего педагога. Профессиональная ориентация его зависит от тебя.

В начале сентября я пригласил Амирана к себе поговорить, и он, узнав о моем намерении, как-то растерялся: «Смогу ли я? А вдруг не смогу?» Но я чувствовал, что он был рад моему предложению. Тогда я назначил часы, в которые он приходил ко мне после уроков, и я рассказывал ему, какие у меня ребята, как я учу и воспитываю их, как они себя ведут, как нужно вожатому работать с ними. Он впитывал мою педагогику с жадностью профессионально ориентированного юноши. Он загорелся и начал строить планы работы с детьми. И вот однажды он пришел к нам и назначил поход на гору Удзо, что поблизости от Тбилиси.

Этот поход резко изменил всю дальнейшую жизнь детей. Они узнали вожатого, смелого и требовательного, который на вершине горы говорил с ними о смысле жизни, о единстве цели отряда и о ближайших делах отряда. Разговор, живой, увлеченный, состоялся в тени под вековым дубом: кто сидел на камне, кто на выступах мощных корней дерева, кто прямо на травке, кто на корточках, кто стоял на коленях. Амиран сидел в середине и вел импровизированный душевный разговор так же страстно, как, наверное, мчался в последние секунды игры по баскетбольной площадке с целью прорваться сквозь защитный строй соперников, чтобы подхватить в воздухе брошенный ему издалека мяч. Я видел его игру во время школьной спартакиады, и потому мне приходит на ум такое сравнение. У меня сохранилась запись этой беседы под вековым дубом. Порой и я включался в разговор, но не для того,

чтобы поправить вожатого, а чтобы проявить свою равноправную причастность к жизни моих ребятишек.

Но надо отдать должное тому, как все мы пришли к этому разговору. Мы пришли к нему через крутые тропинки, обрывы, колючие кусты, царапины на коленях и руках, через спасательные операции и оказание помощи, нанесение йода, через съеденные бутерброды, через спортивные игры, в которых Амиран один представлял команду, выступающую против всех остальных, включая меня, и одерживал победу. После всего этого вожатый сказал: «Давайте отдохнем!» — и все мы уселись вокруг него в тени векового дуба.

Вот фрагмент этого разговора.

— Хватит заниматься болтовней. Давайте поговорим о своих серьезных проблемах! — говорит вожатый.

Дети:

- О футболе...
- О книгах...
- Поговорим о дружбе...
- О нашем новом спектакле...
- О марках...
- Лучше о кинофильмах...

Вожатый как-то недовольно отнесся к этим предложениям.

- Вы задумывались над такой проблемой ради чего вы живете на земле, для кого и для чего вы родились, что вы должны оставить людям в память о себе? спросил вожатый.
 - Нет... Да... отвечают дети.
- А я вот в последнее время часто об этом задумываюсь. Ведь человек рождается только один раз, а потом, прожив свою жизнь, умирает и никогда больше не появляется на свет. Так надо же думать, чему посвятить свою жизнь, чтобы зря не топтать землю. Надо определить для себя, каким быть, как трудиться, как жить среди людей, в чем видеть свое человеческое назначение!
 - Я знаю, я буду врачом...
 - Я художником...

- Я учительницей...
- Подождите, разве вы не понимаете, что речь идет о другом! восклицает Λ ела.
- О другом, конечно. Ты можешь быть врачом, инженером, рабочим... Это хорошо. Но нам надо понять самое главное: для кого, для чего мы родились, ибо от этого будут зависеть наши конкретные дела... Вот, послушайте, что я вам сейчас расскажу. Более чем 2500 лет тому назад в древнем городе Эфесе люди начали строить великолепный храм. Назывался он храм Артемиды, в честь греческой богини. Знаете, сколько лет люди строили этот храм? Тысячи людей, поколения за поколениями строили его в течение ста двадцати лет! Он был такой блестящий, красивый, отделан мрамором. Храм Артемиды славился на весь мир обилием драгоценных вещей. Люди создавали о нем легенды, поэты сочиняли стихи, музыканты восхваляли его великолепие. Храм Артемиды считался чудом света. Так стоял храм около двухсот лет, приводя в восторг своих посетителей. Он мог бы сохраниться и до наших дней, и нынешнее и будущие поколения тоже восхищались бы его великолепием... Но он не дошел до нас. А почему, как вы думаете?
 - Наверное, его разрушили землетрясения...
- Молнии, ливни, град, ураганы тоже могли разрушить храм...
- Может быть, напали на этот город враги и разрушили храм Артемиды...
 - Он был плохо построен и сам разрушился...
- Молчи, он же двести лет продержался, сам не мог разрушиться...
- Ради славы, ради честолюбия, ради того, чтобы обессмертить свое имя, вот зачем... Человек один, чтобы обессмертить свое имя, сжег это удивительное творение, это одно из семи чудес света... Его звали Герострат. Имя это и правда будет жить в веках, но как оно будет жить, вот в чем дело...
 - Его всегда будут ненавидеть...

- Будут вспоминать его со злостью...
- Можете представить, как было бы хорошо, если бы Герострат вовсе не родился, или же умер бы от какой-нибудь болезни до осуществления своего ужасного замысла, или же, наконец, если бы кто-нибудь предотвратил поджог храма... Вот какое может сотворить зло всему человечеству один человек...

Ребята возмутились, они приготовились напасть на Герострата уничтожить его, но вожатый остановил их:

— Не надо. Конечно, он достоин нашей ненависти. Но давайте подумаем, ради чего и ради кого каждый из нас родился и какие мы должны творить дела уже сегодня, чтобы оправдать наше рождение...

Дети задумались. Уже никто не спешит сказать, каким героем он станет, когда вырастет, ибо вожатый весьма определенно дал им понять: чтобы оправдать будущее, надо строить настоящее.

— Хотите, скажу о себе? — предложил вожатый. — Мне кажется, что я родился не для самого себя, а ради людей, и мы все друг для друга родились. Не так ли? А свое назначение я вижу в том, чтобы служить самой высокой цели. Вы знаете, что такое цель? Это то, к чему стремишься, ради чего трудишься, борешься, жертвуешь. Для меня самая высокая цель — служить своему народу, своей Родине. Служить не потом, когда окончу школу, да еще институт, стану специалистом, а уже сейчас. Как это сделать? Вот, например, я ваш вожатый отряда. И если я хочу служить Родине, то я должен работать с вами очень хорошо, чтобы помочь вам воспитываться достойными людьми. Верно я вам говорю? А еще должен заботиться, чтобы быть сильным и здоровым, и если каждый из нас будет сильным и здоровым, то, значит, и наша Родина будет могущественной. Согласны? Дальше я думаю, что обязан учиться усердно, читать много. Представьте себе: если все люди будут владеть современными знаниями, будут работать творчески, то на какой уровень они поднимут нашу культуру, науку, технику? Скажу вам откровенно, после того, как я стал вашим вожатым, я говорю себе: «Амиран, ты должен учиться лучше и читать больше!» Вот так, видите? Я еще работать буду летом. А если где-нибудь увижу, что кто-то обижает слабого, буду защищать его. Я все воспитываю в себе храбрость и справедливость... У меня есть еще и другие планы, другие цели, их я осуществлю в своей деятельности, а не буду отдаваться пустым впечатлениям...

 \mathcal{A} : «Когда есть цель и ты предан ей, ты становишься сильным. О таком человеке говорят, что он целеустремленный, целенаправленный... Но и Герострат тоже, видимо, был целеустремленным....»

Гига: «Его цель не годилась...»

Тенго: «Он выбрал цель во вред людям...»

Магда: «Значит, нам надо выбирать цель?»

Зурико: «Нам надо стать целеустремленными, вот в чем дело...»

Ираклий: «Можно спросить? Получается, что цель не бывает без дел, верно?»

Вожатый: «Конечно. И бесцельные дела тоже никуда не годятся, а цель без соответствующих дел превращается в болтовню».

 $\it Hamo: \$ «Вот мы ставим спектакли, выпускаем газеты, книги... $\it Mx$ не надо больше делать?»

Mарика: «Почему? Все нужно делать, только сперва надо хорошо подумать, ради чего мы это делаем».

Вожатый: «Понимаете, в чем дело — цель, направленная на благо людей, это основа твоей человечности...»

 $\it Maйя: «Вы говорили, что каждый должен иметь свою цель...»$

 $\mathit{Илико}$: «Каждый должен иметь свою цель, но мы все вместе тоже должны иметь общую цель, не так ли?»

Вожатый: «Молодец, конечно так...»

Виктор: «А какая будет у нас общая цель?»

Вожатый: «Вы хотите стать пионерами?»

Единодушно и твердо: «Да-а-а!»

Вожатый: «Тогда давайте для начала поставим себе цель — стать настоящими пионерами! Согласны?»

Опять единодушно и твердо: «Да».

Вожатый: «Ну, хорошо... Поиграем еще, а потом спустимся вниз...»

И когда мы спускались по той тропинке, через те самые обрывы, колючие кусты, то явно было видно, что все испытывали жажду, голод, усталость. Все равно никто не хныкал, даже хватало сил петь песни, шутить и смеяться, ибо дети несли с собой мысль о единстве цели. И кроме того, рядом с нами шел вожатый, он то опережал всех, то отставал, подходил то к одному, то к другому и завязывал разговор, а время от времени прикладывал к губам горн, и тогда вся окрестность горы Удзо радостно узнавала, что в Тбилиси из похода возвращаются ребята, готовые стать пионерами.

О чувствительных периодах в педагогическом процессе

Подготовка для вступления в пионеры шла вовсю, когда я показал Амирану выписку из томов Н.К. Крупской, сделанную мною еще летом: «Не каждого желающего надо принимать в пионеры, это звание надо заслужить.

Об этом часто забывают и пионеры и пионервожатые».

— Как ты относишься к этой мысли? — спросил я с какойто тревогой в душе.

Вожатый задумался.

— Знаете, — сказал он, — меня уже предупредили, что всех сразу принимать не следует. Иначе, говорят, дети не будут уважать пионерскую организацию. В комитете комсомола мне разъяснили, что сперва надо принимать одну часть ребят, самых лучших, затем — вторую, а напоследок всех

остальных... Но мне это не нравится! Все они хорошие, как их отбирать?

Позиция вожатого меня порадовала... Значит, на этот раз проблема будет решена без конфликта. Всегда во время приема моих ребятишек в пионерскую организацию это препятствие возникало передо мной: мне ставили условие отбирать самых лучших для первоочередного приема, а я требовал, чтобы все дети были приняты одновременно. Хотя мне удавалось склонить школьный комитет комсомола, райком комсомола в пользу детей, но это было непросто. Вот и на этот раз я тревожился и потому начал выяснять точку зрения вожатого. Вожатый согласен со мной, значит, нам вдвоем будет легче добиться того, чтобы на торжественной линейке, которая была назначена на четвертое ноября, стояли все тридцать восемь ребятишек.

Всегда, как только наступает пора приема моих учеников в пионеры, я вспоминаю горький опыт многолетней давности, не дающий мне покоя до сих пор. А опыт этот такой.

Моих тогдашних ребятишек тоже принимали в пионеры. Они изучили историю пионерской организации, знали имена героев-пионеров, вызубрили Торжественное обещание, провели утренники, субботники. И ждали с нетерпением. Но вдруг, за два-три дня до исполнения мечты детей, мне сказали, что надо выбрать для приема в пионеры «самых хороших» ребят. «Остальных примем потом», — сказали мне.

Я был ошарашен. Разве среди детей, счастливых ожиданием, что вот-вот им повяжут красный галстук, живущих только этим и видящих сны о пионерском костре, могут быть «самые хорошие», и, давайте смягчу слова, пока «не совсем хорошие»?

Нет, я тут не видел никакой мерки, по которой должен был «сортировать» своих учеников. Но тем не менее меня заставили это сделать. И, к своему стыду, я это сделал.

Кого я, руководитель класса, мог причислить к группе «самых хороших»?

Конечно, тех, которые учились на «отлично», были послушными, вели себя сдержанно, призывали других тоже учиться усердно, не опаздывать на уроки, прилежно выполнять домашние задания. При разборе «непристойного» поведения товарища они строго осуждали и стыдили его, требовали наказания. Вот таких детей я внес в список первоочередного приема в пионеры.

Но тех, которые постоянно ставили меня перед разными воспитательными задачами, нарушали мою спокойную педагогическую жизнь, я не внес в этот список. А дети эти составляли большинство в классе.

Правильно ли я поступил тогда?

Нет, разумеется.

И ошибку эту я почувствовал незамедлительно.

Чтобы описать драматизм возникшей ситуации, может быть, стоило бы прибегнуть к образному сравнению. Представьте себе, пожалуйста, костер, весело играющий своими огненными языками и потрескиванием горящего хвороста рассказывающий о тайнах мироздания. А теперь возьмите и вылейте на него воду из ведра. Что произойдет? Угасающий огонь злобно зашипит, в знак недовольства и протеста бросит нам в глаза горячий пар. А через минуту мы увидим, как вместо веселого костра догорает зола и как бесприютно и беспомощно ищут собратьев несколько уцелевших и ослабевших языков огня.

Именно такая картина развернулась тогда у меня в классе. Не попавшие в список дети, как будто их обдали кипятком, заплакали-заорали, а «самые хорошие», задрав нос, начали их успокаивать, учить уму-разуму, обещали, что они позаботятся, чтобы их тоже поскорее приняли в пионеры. Приходили родители жаловаться, выясняли, почему их дети не попали в список лучших, а моим неубедительным объяснениям не было конца. А спустя некоторое время я увидел, что дополнительные приемы в пионеры не вызывают особой памятной радости у детей, и этот воспитательный период не воодушевляет их сделаться такими же примерными, как их уже ставшие пионерами товарищи.

Была у меня еще одна тенденция вмешиваться в дела пионеров, то есть за них решать, кого выбрать в совет отряда, звеньевыми, какие наметить планы. А когда хотел проучить непослушного и провинившегося, то обязательно напоминал, что он пионер и может лишиться пионерского галстука, или же созывал совет отряда и требовал от детей, чтобы те применили к нему пионерские меры взыскания. Пионеры, конечно, выполняли мои наказы, и, таким образом, организацию детей я превращал в инструмент давления на них же. Получалось, что я гасил огонек романтики, страсти, дерзаний, только галстуки оставались у них алыми, как доказательство того, что дети еще надеялись, чего-то ждали.

Скучали, разумеется, мои тогдашние пионеры, ибо жизнь их не только не становилась богаче и краше, но даже как-то мрачнела оттого, что со всех сторон они только и слышали: тебе уже нельзя, ты пионер! Дела пионерские стали «мероприятиями» моего воспитательного плана, и потому не было разницы между тем, что хотел я, и тем, что хотели сами дети.

Помнят ли мои тогдашние воспитанники свое пионерское детство? Может быть, помнят кое-что, но главное — как они это теперь, став уже взрослыми, оценивают. Я знаю, что значит такая оценка, ибо тоже недобрым словом вспоминаю некоторые жалкие впечатления из своего пионерского детства. Я не помню, как нас принимали в пионеры, помню только, как проходили выборы «руководящих органов» нашего отряда. Вот стоит старший пионервожатый в классе перед детьми, рядом с ним наша классная руководительница. «Кого выбрать председателем отряда?» — говорит он, больше обращаясь к классной руководительнице, чем к нам. Все поднимают руки, зовут вожатого умоляюще: «Выберите меня!» Мне тоже очень хотелось быть выбранным, и я тоже кричу: «Выберите меня... Буду хорошим председателем!» Но меня не выбрали. Классная руководительница показала вожатому на

девочку, ее и назвал вожатый, она и была «выбрана». И вожатый продолжил: «Кого выбрать членами совета отряда?» И опять то же самое: «Выберите меня... Выберите меня!» Я и на этот раз не был выбран. «Выберем теперь редактора стенной газеты! А теперь выберем барабанщика... А теперь выберем горниста... Выберем звеньевых!» Я не опускаю руку и не останавливаюсь, как и мои товарищи, взываю к вожатому: «Выберите меня... буду редактором... Выберите... буду горнистом!» Но ничего не получилось, не выбрали меня. А точнее, классная руководительница не указала пальцем на меня вожатому.

Значит, я был тогда не совсем хорошим ребенком, может быть, даже и плохим? Вот какой у меня остался осадок на сердце от того прошлого. Если бы тогда нас действительно спрашивали, кого мы сами хотели бы выбрать своим председателем, звеньевым, и дали бы возможность выбирать действительно, то, наверное, это прошлое не огорчило бы меня и не оставило бы неприятный осадок до сегодняшнего дня.

Прошли годы, и я сам стал педагогом, и мое педагогическое кредо трансформировалось, стало почти противоположностью того, с чего я начинал. Могу трезво, по-взрослому оценить эти детские впечатления, но странное дело: тогдашнего своего вожатого, с которым я иной раз встречаюсь в разных местах, до сих пор недолюбливаю — почему он тогда не выбрал меня хотя бы горнистом?

В пионеры надо принимать всех желающих! Эта мысль упрочилась во мне особенно с тех пор, как я начал исходить в своей практике из принципов личностно-гуманного подхода. Сделав детей своими соратниками в их же воспитании, я увидел, как дети быстро менялись, приобретали черты общественников. Мы можем не сомневаться, что ребенок, став нашим единомышленником, начнет проявлять себя на пределе своих наилучших возможностей, всецело будет отдаваться хорошим общественным делам. И если у него еще кое-что не получится, если порой его поступок будет проти-

воречить принятым нормам, то не нужно думать, что в нем сидит какой-то «чертенок», что он «злоумышленник» и потому надо воздержаться от его приема в пионеры. Мол, пусть он хорошенько подумает о своих поступках, исправится, вот потом и решим, достоин ли он быть пионером.

Надо принимать в пионеры всех желающих третьеклассников. Вот, пожалуйста, список моих тридцати восьми ребятишек. Кого же из этого списка исключить?

Может быть, Русико? Она любила говорить неправду, хотя от такой дурной привычки она сейчас отвыкает и становится интересной фантазеркой. Но Русико не поймет, какое я сделал доброе дело ради нее самой, дав ей возможность крепко задуматься о себе, стать совсем-совсем хорошей и только тогда произнести слова Торжественного обещания. Не поймет, и, значит, не будет никакого воспитательного воздействия. Скорее наоборот, она опять начнет лгать, ибо ей так хочется стать пионеркой, что без этого почетного звания она не покажется ребятам во дворе. Что же мне тогда делать? Что делать ребятам-пионерам, которым будет поручено принимать ее в пионеры? Опять отказать ей в этом? Это якобы испытательное время, данное Русико, практически потеряет смысл воспитательного процесса, ибо убежден: воспитательный процесс прекращается с того и до того момента, пока ребенок не понимает, почему с ним так поступили, пока он не согласен с тем, как с ним поступили, и пока он озлоблен, что с ним так поступили.

Нет. Русико должна быть принята в пионеры, вот тогда она станет еще лучше и общественно деятельнее.

А что если выключить из списка моего неугомонного Левана? Шалит много, а ученье трудно дается. Неважны у него дела с математикой. Пусть сперва посмотрит на других, которым достанется счастье повязать красный галстук, как они весело работают, как им интересно, как они горды. Разве это не будет для него приманкой, чтобы еще больше постараться, перестроить себя, тоже стать хорошим? Но куда же больше!

Больше того, чего он достигает, чему он учится, он пока не может. Больше доброты, которую он проявляет по отношению к своим товарищам, и не нужно от него требовать. Научи его только, как быть общественником, и он станет таким. А если я ему скажу теперь: «Мальчик, тебе еще нужно немного дорасти до пионера, а потом я попрошу твоих товарищей, чтобы они приняли тебя!» — то сам растопчу его доверие ко мне, к товарищам, к вожатому, в которого он так влюбился. Все мои усилия ради развития Левана, развития в нем веры в людей могут вмиг кануть в воду, если отказать ему в праве ходить в школу с красным галстуком.

В ком же еще мне сомневаться? В Зурико? Опять шалит... Ну и пусть шалит! Все его шалости, если вдуматься в них, идут от его неспокойного ищущего ума. Пусть станет пионером и ищет. Пионерам ведь нужно постоянно что-то искать. А как они смогут искать и находить, если среди них не будет мальчика, который умеет так ловко спрятаться, что весь отряд не может обнаружить его местонахождения? Как пионерам растить себя, если среди них не будет таких, которым нужно помогать, которых надо воспитывать, давать наставления? Мне даже трудно разобраться, кто кого больше воспитывает: все остальные — Зурико или Зурико всех остальных. Значит, исключить Зурико из списка будущих пионеров тоже нельзя, непедагогично.

Кого же еще можно не принять? Виктора, может быть? Он в последнее время стал каким-то замкнутым, грубит девочкам. Вот и сказать бы ему: «Мальчик, нет у нас другого выхода, надо повременить, пока не исправишься!» Виктор, уверен, не станет плакать, свою обиду он никому не покажет. Но я уверен и в том, что он еще больше замкнется в себе. А когда придет время, и мы вынуждены будем ему сказать (вынуждены, потому что, в конце концов, надо ведь всех сделать пионерами), что вот, мол, можно тебя уже принять в пионеры. Могу предвидеть: он не закричит «ура!» от радости,

не покажет, что счастлив, он и в действительности не будет уже так счастлив, как мог быть раньше.

Дети, которых принимают в пионеры во вторую и третью очередь, уже не переживают той радости, счастья, чувства обновления и повышенной ответственности, какую они могли бы пережить, будь они приняты вместе со всеми остальными.

В педагогическом процессе есть отрезки, которые особенно благоприятно сказываются на воспитании личности каждого отдельного ребенка и формировании коллективной целеустремленности детей. Это такие периоды, когда дети находятся в преддверии или в начале обновления своей жизни. В этих периодах стечение обстоятельств способствует усилению осознания отдельным ребенком и всем детским коллективом своего общественного «я», «мы». У школьников обостряются чувство самолюбия и личного достоинства, чувство ответственности и повышенной требовательности к себе. Это, в конечном счете, есть какое-то особое переживание взросления, вхождения во взрослую жизнь, ценимую и признанную обществом.

В этом обостренном переживании взросления настежь распахиваются дверцы таких личностных и коллективных проявлений, как восприимчивость и понимание, страсть и вдохновение, осознание свободы и долга. Я не знаю, как точно обозначить эти периоды. Может быть, назвать их периодами переживания детьми чувства социального взросления, или же — наиболее чувствительными для взросления детей периодами, или же, наконец, применив сочетание научных терминов, обозначить такие отрезки педагогического процесса периодами сенситивной социализации? Как бы там ни было, одно для меня очевидно: в эти периоды дети становятся наиболее податливыми к педагогическому влиянию. В этом меня убедила моя практика.

Но в этих периодах таится и опасность. Она исходит из несоответствия методики сути сенситивной социализации. Возбужденное, утонченное переживание ребенком процесса

вхождения во взрослую, социально значимую жизнь помещает ему понять и принять как справедливое всякое откладывание, приостановку желаемого для него шага во взрослость. И нет гарантий, что такая задержка сделает его более податливым к воспитанию, обратит его к более сознательному самовоспитанию. Нет, такого в младшем школьном возрасте не бывает. В моей практике, в частности, не было еще такого случая, чтобы ребенок, стремящийся вместе с товарищами изменить свой социальный статус и взять на себя ответственность более взрослого, стал бы более восприимчивым к педагогическому влиянию после того, как ему вдруг — пусть в очень деликатной, корректной форме — объяснили, что он должен созреть еще до такого взросления, должен усовершенствовать себя, исправить свой характер, должен искупить некоторые свои «грехи».

На что мы надеемся — неужели на то, что после таких отказов с указанием на необходимость исправиться у ребенка возникнет чувство вины и потому осознанное стремление к немедленному самоисправлению? Не бывает такого. Но вместо этого может произойти совершенно неожиданное.

Я имею в виду случай, который возник в моей давнишней практике и который тогда озадачил и меня, и старшего вожатого. Только хочу сказать, что тогда я уже отходил от принципов императивного воспитания, искал пути понимания детей. Это я говорю как условие задачи, которую я решал тогда и которую хочу предложить теперь моим коллегам. Случилось следующее.

Нескольким ребятишкам мы — я, вожатый отряда, сами дети (разумеется, «хорошие») — отказали в приеме в пионеры. Ребята эти обиделись. Кто заплакал, кто отказался ходить в школу, кто затаил в себе обиду. Пришли жаловаться родители. Однако раз уже было решено не принимать, сочли нужным быть последовательными.

Но вот буквально накануне торжественной линейки Борька пришел в школу в пионерском галстуке. Все удиви-

лись: ему отказали в приеме в пионеры, сказали, что примут потом, когда исправится, а он пришел в галстуке и заявляет, что он уже принят в пионеры, что принял его дворовый пионерский отряд, принял торжественно, по правилам; он обязался перед ребятами со двора честно выполнять законы пионеров. Борька не злорадствовал, он просто был счастлив, что стал пионером, и вел себя куда более серьезно и доброжелательно, чем когда-либо. А когда ребенок переживает счастье, друзьям полагается тоже радоваться, не так ли? Но считать ли это счастье справедливым и с какой точки зрения оценить его — с педагогической или юридической?

Вот и мой вопрос к вам, дорогие коллеги: как вы думаете, как я поступил (и не забудьте, пожалуйста, что я тогда искал в себе пути для «демократизации» моего педагогического процесса), и можете ли еще предположить, какими инструкциями снабдил райком комсомола старшего пионервожатого, вожатого отряда, секретаря комитета комсомола школы по этому поводу? Попытайтесь, пожалуйста, разобраться в этом Борькином деле.

Но данный случай этим не завершается. В ближайшие дни произошло следующее.

Пришла в школу Софико в красном галстуке и заявила: «Я тоже пионерка!» Но пионеры, так сказать, законные удивились: «А кто тебе дал право носить галстук? Кто тебя принял в пионеры?» И знаете, что она ответила? «Я сама себя приняла, и буду настоящей пионеркой, дала себе клятву!»

А теперь попытайтесь представить себе, дорогие коллеги, что тогда произошло в нашем классе, и как я, а потом и вожатый отряда действовали в этой ситуации.

Через день в красных галстуках пришли еще пять ребятишек. Бадри говорил, что его в пионеры приняли отец и дедушка, коммунисты. Дедушка прошел войну, был ранен не раз, награжден орденами. Дедушка болен, он скоро умрет, и он завещает ему любить Родину, быть преданным ей всегда. Двое ребятишек приняли себя в пионеры сами. Двоих же

привели родители и заявили, что дети не останутся в школе, если с них снимут красные галстуки.

Можете ли описать, дорогие коллеги, что происходило в тот день в классе, какие я принимал решения, что мы решили с вожатым? Только не приписывайте мне действия и решения императивного воспитания.

И, наконец, — завершающее этот педагогический случай событие. В классе остался один непионер — Анзор. Он как-то хладнокровно относился к тому, чем были заняты пионеры. Через некоторое время председатель совета отряда сказал ему: «Ну, приготовь Торжественное обещание, мы тебя решили принимать в пионеры!» Но вскоре председатель бежит ко мне и сообщает: «Знаете, что он сказал? Говорит, что я не спешу стать пионером. Сперва на вас, говорит, посмотрю, какими вы будете!»

Это уже последнее задание вам, уважаемые коллеги: попытайтесь разобраться, какое мы с вожатым и детьми приняли решение, как мы отнеслись к заявлению Анзора...

У меня нет сомнения в том, что нельзя искусственно делить состав класса на группы, заслуживающие приема в пионеры в первую очередь, и пока не заслуживающие этого. Не является ли такое деление своего рода методом взыскания и наказания тогда, когда ребенок этого вовсе не ждет?

В пионеры надо принимать всех желающих, ибо, в конце концов, кто они такие — современные третьеклассники, обучающиеся в школе с шестилетнего возраста? Это дети с широким кругозором, начитанные, развитые, дружелюбные. Школа и современная семья растят их такими. Однако они остаются шалунами, в них много храбрости, остроумия, хитрости, озорства, они любят играть, бегать, испытывать себя. Конечно, они могут провиниться, и это случается с каждым, могут не доучить стихотворение, забыть выполнить домашнее задание. Они будут ссориться между собой, драться. Пионер — это не тот мальчуган или девочка, которые отшлифованы или стерилизованы от всех детских проявлений, стали

умудренными, здравомыслящими, сдержанными. Если так рассуждать о пионерах, то в эту организацию детворы мы не приняли бы современных Тома Сойера или Пеппи Длинныйчулок. А они и есть настоящие дети. И не надо требовать от Тома Сойера, чтобы тот сперва говорил только правду своей тете, отказался бы от ночных прогулок на кладбище и т.п., а потом, мы, взрослые и товарищи, подумаем, принять ли его в пионеры. Нет, не надо детям ставить такие условия, выполнить которые они не в состоянии. Мы должны видеть их такими, какие они есть — настоящими. Именно настоящие дети и должны составить свою организацию и воспитывать там друг друга. Ясно, что дети, живя вместе, играя, учась и трудясь, воспитывают друг друга. Но пусть не прокрадется в эту истину та ложная мысль, что могут воспитывать своих сверстников только те дети, которых мы считаем примерными во всех отношениях, а на них самих не могут положительно повлиять сверстники, которые не являются такими же образцовыми.

С этими моими педагогическими раздумьями я познакомил Амирана, и восьмиклассник понял меня, согласился со мной. Значит, примем всех тридцать восемь ребятишек в пионеры — таково было наше решение.

Тем не менее мы с Амираном договорились провести в классе эксперимент. Сообщили ребятам, что в пионерскую организацию сперва будем принимать двенадцать ребятишек из класса, остальные же будут приняты через месяцдругой, и предложили назвать кандидатуры тех, которые, по их мнению, достойны того, чтобы их приняли в пионеры в первую очередь.

Дети сперва растерялись, но вожатый наступал: в пионеры принимать всех вместе в классе не рекомендуют, поэтому другого выхода у нас нет. Тогда Илико предложил следующее. «Сделаем так, — сказал он, — на доске запишем фамилии всех, и пусть каждый, кто считает, что он не должен вступить первым, выйдет и зачеркнет свою фамилию!» Список всех

тридцати восьми ребятишек на доске записали сразу. «Ну, давайте!» — сказал вожатый. Минуты две дети так и сидели, не шевелясь. Первым вышел Илико и перечеркнул на доске свою фамилию. «Какая разница, — заявил он, — буду вступать на месяц раньше или на месяц позже!» После этого выбежали подряд все остальные, и вскоре на доске все фамилии оказались перечеркнутыми. «Что же получается, — удивился вожатый, — значит, никто из класса не достоин стать пионером?» — «Почему же? — сказала Ния. — Все достойны быть пионерами. Непонятно только, почему нельзя, чтобы мы все вместе вступили в пионеры, кому это мешает?» Но вожатый опять вернулся к тому, с чего начал: «Давайте лучше назовите свои кандидатуры, и мы обсудим каждую из них!» Дети нехотя начали называть отдельные имена. Дате назвал Елену, Лали назвала Илико, Котэ назвал Гочу, Ния назвала Русико, Георгий назвал Эку, Магда назвала Бондо, и... название кандидатур на этом прекратилось: видно было, что все назовут всех. Ния опять заявила: «Я, конечно, хочу быть пионеркой, но будет лучше, если нас всех примут вместе!» Эксперимент сорвался. Илико с лицом удивленного человека, не понимающего, почему происходит такое недоразумение, проговорил вслух: «Я не понимаю, мы же всем классом выбрали единую цель... Зачем же нас разъединять... Мы же все вместе... Кому такое пришло в голову... Нельзя ли послать заявление...»

И тогда вожатый резким движением руки стер записанные на доске фамилии и начал крупными буквами писать:

«Внимание!

Торжественная линейка по поводу приема учеников 3-го экспериментального класса в пионерскую организацию проводится 4 ноября в 14 часов, в парке Победы у могилы Неизвестного солдата».

Когда вожатый обернулся лицом к классу и добавил вслух: «Ясно?», в нашем классе раздались такое «ура» и такие аплодисменты, что через несколько минут, на перемене, ребята из других классов с разных этажей школы и их учителя

бежали к нам выяснять, что нас так порадовало и что означало такое мощное «ура».

Дозволенная роскошь в жизни учителя

Илико не зря проговорился: вот уже месяц как дети выбрали себе цель. Это значит — они готовились стать пионерами и создать в классе пионерский отряд. В их «ура» звучала не только радость приближающегося дня, но и сила уверенности, что каждый из них достоин этого почетного звания. В этом были уверены и Русико, и Нато, и Бондо, и Дито, и Марика, и Тека, и Зурико, и Ираклий... В общем, все без исключения. Уверенность детей исходила не от незнания, кто такой пионер, и даже не от самомнения. Она родилась в делах, беседах, играх, дискуссиях.

Каждый ребенок верил в самого себя, верил, что будет настоящим пионером, ибо прошел испытания, выбрал себе цель и, кроме всего этого, очень хотел быть пионером.

После памятного похода на гору Удзо вожатый и ребята крепко подружились друг с другом. Вожатый назначил с ними встречи и занятия. Все шесть недель, предшествующие торжественной линейке, были такими разными, что стоит о каждой из них рассказать отдельно. Скажу заранее, что вожатый оказался на редкость сообразительным, находчивым. Не буду, разумеется, скрывать, будто он все сам придумывал. Я тоже подружился с ним и делился своими соображениями о романтике пионерской работы, о работе вожатого, о том, как увлечь детей, давал некоторые советы, подбирал книги.

Вожатый держался независимо, и это нравилось мне, я даже поощрял его быть таким. Тем не менее, он тоже обсуждал со мной свои планы, результаты своих наблюдений над детьми. В общем, я не вмешивался в дела вожатого, разве только на уровне совета, высказывания пожеланий: делился

опытом из своего давнишнего прошлого, когда сам был учеником и по комсомольскому поручению работал вожатым отряда. У меня и не было необходимости составлять вожатому планы работы с его будущими пионерами. Не нужно было потому, что, во-первых, я не ошибся, требуя назначить его вожатым в моем классе; во-вторых же, Амиран сам понимал все с полуслова. Кроме того, у меня тоже было свое решение, о котором я скажу ниже.

На занятиях вожатого я участвовал не как надзиратель, проверяющий, который только и делает, что все время вмешивается в дела и разговор детей и дает им нужное направление. В это время я и того не разрешал себе, чтобы сидеть в углу, как будто для себя, исправлять тетради учеников, а одним ухом прислушиваться к тому, что вокруг происходит, о чем идет речь.

В жизни моих ребят происходило что-то очень важное, переломное, происходило обновление самого образа жизни, мыслей, перестраивались планы, практические дела. И разве имел право я сидеть и подслушивать их разговоры или жесткой рукой классного руководителя поворачивать это движение жизни в ту сторону, которая понадежнее и покороче? Нет, такая позиция классного руководителя мне не по душе.

Я решил... как вы думаете, коллеги, что же я мог решить? Сейчас сам скажу, только не спешите удивляться и недоверчиво улыбаться, не выслушав меня до конца, а самое главное — не поняв меня и мою позицию глубинного воспитания. И надо еще учесть, что возвращение в свое детство, игра в детство никогда еще не мешали воспитателю усовершенствовать свое искусство воспитания. Так вот, я решил тоже вступить в детскую организацию, тоже заслужить вместе со своими ребятишками эту честь.

Если педагог не только организует жизнь своих учеников, но и сам живет этой детской жизнью, то он обязательно поймет, глубже поймет, как детям живется.

Эта мысль уже давно и прочно завладела мной. Вот только проблема: как ее осуществить, чтобы результат моей «детской жизни» дал педагогические плоды?

Слышу возражения иных учителей: «Значит, надо впадать в детство?» Да, да, надо, конечно! Только не просто впадать в детство, а дать проснуться в себе своему детству. Ну и что же, что я учитель с многолетним стажем, уже в возрасте, солидный, серьезный человек! Пусть я покажусь смешным постороннему наблюдателю, не понимающему азов моей педагогики. Это не помеха мне вступить еще раз в пионеры. Скорее всего, именно этот стаж, этот опыт, этот возраст, именно глубинное осмысление педагогических позиций наводят меня на такую, я бы сказал, игру, на такую педагогическую деятельность.

Мысли, которые вдохновляют

Жизнь

Каковы бы ни были обстоятельства, в которых живет ребенок, жизнь развивает человеческие силы по вечным, неизменным законам, одинаковым по своему природосообразному воздействию как на ребенка, ползающего в пыли, так и на сына князя, и одинаковым образом влияющим на человеческую природу. Что же касается применения сил, то здесь жизнь воздействует на каждый индивидуум, который она формирует, в полном соответствии с различием в обстоятельствах, положении, условиях, в которых находится данный ребенок, и в полном же соответствии с особенностями сил и задатков индивидуума, который должен получить требуемое образование.

И.Г. Песталоцци. Антология Гуманной Педагогики

«Дети, я никак не могу вспомнить, как меня принимали в пионеры», — сказал я тогда своим ученикам. Тут я не играл с ними — я, правда, не помню, когда и как стал пионером. Пионерский галстук я, конечно, носил, но как обрел на это право, не помню. Потому и был искренним, когда обратился к ребятам со своей просьбой: «Может быть, вы разрешите мне вступить в члены вашего отряда?» И что вы думаете, какова была реакция детей? Они не ахнули от удивления, не улыбнулись, выражая снисходительное недоверие. Нет, они порадовались, приняли меня, согласились. Так стал восьмиклассник Амиран и моим вожатым, так я заимел право быть на занятиях, выполнять задания вожатого. Право я еще заимел тем, что никогда ни на йоту не превышал полномочия члена отряда. Спорил со всеми так же, как остальные, тоже таскал макулатуру, составлял книжку с обещанием.

Дорогие коллеги, смогу ли я описать вам состояние счастья, тревоги, поиска, которое я пережил тогда? Не надо снисходительно улыбаться, если я вам доверительно сообщу, что в тот день, когда вожатый предложил ребятам назвать кандидатуры тех, кого они порекомендовали бы для приема в члены отряда в первую очередь, я как-то разволновался: а вдруг ребята не назовут меня среди тех первых двенадцати кандидатов. А как хорошо, что они сорвали этот эксперимент.

«Вступить классному руководителю в детскую организацию... Это что, рекомендация? — спросит меня иной учитель. — Вы что хотите, чтобы каждый раз, когда класс будет создавать свой отряд, классный руководитель тоже вступал заново?»

Не знаю, как ответить. Почему каждый раз? В конце концов, сколько раз в жизни нам достается радость готовить наших учеников для обновления? Если это событие происходит не чаще чем раз в четыре года, то выходит, что за всю педагогическую жизнь (пусть она длится 40, пусть 50 лет) больше чем 10-12 раз не удастся быть непосредственным участником этого необычайно радостного, необычайно важного события.

Есть в нашей педагогической деятельности дела и заботы, которые мы будем повторять и переживать сотни и тысячи раз. Это, например, уроки, родительские собрания, утренники... Разумеется, каждый последующий урок будет чем-то отличаться от всех проведенных до него уроков, но во многом он будет повторять уже накопленный нами опыт.

Но есть явления, которые не могут так же часто повторяться, как повторяются уроки или даже утренники и встречи с интересными людьми. К таким педагогическим событиям относится преобразование детской жизни. Это событие повторится в нашей жизни всего несколько раз, но в жизни самих детей оно произойдет только один единственный раз. И потому оно должно осветить, резко обновить жизнь детей.

Можно ли, допустимо ли, чтобы для таких педагогических событий у нас была бы заштампованная методика? Методика порой вытесняет саму жизнь, довлеет над ней, не считается с ней, но событие это (вступление в пионеры) важнейший период в жизни младшего школьника. Этот период надо прожить не только ребятам, но и их учителю. Он так же увлеченно, с таким же любопытством, так же старательно должен готовиться к этому событию, как готовится, например, ученый для наблюдения над этаким редчайшим явлением природы, как полное затмение Солнца. Слово «затмение», разумеется, неуместно для описания нашей уникальной действительности, но будет уместно сказать, что в этот день глаза, ум, сердца детей будут переполнены необычной радостью. Дети будут переживать возвышающее их личность состояние духа. Но все это будет только в том случае, если такое педагогическое явление мы не станем подчинять законам скучного однообразия методических наставлений, а проживем его как важнейшую ступень жизни, возвышающую всех нас: и детей, и их родителей, и их учителей, и их вожатого.

Так я смотрю на важнейшие и редчайшие педагогические явления, для которых у меня нет раз и навсегда разработан-

ной методики. Теперь я решил вступить в отряд вместе со своими ребятишками. Как поступлю через четыре года, при повторении того же явления, не знаю. Могу только сказать, что в будущем снова по-особому проживу этот отрезок времени, который я называю одним из периодов «сенситивной социализации».

Что же это такое — прожить учителю детство вместе со своими воспитанниками? Вот что я могу сказать со своей стороны: прожить свое утраченное детство вместе со своими ребятишками есть единственная роскошь, которая допустима в жизни учителя.

Но такой роскошью может побаловать себя не каждый. Ее можешь дозволить себе только тогда, когда видишь и чувствуешь всем сердцем, что дети тебе доверяют, любят, уважают тебя, и когда еще видишь и чувствуешь, что они принимают тебя как своего родного по духу человека.

Итак, шесть недель готовил нас вожатый. Мы готовились не для так называемой торжественной линейки, а к перемене жизни, готовились жить по-новому, и чтобы жить так, нам нужна была единая цель, наша цель. Эта подготовка и была кропотливым поиском цели. Вот как шли эти недели в нашей жизни.

Первая неделя

В понедельник приходит к нам вожатый. Мы его ждали. Прикрепляет на доске самодельный плакат. Плакат красочный, с рисунками. «Это я для вас нарисовал. Оставлю вам. Пусть каждый перепишет эти правила. Ясно?» Мы поспешили: «Давайте перепишем сейчас же!» Вожатый согласился. Я тоже беру лист бумаги и под диктовку вожатого записываю все восемь законов. Мы решили, что каждый из нас сделает для себя книжку, в которую запишет кодекс своей жизни.

Потом он сказал нам: «Даю вам задание хорошо обдумать эти правила. Если вы их примете, то знайте, что не словами доказывать нужно их правоту, а делами, притом каждодневными. На каждом шагу, всюду надо выполнять их. Ясно? Придумайте эти дела, мы поговорим о них через неделю. Ясно? Мы предложили вожатому провести конференцию. Придумали и тему: «Человек среди людей». Вожатый согласился. Тут же выделили докладчиков. Вожатый предупредил нас, что доклады должны отвечать на вопрос: как мы собираемся перестроить нашу жизнь? Далее он поинтересовался, кто какую книгу читает. Мы спросили вожатого, когда он еще придет к нам. «Приду, когда нужно будет!» — сказал он.

В среду утром в классе мы нашли письмо от вожатого. Илико прочел его вслух: «Каждый член отряда должен знать жизнь своего народа, своих предков, чтобы следовать их заветам. Даю вам задание: приготовьте материал для составления альбома. Альбом будем делать вместе в субботу, в 15 часов. Ясно?»

На переменах и после уроков мы с жаром обсуждали, какие материалы можно принести: открытки, вырезки из газет и журналов, портреты, книги. Надо иметь еще и бумагу для альбома, краски, чтобы оформить альбом.

В субботу мы ждали вожатого в коридоре. Он пришел ровно в три часа. Сразу посмотрел собранный нами материал, потом разделил нас на три группы и дал каждой группе свое задание.

Мы с увлечением проработали два часа. Вожатый вместе с Нией оформил обложку альбома. Когда выполненные группами страницы мы собрали вместе и закрепили ленточкой, то сами удивились и обрадовались — такой он получился интересный и красочный. Вожатый посоветовал, чтобы каждый из нас изучил материалы альбома, и ушел. Потом мы еще долго говорили, какой у нас умный вожатый и как хорошо работать вместе с ним.

Вторая неделя

В понедельник вожатый пришел к нам в назначенное время. Мы провели конференцию «Человек среди людей». Каждое конкретное предложение, которое выдвинули докладчики, вожатый записал на доске. Получилась следующая запись:

- 1. Организовать выставку картин на тему « Λ юблю тебя, Родина моя!» (Λ ела).
- 2. Подружиться с ребятами из 8-го «А» класса, где учится вожатый (Магда).
- 3. Устроить встречу с родителями (Гоча).
- 4. Устроить в классе музей Великой Отечественной войны (Виктор).
- 5. Навести порядок и чистоту в пришкольном парке (Нико).
- 6. Испытать себя в храбрости, дружбе, выносливости (*Гия*).
- 7. Провести игры и соревнования для самых маленьких (Вова).
- 8. Установить переписку с ребятами школы из самого отдаленного местечка Грузии (Эка).

«Все это мы сделаем!» — сказал вожатый твердо. Потом он прикрепил к доске новый самодельный красочный плакат «Что я обещаю». Прощаясь, вожатый напомнил нам: «Подумайте, какую нам выбрать цель, чему посвятить нашу жизнь!»

В четверг Илико и Тея сообщили нам, что вчера вечером им звонил вожатый и попросил передать всем: срочно нужно собрать как можно больше макулатуры. Илико и Тея принялись организовывать это дело, им помогали Вова, Гия, Русико.

В пятницу пришел вожатый проверить, как у нас идут дела. Мы показали ему свои книжки, рассказали о сборе макулатуры. Вожатый похвалил нас. А потом спросил, была ли

сегодня в школе Елена. Семья Елены получила новую квартиру. Родители решили переехать сразу, а Елену перевести в школу поближе к новому дому. Когда все уже спали, девочка позвонила мне. Она плакала и просила поговорить с родителями, чтобы они оставили ее в этой школе.

К Елене мы решили пойти всем классом. Так и сделали. Мать Елены, ее бабушка, дедушка (отца не было дома) со слезами на глазах — их растрогали наше единодушие и искренность — обещали, что девочку не заберут.

Третья неделя

В понедельник после уроков к нам пришли ребята из 8-го «А». Это класс нашего вожатого. Их было девять. Сопровождал их Амиран. «Вот мой будущий отряд — представил он нас своим товарищам. — А они — мои друзья! — сказал он нам. — Они вам расскажут, какие они делают дела. А вы расскажите о наших делах, хорошо?»

Из рассказов восьмиклассников мы узнали, что они задумали устроить в школе уголок по профориентации, налаживают выпуск еженедельного юмористического журнала, будут участвовать в создании школьного музея Великой Отечественной войны. «Амиран сказал нам, что вы тоже собираетесь создавать такой музей, — сказала Мака, — смуглая девочка с длинными волосами, — но будет лучше, если вы станете участниками создания школьного музея. Это очень важно для нас!» Мы согласились, что создание школьного музея Великой Отечественной войны — большое дело, мы обязательно представим свои экспонаты, как только соберем их.

Ребята похвалили нас, когда узнали, что сегодня мы сдали 312 кг макулатуры. Они посмотрели выставку наших рисунков «Люблю тебя, Родина моя!» (ее организацию мы задумали на прошлой неделе).

Мы еще сказали им, что одна из наших главных задач — как можно быстрее определить цель нашего будущего отряда. Старшеклассник Гогла посоветовал нам искать цель в жизни великих людей, только надо понять, что они защищали, ради чего или против чего они боролись.

Потом мы устроили гостям импровизированный концерт: читали стихи, играли, пели, танцевали, представляли сценки из нового спектакля нашего кукольного театра.

В среду вожатый забежал к нам на перемене и сказал: «Вся школа должна знать, каковы ваши размышления о жизни, к чему вы стремитесь, чего люди могут ждать от вас. Так что к пятнице каждому из вас нужно выпустить собственную газету, и пусть выбранный вами почтальон разнесет газеты по классам, с 4 по 10. Ясно? Ответственность за выполнение этого задания возлагаю на Нико, Майю и Тенго. Тоже ясно?»

В среду и четверг мы советовались друг с другом: какого формата газету выпустить, о чем там писать, какие заголовки давать статьям, какие рисунки сделать.

В пятницу мы собрались рано утром, чтобы Ния, Майя и Тенго успели просмотреть все газеты. Они получились у нас красочные и содержательные. В них мы писали о радости ожидания, об ответственности человека, о нашем вожатом, о том, кто чем увлечен. Были в статьях критика и самокритика, были юмористические рассказы, рисунки.

До звонка на первый урок Λ ери успел разнести по однойдве газеты в каждый класс (с 4 по 10) и принес нам весть, что всюду ребята проявили большой интерес к нашим газетам, а вожатый, которому тоже передали одну газету, сказал, что мы молодцы.

В субботу вечером ребята в экстренном порядке звонили друг другу, а к тем, у кого не было телефона, пошли домой. Дело было в том, что вожатый созывал всех в школу в воскресенье, в 9 часов утра в рабочей одежде. Никто не знал, зачем.

Собрались в школе все без исключения и без опоздания. Двое мам привели детей с намерением тут же увести их, но

дети эти — Нико и Сандро — наотрез отказались оставить товарищей.

Вожатый сказал нам: «В школе, кроме нас, сейчас никого нет. Мы должны привести в порядок весь двор, подмести его, убрать мусор, починить забор. А вот эти ямы, которые строители еще в прошлом году оставили, нужно заполнить землей. Все это должно быть закончено за час тридцать минут. Ясно?» Вожатый образовал семь групп по пять-шесть ребятишек в каждой, назначил командиров групп, распределил работу между группами и отдал команду: «Приступить к делу!» После завершения работы командиры сдали рапорты вожатому. А потом вожатый, плотно окруженными нами, сказал шепотом: «О том, что это мы привели в порядок двор, никому ни слова, не хвастаться. Ясно?»

Конечно, нам всем все было ясно. Хвастаться не нужно, но гордиться можно. И мы гордились, когда в понедельник по школьному радио услышали: «Дирекция школы, ученический комитет объявляют благодарность ребятам, которые убрали школьный двор, починили забор, заполнили ямы землей. К сожалению, мы не знаем, кто они, поэтому не можем назвать их имен!» Мы слушали, гордились, но молчали, даже друг другу, даже шепотом ни слова о нашей тайне не говорили.

Четвертая неделя

В понедельник у нас была дискуссия: искали, выбирали цель. Вожатый поставил вопрос так: «Давайте сначала подумаем, каково назначение человека в жизни. Правда, это сложная проблема, о ней спорят философы и другие ученые тоже. Должны поспорить и мы!»

Затем каждый из нас высказывал свое мнение, приводил примеры, анализировал их, делал выводы. Мы вспоминали также наш разговор под вековым дубом на горе Удзо.

Вожатый поощрял наш спор. Одновременно он то и дело прятался за занавеской у доски и что-то записывал там. Откуда мы и слышали его поощрительные реплики: «Молодец... Ну, конечно... Кто еще так думает... Кто не согласен...» Когда все высказались (было условлено говорить коротко и не повторять уже сказанное), вожатый раскрыл занавеску на всех трех досках, и мы увидели там следующую запись:

«Человек родился для того, чтобы помогать другому человеку». (Δ ато, Нико)

«Человек должен строить дома, летать в космос». (Тея)

«Самое главное назначение человека — быть добрым и честным». (Дато, Бондо, Эка)

«Человек не должен допустить войну». (Виктор, Тамрико)

«Мы решили беречь природу». (Лали)

«Человек не будет человеком, если он приносит лю-дям зло». (Нико)

«Я видела, как шел по улице пьяный, ругался, мешал всем. Такого нельзя считать человеком». (Нато)

«Мне не нравятся люди, которые не трудятся. Лентяй— не человек». (Ираклий)

«Любить и защищать свободу — это главное назначение человека в жизни». (Зурико, Марика)

«Человеком можно назвать только того, кто имеет хорошее образование». (Майя)

«Разве можно назвать человеком того, кто бросил своих детей и ушел из дому». (Лела)

«Настоящий человек должен служить большой цели». (Зурико, Гоча, Тея)

«Нельзя любить все и всех вокруг. Как можно любить бездельника и хулигана?» (Котэ, Гия)

«Со злом надо бороться. Наше главное назначение в жизни, чтобы уничтожить зло». (Илико)

«Разве зло уничтожишь? Надо, чтобы человек сам был добрым и не делал зла». (Вова)

«Люди должны любить и уважать друг друга, тогда всем будет радостно на душе». (Магда, Елена)

«Человек рождается только за тем, чтобы приносить людям счастье». (Элла)

«Главная цель человека в жизни — это утверждать добро». (Ния, Шалва Александрович)

«Человек — борющееся существо. И если он борется ради счастья людей, то он настоящий человек». (Гига)

«Человек рождается и для того, чтобы развивать и умножать то, что оставили нам наши предки». (Сандро)

«Настоящий человек должен уметь жертвовать собой ради своего народа». (Ия, Тека, Георгий)

«Человек рождается не для того, чтобы нажить состояние, а для того, чтобы совершать хорошие дела». (Русико)

«Назначение человека в том, чтобы стать духовно богатым и духовно щедрым». (Вахтанг)

Вот такую жизненную философию ребятишек уловил вожатый и зафиксировал на доске. Высказался каждый из нас, и мы возгордились, прочитав свои мысли и свои имена на доске.

Вожатый здорово сделал, записав именно основные мысли и пожелания из пространной речи, с которой ребята включались в дискуссию и которая сопровождалась необходимым этикетом скромности: «По моему мнению», «Я думаю», «Возможно, я ошибаюсь», «Я уверен», «Разрешите поспорить» и т.д.

«Ну что же, — сказал вожатый, зачитав вслух с начала до конца записанную им на доске мудрость третьеклассников о назначении человека в жизни среди людей, — это очень интересно. Думаю, мы уже приблизились к тому, что ищем. Давай-

те сделаем так: спишите все эти ваши изречения, проанализируйте их и выведите нашу общую цель».

Илико нетерпеливо спросил: «Когда это сделать? Может быть, не откладывать... Давайте сначала объединимся нашей целью, потом разойдемся по домам!» — и сам обрадовался своей игре слов. Мы тоже не захотели откладывать самое важное дело на потом, на завтра.

Вожатый согласился. «Тогда, — сказал он, — даю вам пять минут на глубокое размышление. Только я посоветовал бы вам обратить внимание на эти мысли (и он быстро подчеркнул некоторые 13 наших высказываний). Если решите, что они выражают и вашу точку зрения, тогда попытайтесь сформулировать цель нашей будущей жизни!»

После пятиминутного глубокого размышления нам уже не было трудно сделать радостный вывод, что нам есть чему посвятить наши дела. Вывод вожатый записал на доске под диктовку всего класса.

. Основная цель нашего отряда, который родился 4 ноября: утверждать добро, бороться со злом.

Мы списали вывод с доски и решили подготовить книжки под этим названием. Вожатый попросил еще, чтобы каждый написал в этой же книжке свой трактат по поводу нашей цели. «А что такое трактат?» — спросила его Элла. Вожатый объяснил: «Трактат — латинское слово, означающее обсуждение. Трактатом будет ваше сочинение, в котором вы рассуждаете о каком-либо предмете, излагаете в нем свои мысли, высказываете свое отношение. В данном случае предметом вашего рассуждения будет наша цель. В своем трактате каждый пусть покажет: первое — как он понимает цель, второе — почему он ее принимает как свою, третье — как эта цель будет менять его самого, и четвертое — какими конкретно делами он будет ее осуществлять в своей жизни, в общении с людьми, в труде. Ясно?» Эту последовательность наших будущих трактатов мы попросили вожатого написать на доске.

Во вторник утром мы получили поручение от вожатого — оно было написано на доске в коридоре. «Значит, он пришел очень рано, чтобы написать нам на доске это поручение!» — заключил Илико. А поручение было такое:

«В пятницу в 14:00 должны навестить шестилетних школьников и устроить и устроить им утренник.

Подготовьте:

36 самодельных подарков.

Новый веселый спектакль кукольного театра.

Программу для проведения игр.

Ясно?

Амиран»

После уроков мы работали без вожатого. Разбились на группы и каждый определил свое задание.

В среду вожатый пришел проверить, как мы работаем. В четверг он долго занимался с нами. Посмотрел и одобрил приготовленные нами подарки: самодельные куклы, кубики, самолетики, домики, закладки для книг, рисунки. Посмотрел кукольный спектакль о сообразительном зайчике и смеялся от души, значит ему тоже спектакль понравился. А потом сам включился в игры, которые мы намеревались провести с шестилетками.

В пятницу мы самым маленьким школьникам доставили радость. «Как хорошо, когда радуешь маленьких и тебе становится радостно!» — сказала после встречи Эка.

Пятая неделя

Понедельник мы посвятили обсуждению наших трактатов. Всем нам очень понравился трактат Илико, хотя в наших трактатах тоже содержались интересные мысли, идеи. В трактате Илико перечислялись качества членов отряда, законы дружбы. Илико критически рассуждал также о самом

себе, говорил, как он будет работать над собой. Вожатый попросил наши трактаты на два дня, чтобы показать их своим товарищам. Потом он нам сообщил, что в пятницу к нам придут шестиклассники, которым поручено присутствовать при «рождении» нашего отряда. «Встречу мы устроим в виде пресс-конференции», — сказал вожатый. Он объяснил нам, как это будет происходить, как нам готовиться к встрече.

В следующие дни он мельком заглядывал к нам, осведомлялся, как идут дела. Мы взахлеб рассказывали ему, как выполняем его задания, какие вопросы будем задавать шестиклассникам на пресс-конференции, какие новые альбомы приготовили, какие вообще у нас новости, и вожатый исчезал.

В пятницу встреча с шестиклассниками состоялась в конце дня. На ней присутствовали и родители. Прессконференция проходила в нашей классной комнате, которая была переполнена.

Ответы на вопросы «журналистов»-третьеклассников сначала давали представители шестиклассников. Около доски за столом сидел актив отряда.

Открыл пресс-конференцию Амиран. Он торжественно объявил: «Ученики 3-го класса готовятся создать свой отряд. И им нужно знать, как может жить отряд».

Председатель совета отряда — белокурая девочка Нина — рассказала о том, что они готовят сборы, устраивают походы, принимают участие в спартакиаде дружины.

Затем Амиран обратился к третьеклассникам: «Уважаемые "журналисты", можете задавать шестиклассникам интересующие вас вопросы! В вашем распоряжении 25 минут!»

И посыпались вопросы: какие задания они выполняют, как они борются против зла, какую цель выбрал себе отряд, как ее осуществляет, как помогают друг другу, как у них в отряде развивается творческая деятельность, выбрали ли они уже трудовые профессии, какие учебные предметы их больше интересуют, какую они ведут общественную деятельность, как они выпускают газеты, будут ли они и в будущем дружить с ними.

Шестиклассники на вопросы отвечали охотно, демонстрировали нам свои альбомы, газету.

Амиран: «Уважаемые "журналисты", к сожалению, отведенное для пресс-конференции время истекло. Разрешите мне от вашего имени сердечно поблагодарить шестиклассников за то, что они любезно согласились провести с вами сегодняшнюю пресс-конференцию!»

Мы с жаром зааплодировали.

Затем у стола располагается выбранная нами группа: Илико (руководитель), Магда, Зурико, Тея, Майя, Дато, Вахтанг. Они снабжены всей необходимой информацией о нашей жизни.

Амиран снова открывает пресс-конференцию, дав первое слово Илико. Тот рассказывает, какой жизнью живет наш класс. Потом «журналисты» из шестого класса задают вопросы: какие у вас трудовые начинания, какая у вас в классе дружба, как вы помогаете друг другу, почему вы учитесь без отметок, что вы знаете о ваших предках, о Грузии, как вы ведете себя дома, как помогаете взрослым, какие книги вы читаете, какие фильмы смотрите.

Наши ребята отвечали складно, приводили примеры из жизни класса.

Намеченное для пресс-конференции время — $25\,$ минут — истекло.

Состоялся импровизированный концерт. А в это время работали редакционные группы: они выпустили красочные газеты, посвященные проведенным пресс-конференциям.

Родительские субботы

По субботам через каждую неделю я собирал родителей. Не для того, чтобы провести собрание, а для того, чтобы, вопервых, учить их, какую семейную обстановку нужно создавать ребенку, готовящемуся создать свой отряд. Во-вторых же, мне нужно было узнать, как меняются дети в эти дни.

При первой встрече я им объяснил, как серьезно относятся дети к своему «взрослению» и потому необходимо, чтобы в семье это обновление жизни детей тоже принимали серьезно, без снисходительной улыбки. Рассказал родителям, как внимательно нужно слушать, когда ребенок станет рассказывать дома о своих делах, заботах, какое проявить понимание. «Видите, — говорил я им, — я, учитель, собираюсь вместе с вашими детьми стать членом их отряда, чтобы тем самым дать им возможность понять всю серьезность своего взросления, прожить полностью этот удивительный и романтичный период "сенситивной социализации". Наша задача, задача взрослых, заключается в том, чтобы создать вокруг ребенка атмосферу серьезной доброжелательности и деловитости. Нам нужно перестроить наше общение с ними так, чтобы ребенок убедился, какое важное общественное значение придаем мы этому». Я попросил родителей подумать, какие дополнительные обязанности возложить на ребенка в семье, как поощрять его к большей самостоятельности, как повысить требовательность к нему и одновременно доверие. Я все твердил им: нельзя, чтобы ребенок взрослел, обновлял свою жизнь только в школе или только в семье. Если мы хотим воспитать в нем личность, то все его окружение, все люди, которые направляют этот процесс, должны составлять целеустремленную воспитательную среду.

Одновременно я просил родителей понаблюдать, с какими заботами приходят дети домой, как они себя ведут. Предупреждал, что ни в коем случае нельзя пользоваться преобразованием жизни ребенка для того, чтобы давить на него, прибегать к порицаниям и запугиваниям, вроде: «Как тебе не стыдно... Если так будет продолжаться, я скажу твоему вожатому!» и т.д.

Все это я объяснил родителям по время первой субботней встречи с ними.

Вторую субботу мы посвятили обсуждению того, как меняются дети. Оказывается, Русико заявила дома: «Никогда больше не буду лгать». Георгий, Русико, Ия, Зурико (и все остальные тоже, как подтвердили родители) стали более серьезными, с охотой помогают взрослым в домашних делах. Ребята часто звонят друг другу, и о чем-то советуются, долго засиживаются за рабочим столом и готовят альбомы, газеты, книжки. Гига, Лела, Котэ (и другие тоже) пристрастились к чтению. Родители единогласно твердили, что дети влюблены в своего вожатого, все рассказывают о нем: что он им сказал, какое дал поручение, что обещал, когда еще придет к ним. Он умеет хорошо рисовать, он поет и играет на пианино, он баскетболист, играет в шахматы, он очень умный, сильный. «Дети верят в своего вожатого», — сказали родители. Они еще сообщили мне, что сильно возрос интерес детей ко всему тому, что происходит в нашей стране, в мире, как живут дети в разных странах мира, где идет война, зачем, что такое атомное оружие, как люди борются за мир, какие у нас недостатки, как мы их исправляем. В общем, сказали родители, дети наши становятся политиками, читают газеты, слушают радио. Я посоветовал родителям давать детям правдивую информацию о событиях, которые происходят вокруг нас, помочь им определить свою общественную позицию, научить их, как бороться со злом.

На нашей третьей встрече, которая состоялась в конце пятой недели, мы говорили о том, как готовиться семье к вступлению ребенка в свой отряд. «Этот день, — сказал я родителям, — должен быть торжественным и в семье тоже. Нужно, чтобы все члены семьи со всей серьезностью поздравили ребенка, подарили ему что-нибудь памятное, но не дорогое: книгу, компас, будильник, акварельные краски, готовальню, глобус...»

Эти родительские субботы, как я убедился, были необходимы и детям, и самим родителям. Мой союз с семьей и на этот раз помог мне в создании целостной и целеустремленной воспитательной среды.

Шестая неделя

В понедельник мы работали над собственным обещанием. Во вторник выпустили коллективную газету, посвященную нашим переживаниям перед вступлением в пионеры. Газету вывесили в коридоре и вскоре увидели, как ребятишки из других классов собрались перед ней. Они оживленно обсуждали нашу газету. В среду провели утренник. Было много гостей. Мы представили монтаж, читали стихи, пели песни. А вот в четверг...

Страсть к обновлению

Уроки в этот день были необычными. Во-первых, какими могут быть уроки в тот день, когда ученики и их учитель тоже полностью находятся во власти трепетного ожидания рождения отряда и когда сам этот день — с раннего утра до поздней ночи — превращается в большой и добрый урок жизни.

Во-вторых, эти шесть недель мы не только готовились к вступлению в пионеры, но и учились жить по-новому.

День 4 ноября должен был быть свободен (от обычных уроков, от объяснений учебного материала, от письменных работ). И я сказал ребятам еще три недели тому назад: «Может быть, вы разрешите мне давать вам чуть больше заданий, чтобы освободить 4 ноября?» Ребята, конечно, согласились. И тогда я ускорил темп обучения. «Этот материал по плану мы должны были усвоить за пять уроков. Попытаемся овладеть им за четыре урока, хорошо? — говорил я ребятам и тут же как будто извинялся перед ними. — Что делать, у нас же нет другого выхода!» Но ребятам не нужны были мои извинения. Когда я то и дело сочувственноговорил им: «Вам, наверное, приходится в эти дни работать допоздна, и вы очень устаете, так ведь?» Они успокаивали меня: «Вы не волнуйтесь! Ничего страшного!» Я чувствовал, что им даже льстило их экстре-

мальное положение, когда нет другого выхода, когда так требует дело, так нужно и, значит, надо с честью устоять перед трудностями.

И они устояли. В конце пятой недели я сообщил ребятам, что уже все — дело сделано, мы выиграли день. «Давайте только проверим себя, как мы усвоили учебный материал, который был предназначен на 4 ноября». Ребята проверили себя, друг друга, я задавал им самые сложные вопросы, примеры, задачи, задания, и если кто-то затруднялся, то тут же мы всем классом оказывали ему помощь, объясняли. Так мы высвободили день, которому суждено было стать уроком нашей жизни и который был нам нужен, чтобы полностью пережить наше обновление.

Обновление... Как еще можно назвать то, что происходило в душе и сердце каждого из нас и, разумеется, у меня тоже? Обновление — самое удачное слово для отражения этого состояния.

Мы в тот день готовились обновить нашу жизнь. В нашу жизнь входили новые мысли и дела, новые отношения, в нас росло понимание долга и ответственности. Мы приобретали большую свободу и тут же с нетерпением вкладывали ее в «банк» общественной деятельности.

Мы росли. Мы становились более серьезными (ну, конечно, не совсем) и приучались смотреть на действительность по законам долга, дружбы, уважения и, не побоюсь сказать, в какой-то степени даже с государственных позиций.

Мы объединялись на почве осознанной идеи. Мы выбрали себе цель и собирались отдаться ее осуществлению.

Прошедшие пять недель, в течение которых вожатый готовил нас, изменили нашу жизнь. Нам и до появления вожатого в нашем классе хотелось создать свою организацию, но последние недели убедили нас: именно в обновлении жизни заключены наша страсть, наше будущее и даже наши шалости. Да, мы несли с собой наши шалости с надеждой, что с ними нам будет еще интереснее и радостнее.

Страсть к обновлению — вот что увидел я в детях, готовясь вместе с ними вступить в пионеры. Эту страсть я обнаружил на примере Тамрико и

Вахтанга, Ии или Тенге. Вот, скажем, Тамрико. Разве я часто упоминаю ее имя в своих рассказах? Все говорю о Леле, о Русико, о Нато, о Майе, о Нии, о Марике... А о Тамрико? Жила-была у меня в классе одна исполнительная девочка, флегматичная, тихая, как будто ее ничего не волновало, ничего не радовало. Девочка без развитого чувства удивления вот какая она была. Вначале я старался «разбудить» ее (она была в каком-то сонном состоянии), хотел расшевелить в ней детство, но за другими заботами я то и дело забывал о девочке, которая не «мешала» мне. Ой, учитель, разве можно без педагогического внимания оставлять ребенка, который не мешает тебе, то есть не шалит, особых талантов не проявляет, а все выполняет и сидит сам по себе! Ребенок, который не мешает, не требует большей заботы от учителя. Когда я вспоминал ее, то находил ту самую бесстрастную Тамрико, которой все было безразлично. «Неужели у девочки такое холодное сердце, к чему это может привести?» — думал я с тревогой. Трудно воспитать ребенка, который только «для себя», которого ничто не воодушевляет. Разумеется, я пробовал по отношению к Тамрико все возможные пути подхода. Девочка порой выглядывала из своей скорлупы, улыбалась нам, но вскоре вновь забиралась в нее, то есть в свой мир, где было мало движения и жизненных, а также познавательных событий. Теперь же, за эти пять недель, Тамрико совсем выпорхнула из своей скорлупы, и я увидел ее — удивительно интересную, деятельную. Что на этот раз так повлияло на нее? Может быть, общая взбудораженность, которая не давала никому возможности быть самому по себе, всех призывала, всех воодушевляла. А может быть, ее встряхнул поход на гору Удзо, во время которого вожатый поддержал ее, когда она чуть было не покатилась кувырком вниз по обрыву? Тогда вожатый похвалил ее за терпение, что не заплакала от боли,

и сказал: «Ты мужественная, ты мне нравишься. Хочешь, будешь моей помощницей в наших походах?» В общем, девочку эту теперь не узнать. «Мне и во сне снится наша торжественная линейка!» — говорила она вожатому.

А Тенго? Он всегда был активен во всех наших делах. Но сейчас он совершенно другой — одухотворенный. Стоял он на днях среди ребятишек, они о чем-то спорили. И вдруг все умолкли. Я тоже примкнул к группе. Говорил Тенго. Он мечтал вслух о том, каким будет наше пионерское государство, когда мы его создадим. «Давайте создадим детский парламент, как у Матиуша... Сами будем решать все проблемы нашего государства... Или, может быть, придумать нашему отряду какое-нибудь загадочное название...» И постепенно становилось ясно, что Тенго получал признание среди товарищей, и в глазах вожатого тоже, как «теоретик» нашей будущей жизни. Кстати, вожатый уже дал ему задание подумать, с чего можно начать эту жизнь, чтобы она закипела сразу.

Я твердо убедился в том, что в детях очень сильна эта страсть к обновлению, она неуемна, неудержима. Теперь я знаю: это мы, некоторые взрослые, со своим болезненным стремлением (якобы движимые высочайшей заботой о судьбе ребенка) угомонить, успокоить ребенка, пресечь его шалости, вложить в него разумность и сдержанность, полученные нами не от полета наших мыслей, а от узости жизни,— постоянно приземляем его страсть к обновлению, к движению и порой с успехом завершаем воспитание уравновешенного консерватора, «человека в футляре».

Я познал эту страсть к обновлению на себе за эти пять недель, готовясь вместе со своими ребятишками вступить в детскую организацию, и поэтому могу утверждать: если каждый из нас, из взрослых, имеющих причастность к воспитанию детей (будь то учитель, воспитатель, педагог, родители и т.д.), будет содействовать непрерывному движению и развитию этой страсти к обновлению, сделает ее неотъемлемой чертой их личности, то количество творческих людей, нова-

торов, смелых испытателей возрастет в нашем обществе в три, пять, а может быть, и в десять раз. Можете представить себе общество, в котором количество новаторов в десять раз превышает количество консерваторов?

Страсть к обновлению несет с собой куда более сильную энергию (умственную, духовную, эмоциональную, физическую), чем энергия расщепленного атома.

Страсть к обновлению есть клад в детях, к которому нам надо относиться как к национальному добру и достоянию народа, всего человечества.

Вот в чем я убедился и вот почему осмеливаюсь сказать моим коллегам:

Дорогие, добрые воспитатели, учителя! Цените и поощряйте страсть детей к обновлению, если вы действительно стремитесь воспитать в них черты нового человека.

И если вы последуете этому призыву, то со всей педагогической ответственностью нужно взглянуть на детское движение.

Говорю это потому, что, к сожалению, оно как-то заглушается. Заглушается не детьми, а нами. Оно тонет в нашей суете. Конечно, все важно. Важно обновить содержание обучения, создать новые программы, новые учебники и дидактические комплексы, важно заботиться о новом оборудовании, о новых технических средствах, о новых школьных зданиях... Но во всей этой тяге к новому, которая, кстати, пока все еще находится в тисках консерватизма и формализма, затонуло, может быть, самое главное, требующее первоочередного обновления: воспитание детских душ и сердец. Ну, допустим, что уже созданы блестящие программы, учебники, учебные планы и т.д. Но разве этим разрешится проблема воспитания? Нужно, чтобы были отработаны вплоть до ювелирного мастерства формы социального взросления детей; была обоснована скажем, блестящая практика школьного движения, детского самоуправления, а в целом — воспитания.

Очень много времени — десятки лет — мы потратили на то, чтобы взломать запертые на все девять замков железные двери традиционного обучения и впустить идею о развитии, ибо давно нам было известно, что обучение должно шагать впереди развития и вести его за собой. Теперь мы уже не спорим о том, как обучение и развитие соотнести друг с другом. А как быть с воспитанием? Как оно должно идти? Пусть идет как хочет, не имеет значения? Может быть, воспитание есть процесс такого свойства, который, как ни изгоняй его из школы, все равно, подобно преданной своему озорному дружкумальчишке собачке, будет гнаться за обучением, то забегая вперед, то плетясь у него в хвосте! Нет, мы достаточно начитаны для того, чтобы не ошибиться: нас учили, мы знаем, признаем, что воспитание есть сердцевина педагогического процесса. Однако на чем это признание построено? На словах, порой на очень красивых словах, поэтичных образах, в основном же построено оно на песке научной терминологии.

А если говорить о деле, воспитание давно уже поглощается обучением, и, может быть, в скором времени нам придется оплакивать его как без вести пропавшего. Прошу прощения, я, разумеется, перегибаю палку, так как хорошо знаю, что в творческой созидательной деятельности многих и многих учителей воспитание никогда не поблекнет. Знаю, но меня все же мучит мысль, что воспитание требует спасения, его надо спасти от умаления, от унижения, которое оно сейчас переживает в общем потоке педагогического процесса. Значение его на практике давно принижено, им порой маскируют голое администрирование. Не зря же мы говорим об «учебно-воспитательном процессе», а не наоборот — «воспитательно-учебном процессе». Может быть, это потому, что удобнее произнести «учебно-воспитательный», нежели «воспитательно-учебный»? Вовсе нет. Здесь «удобно» расположены сами процессы: сперва учебный, а затем воспитательный. Это можно доказать еще и другим сочетанием слов, которое бытует в педагогической речи: «обучение

и воспитание». А речь отражает то, что есть в действительности и что мыслится в уме.

Ну, а если действительность требует перестройки, поправки? Эта действительность сотворена нами, а мы, как люди, могли ошибиться. Вот и ошиблись, а теперь нужно поправлять эту ошибку. Педагогическая практика, педагогическая действительность есть дело рук и творческого интеллекта самих педагогов, разве не так? В этой практике воспитание должно занять ведущее место, которое ему полагается по всем законам, по сути педагогического процесса, ведь верно? Так позволю себе сделать перифраз мысли Λ .С. Выготского, чтобы уяснить соотношение воспитания и обучения. Получаю следующее высказывание.

Педагогический процесс только тогда хорош, когда в нем воспитание идет впереди обучения, ибо вызванные им к действию духовные силы будут впитывать знания как пищу, необходимую для дальнейшего роста и становления личности школьника.

Умаление значения воспитания в педагогическом процессе, по моему мнению, повлияло на заглушение детского движения. Нелегко классному руководителю расстаться с мыслью, что отряд и класс — это не одна и та же педагогическая действительность, несмотря на то, что их составляют одни и те же дети. Не может он также привыкнуть к мысли, что работа отряда не есть дополнение к урокам и учебной работе детей и что ей несвойственны задачи обучения. В силу этого, как только классный руководитель замышляет руководить работой отряда (или помочь отряду, что одно и то же), исходя из принципа отождествления класса и отряда, он обязательно накладывает обучающие штампы на детское движение, жизнь детей делает зависимой от тех задач, которые остались у него неразрешенными в учебном процессе.

Что может сделать вожатый, который пока сам является учеником и у которого, в силу его молодости, нет достаточ-

ного педагогического опыта и, может быть, нужных знаний тоже? Классный руководитель, превосходя ученика-вожатого своими знаниями и опытом, с легкостью подчинит его и навяжет свои «учебно-воспитательные» задачи.

Вот как может обезличиться самоуправление детей, их романтика. Они потеряют блеск, станут скучными для ребят. И как несправедливо будет тогда со стороны учителей и вожатых заставлять ребят носить пионерские галстуки, стыдить и даже наказывать не желающих носить их. Но ведь бывает такое?

И я в тот памятный день 4 ноября строго предупредил себя: не будь таким классным руководителем; дети вступают в новую жизнь, они страстно хотят обновления жизни; и ты стремись к тому же. Вот примут сегодня дети тебя в свою организацию, так и оставайся «ребенком» среди ребят, живи их жизнью и смотри на свой класс как на корабль дальнего плавания, которым управляют дети.

Будьте готовы!

Какой учитель, особенно начальных классов, не знает, что такое детское нетерпение. Хотя всем было известно, что мы собираемся во дворе школы в 12:15, ребята пришли гораздо раньше. Собрались они и сразу начали волноваться.

- Почему опаздывает вожатый?
- A он не опаздывает, он придет вовремя, сейчас у него уроки.
- Где же те, кто будет нас принимать? Они не могли забыть?
- Как они могли забыть такое, они свое дело знают. При- $_{
 m dyr}$, потерпите.
- Который сейчас час? Сколько минут осталось? Часы не отстают? (Перепроверяем, часы не отстают.)

— Уже время... Через пять минут будет ровно двенадцать пятнадцать! Все окружают Зурико, Котэ и меня — у нас есть часы. Дети всматриваются в минутные стрелки.

И тут появляется вожатый. Радость, возгласы.

— Ну как, все готовы?

Конечно, готовы, давно все готовы. Наши пакеты тоже готовы. Каждый держит в руке свой пакет. В него вложено обещание, красочно разрисованное, и еще самохарактеристика. Каждый размышляет о себе: какой он есть, что в себе самом не нравится, каким он станет в ближайшее время.

— Тогда, Гига, построй ребят!

Нужна была только команда. Строй мигом готов. Строем приходят шестиклассники со своей вожатой. Красиво они шагают, торжественно. Пришли они с флагом, барабанами, горном. Наш вожатый сказал: они пойдут впереди, а мы будем следовать за ними. В общем, шли мы маршем, под бой барабанов и веселящих всех, в том числе и прохожих на улице, звуков горна. Так мы шли примерно час пятнадцать минут. Только два раза останавливались на улице — передохнуть на пять минут. Тогда вожатые располагали детей лицом к прохожим. Пусть все посмотрят, какие у нас ребята, пусть останавливаются и смотрят нам в глаза. А мы возгордимся. Ведь у нас сегодня очень важное дело, важнее его, может быть, и не будет ни у одного прохожего...

В парке Победы вожатые провели последний инструктаж. Не знаю, о чем говорила вожатая своим шестиклассникам, но помню, что сказал нам наш вожатый. Он сказал следующее:

— Вы хорошо помните свое обещание. После торжественной линейки мы встанем в почетный караул у могилы Неизвестного солдата. А потом на открытой сцене представим наш литературный монтаж. Все сделаем организованно, четко. Ясно? А теперь можете разойтись, погулять по парку. Не обязательно ходить всем вместе. Но как только услышите сигнал горна: «Внимание, сбор!» — вы помните этот сиг-

нал? — за пятнадцать секунд вы должны собраться на том месте, откуда слышится сигнал. Тоже ясно?

Мы разошлись. Сначала не хотели далеко уходить. Но сигнал запаздывал. Мы постепенно, по двое, по трое разбрелись по всему парку, даже чуточку позабыли, что ждали сигнала, развлечения в парке привлекли наше внимание. Я вместе с Сандро и Лали остановился у площадки электронных машин. Было интересно смотреть, как ребята на машинах гонялись друг за другом. И вдруг на весь парк прозвучал наш сигнал. «Внимание, сбор!» — звали нас звуки горна. Мы резко повернулись и побежали что было силы. Люди удивлялись, глядя, как мы бежим, как бегут другие, — спешат кудато, в чем дело?

— Вы не смотрите на меня, бегите, не опоздайте! — сказал я Лали и Сандро. А сам подумал: «Вот, учитель, вступаешь в отряд детей, а бегать не можешь... Ой, вожатый, какой ты хитрый!» Но успел, все же успел за пятнадцать секунд добежать до фонтана. «Стройся... Равняйсь! Смирно! Направо! Шагом — марш!»

У могилы Неизвестного солдата нас остановила команда: «Строй! Нале-во!» И мы увидели, как бежали ребята, взрослые, отдыхающие в парке, в нашу сторону. Собралось много-много народу, дети выступили вперед. Некоторые папы взяли своих малышей на руки, чтобы им лучше было видно.

Аюди спрашивали друг у друга: «Что происходит?» А что было дальше?

Председатель совета отряда шестиклассников рапортовал вожатой, что отряд готов для торжественного приема учеников-третьеклассников в пионеры.

Наш вожатый Амиран обратился к строю третьеклассников:

- Готовы стать настоящими людьми?
- Готовы! прогремел наш ответ. Председатель совета отряда:

— Ребята, нам поручена почетная миссия: принять новый отряд третьеклассников. Мы уже были у них, они увлеченно готовились, показали себя дружными ребятами. Разрешаю приступить к приему!

Отряды шестого и третьего классов стоят лицом друг к другу. В центре горит Вечный огонь, как разбуженное сердце солдата...

На два-три шага вперед выступает первый в строю шестиклассников. Также на несколько шагов вперед выходит Тея, тоже первая в нашем строю.

— Разрешаю дать свое торжественное обещание!

Тея произносит четко и громко, с волнением:

- Я, Тея Абаишвили, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: любить свою Родину, жить, учиться и бороться по законам доброты, честности, дружбы!
- Сдать подписанный тобой текст «обещания»! говорит старший. Тея достает из пакета написанное ею «обещание», подписывает его, ставит

дату и, вложив обратно в пакет, передает старшему. Тот достает из нагрудного кармана галстук, повязывает его Тее, поправляет, передает памятный подарок, жмет руку, говорит:

- Поздравляю тебя с вступлением в пионеры!
- Спасибо! говорит Тея. Они отдают друг другу салют, разворачиваются и возвращаются в строй. А в толпе раздаются аплодисменты.

Я смотрю на Тею — девочка сияет от счастья.

Затем выходит второй в строю пионер и принимает «обещание» от Ираклия. Мальчик говорит медленно, у него дрожит голос...

Затем принимают в пионеры Нию... Илико... Майю... Гочу...

Марика, самая малюсенькая, чуть было не заплакала от волнения. Пионер успокаивал ее. «Ничего, все прекрасно получается!» — шептал он ей.

Лери, замыкающий строй, произнес свое «обещание» с пафосом и вдохновением.

Аюди, собравшиеся смотреть на наши торжества, всем аплодировали.

Наконец, председатель совета отряда, белокурая Нина подходит ко мне.

— Шалва Александрович! Мне поручено принять вас почетным пионером!

Почетным?! А я так старался, делал все, чтобы стать пионером обычным, рядовым.

Я произнес свое обещание. Нина повязывает мне галстук, жмет руку, поздравляет, вручает памятный подарок.

Возвращаюсь в строй и только теперь замечаю, какими удивительно красивыми стали ребятишки.

- Ребята, спешите делать добро! призывает нас Нина.
- Буду творить доброе! кричу я тоже, отдавая салют.

Отряд шестиклассников объявляет: «Мы передаем в подарок новому отряду барабаны и горн!»

Барабаны вручаются Гии и Магде, горн — Дато. Вожатая продолжает:

— Вручаем вам также секретный пакет. В нем лежит запись координат местонахождения флага вашего отряда. Ищите его после десятого ноября! — Пакет она передает нашему вожатому.

Мы возложили цветы на могилу Неизвестного солдата. Встали в почетный караул.

А когда объявили, что теперь направляемся представлять монтаж и мы маршем под звуки барабана и горна направились к открытой эстраде парка, то за нами потянулась толпа. Дети опережали всех, торопясь побыстрее занять места в первом ряду.

Я, конечно, не пел, не танцевал, не читал стихов. Я — почетный пионер — сидел в первом ряду среди незнакомых мне детей, наслаждался и гордился тем, что происходило на сцене, аплодировал вместе со всеми и думал, вспоминал некоторые эпизоды из прошлого, анализировал их, находясь под впечатлением торжественной линейки.

Должен ли ребенок запомнить на всю жизнь, как он сделал шаг в своем взрослении? Обязательно! Однако мы, взрослые, должны сделать этот день незабываемым для него. Иначе он может испариться из памяти, как испарился из моей памяти день вступления в пионеры. Мы должны сделать этот день памятным, но не в том смысле, чтобы подарить ребенку день, как сувенир, как воспоминание за упокой души о нас, своих воспитателях.

Человек воспитывается постоянно (его воспитывают, он сам себя воспитывает). Но воспитывает его не только настоящее, не только будущее, но и прошлое, собственное детство, воскресшая из детства память о пережитых событиях. Именно так: в трудные минуты (да и в счастливые тоже) взрослой жизни его может посетить собственное детство и — пожалуйста, прошу вас, поверьте мне на слово! — изменить человека, уговорить его, направить, посоветовать ему.

Детство приходит к человеку, как приток энергии, как сила и как душа, неся с собой памятные события, яркие образы, случаи, которые могли ожесточить или счастливить его в том прошлом. Без памятных дней у человека не было бы прошлого вообще. Памятные дни обычно существуют как вдохновение, понимание, переживание, сочувствие, стремление.

Полуторагодовалый или, может, двухлетний ребенок (говорю о себе) играл у ручейка под ореховым деревом, строил мост на ручейке и был выпачкан в грязи. Вдруг случилось что-то удивительное и неожиданное: чьи-то сильные руки оторвали его от ручейка и подняли высоко-высоко. Легкий испуг был рассеян каким-то приятным, заботливым ветерком слов, звуки которых мальчишка впитывал всем телом, и он впервые — чуть осознанно — ощутил какую-то необыкновенную радость.

Может быть, с того мгновения-события я и узнал своего отца, с того момента и полюбил его?

Это — может быть.

Но скажу без сомнения; будучи отцом своих детей, я постоянно помнил о том несмышленом мальчугане, и каждое появление его в моей душе внушало мне любить детей, усиливало мою заботу о них.

И опять — может быть. Может быть, тогда и родился во мне педагог, учитель, воспитатель? Тот двухлетний мальчуган и сейчас навестил меня. Когда я пишу эти строки, он играет себе у ручейка и без слов внушает мне: ребенку нужны события в жизни, добрые, заполненные человеческим чувством, которые он унесет в свою взрослость. Ребенок — это как отправляющийся в далекие, неведомые края путник, которому обратно никогда не вернуться; но тайну, что ему не суждено вернуться обратно, знаем только мы, взрослые, а сам он этого не знает и не хочет знать; и нам, воспитывающим и провожающим его, нужно дать ему с собой полный мешок духовной пищи, чтобы там, на разных остановках жизненного пути, ему было чем восстановить силы.

В памяти всплывает случай почти тридцатипятилетней давности, когда мне, как и Амирану сейчас, было поручено организовать прием в пионеры тогдашних четвероклассников. Я пришел к классной руководительнице, представился, сказал, что вот хочу подготовить детей, пригласить старых большевиков. Она улыбнулась в знак того, что я что-то усложняю, а все делается куда проще: «Приходи в конце недели, мы уже будем готовы и проведем прием!» И когда я пришел в класс в конце недели, она сделала меня соучастником педагогического очковтирательства. Велела детям встать и хором произнести Торжественное обещание. Потом сказала, что они могут достать галстуки. Дети сразу выудили их из парт. «Давай завяжем галстуки и поздравим!» — обратилась она ко мне. Мы прошли между рядами, и таким образом за пять минут появилось четыре десятка пионеров.

Порадовались они вступлению в пионеры? Порадовались, конечно. Но повидаться бы с этими людьми сейчас, когда им, наверное, 43–45 лет, и спросить: «Помните, как мы

вас в пионеры принимали?» Что бы они сказали мне и классной руководительнице? А если еще спросить: «Как вам тот памятный день сегодня помогает?» — они, нет сомнения, ответили бы, что мы своими расспросами мешаем им в работе. Вырастут мои третьеклассники, и их вожатый повзрослеет, будут они созидать новую жизнь. Но день, когда их приняли в пионеры, неужели забудется ими? Нет, в каждого из них уже заложено возвышающее их душу впечатление, которое всю жизнь будет памятно для них. Это та духовная пища, которая не раз будет придавать силу их стараниям и стремлениям даже через много-много лет...

Обратно мы пошли опять маршем. Но теперь впереди шел наш отряд, а за нами — шестиклассники.

— Видишь, они уже стали пионерами! — говорил какойто папа своему сынишке.

Да, мои ребятишки искренне обещали, что будут хорошими людьми. Но и всем взрослым, с которыми им придется повстречаться на пути своего взросления, тоже следовало бы дать им обещание, что они будут примерными взрослыми людьми, покажут яркие образцы жизни и деятельности Нового Человека.

Фантастическая жизнь

Что происходит в жизни детей после приема в пионеры? Почти что ничего. Чаше всего ребята что-то планируют, о чемто мечтают, а сами дела остаются обычными. Вожатые, как правило, штампуют планы и помыслы детей. Они действуют по инструкциям: выпускать стенные газеты, оформлять альбом отряда, проводить сборы отряда, готовить утренники, может быть, взять какое-нибудь трудовое обязательство и т.п. По совету и по наставлению классных руководителей пионеры в свой план записывают еще лозунги: «Бороться за

успеваемость», «Укреплять дисциплину», «Организовать помощь отстающим...» И в отряд приходит скука. Вначале ребят манит сама пионерская форма, галстук. Потом все возвращается в обычную колею: та же самая воспитательная работа, те же самые «мероприятия», теперь уже выдаваемые за пионерские дела, за пионерскую работу. Новое заключается в том, что детям на каждом шагу напоминают, что они пионеры и им должно быть стыдно по тому или другому поводу, что поведение кого-то совет дружины обсудил на своем заседании, кого-то за недостойный поступок «прописали» в стенной газете и т.д. Вообще детей часто ругают, порицают («Ты пионер, как же это так») и мало поощряют.

Чем интереснее будет детская жизнь, тем больше появится ребят, проявивших смелость, преданность, сообразительность. А если эту жизнь подменять административной жизнью, то в ней не будет места романтике и фантазии ребят. И получается, что дети, с радостным ожиданием вступившие в пионеры, сами не могут строить свою жизнь, а взрослые поудобнее для себя регламентируют воспитательный процесс и ведут его под строгим контролем. Это происходит тогда, когда классный руководитель недооценивает значение самостоятельности в воспитании детей, а рядом нет вожатого, который нес бы своим ребятам фантастическую жизнь.

А вообще, можно ли сделать жизнь детей фантастической? Конечно, можно. Это сказал Лери. Недавно он стоял, окруженный группой ребят из других третьих классов, и с набухшими на шее жилами кричал: «Хочешь, поспорим... Спроси кого хочешь, все скажут, у нас фантастическая жизнь, понял?» Находящиеся там же Гия и Лали сразу подтвердили: «Конечно, фантастическая... А вожатый какой? Тоже фантастический!»

Всю нашу жизнь Амиран действительно круто перевернул. Не без моей помощи и поощрения, конечно, но у него самого была богатая фантазия, и он не видел преграды для ее осуществления. Вожатый поделился со мной тем, как он нач-

нет с ребятами новую жизнь, а я потом дополнил эту мысль и сделал ее своей заповедью, ибо то, что происходило у нас в классе, полностью подтвердило, что вожатый был прав: чтобы вступившие в свою самостоятельную организацию дети закрепили в себе страсть к обновлению, новую жизнь с ними надо начинать сразу, и она должна резко изменить обычную до нее жизнь, сделав ее более интересной, богатой, ответственной.

В нашей же фантастической жизни, с ноября до апреля, произошли следующие события (называю только самые важные).

Ноябрь. Отряд наш мы сделали кораблем дальнего плавания. Назвали корабль «Надежда». Капитаном корабля назначили (то есть выбрали единогласно) Илико, его помощниками стали Лери и Русико. Решили, что капитан должен отчитываться перед нами в последнюю пятницу каждого месяца. Нам нужно было построить свой корабль. Ежедневно в течение недели капитан отправлял в кабинет труда по шесть-семь «строителей». Потом мы «спустили» его в океан, то есть провели сбор, на котором каждый помечтал, на свершение каких дел хотел бы направить корабль. На корабле — а он длиной в один метр — написано «Утверждать добро — бороться со злом». Вдоль него, вместо маленьких люков, наклеены фотографии каждого из нас, включая вожатого и меня. Корабль очень красивый, трехпалубный, с флагом. Мы его установили в классной комнате, специально освободив для этого уголок.

Капитан получил зашифрованную телеграмму:

12.1.7.10.20.1.15.21:12.16.18.1.2.13.33:14.6.25.20.1:

19.16.3.6.18.26.16:19.6.12.18.7.20.15.16:

17.18.10.12.19.29.3.1.32:

3.6.19.6.14.15.1.5.24.1.20.16.14.16:15.16.33.2.18.33:

3.26.6.19.20.15.1.5.24.1.20.30:15.16.13.30:15.16.13.30:

17.8.10.25.1.13.10.20.30:12.16.18.1.2.13.30:

3.2.16.6.3.16.11:4.16.20.16.3.16.16.19.20.10:

12:22.16.15.20.1.15.21:

17.18.10.26.12.16.13.30.15.16.4.16:17.1.18.12.1:

3.16.8.1.20.29.11:

Мы заперлись в классе, и с карандашом в руке каждый из нас молча приступил к ее расшифровке. Текст гласил:

Капитану корабля «Надежда»

Совершенно секретно. Приказываю.

Восемнадцатого ноября

В шестнадцать ноль-ноль

Причалить кораблю в боевой готовности

К фонтану пришкольного парка.

Вожатый

В парке весь состав корабля получил «боевое задание»: обнаружить по заданным координатам флаг корабля. Искали долго. Стало темнеть. Связные то и дело доносили вожатому о результатах поиска. Флаг нашел Бондо. Описать вам, как мы обрадовались? Капитан сразу выстроил команду и доложил вожатому: «Флаг корабля "Надежда" обнаружен. Его нашел пионер-матрос Бондо!» Вожатый объявил благодарность Бондо, пожал ему руку, и, как было условлено, Бондо стал знаменосцем команды. Мы торжественно доставили наш флаг в школу, установили его в углу рядом с кораблем и заперли комнату. Бондо перепроверил, надежно ли были закрыты двери.

Декабрь. Вожатый предложил пионерам: «Помечтайте, что бы нам сделать интересное!» Ребята помечтали-помечтали и вместе с вожатым решили на январских каникулах причалить на нашем корабле к «берегам» Бакуриани. Уговорили родителей, они помогли организовать путевки для всего состава корабля. Готовились вовсю.

Для октябрят устроили новогоднюю елку, пришли к ним с подарками, провели с ними игры, танцы, показали мультфильмы.

Всем родным, близким, товарищам написали и отправили по почте новогодние поздравления.

Январь. Все каникулярные дни января провели в Бакуриани. Научились кататься на лыжах. Для туристов в

клубе турбазы провели концерт. Туристы были очень довольны.

Посетили школу. Местные ребята, которые подружились с нами, приняли нас гостеприимно. Мы им представили спектакли нашего кукольного театра. Обменялись с ними адресами.

По вечерам у нас шел интересный разговор о разных проблемах: о человеке, о том, как нам надо бороться против зла и т.д. Читали книги. Особенно нам запомнился «Таинственный остров» Жюля Верна.

Вожатый заставлял всех вставать рано утром и делать физзарядку. Каждое утро он проверял упругость мускулов у мальчиков. Некоторым говорил: «Молодец... Очень хорошо... Налицо успехи!», а некоторым что-то шептал на ухо. На полянке из снега мы построили большой дом, куда могли входить сами, слепили большого деда-мороза, дом отгородили снежным забором.

Когда возвращались домой — сперва в маленьких, словно игрушечных, вагончиках узкоколейки, а потом на электричке, всю дорогу пели песни, играли, шутили. Мы возвращались домой загорелые, с крепкими и чистыми легкими, жизнерадостные, счастливые, а также более опытные. Бакурианские каникулы еще сильнее сдружили нас.

Февраль. Каждая девочка получила зашифрованную телеграмму. Как ни старались мальчики узнать, в чем дело, успеха так не добились. Вскоре все об этом забыли, так как мы включились в военно-патриотическую игру под кодовым названием «Орленок». К нам пришли старший пионервожатый и военрук. Они объяснили нам нашу задачу: мальчики будут дозорными и связистами, а девочки будут оказывать первую медицинскую помощь раненым. Игра проводилась в окрестностях Черепашьего озера, куда мы поднялись по канатной дороге. Наши мальчики ловко обнаружили местонахождение противника и донесли командованию. Девочки вывели с линии фронта четырех раненых и оказали им первую

медицинскую помощь. За отличное выполнение боевой задачи командование игрой объявило составу нашего корабля благодарность, а Зурико и Гига были награждены грамотами.

Накануне дня Советской Армии наши мальчики обнаружили в своих ранцах пригласительные билеты: девочки в их честь устраивали большой концерт. Были приглашены и ребята из других классов. Мальчики радовались и гордились. Когда все кончилось, девочки передали каждому мальчику запечатанный конверт: «Это для ваших родителей и родных!» В письмах, которые были вложены в конверты и подписаны девочками, содержались слова благодарности родителям за то, что они воспитали доброго, честного мальчика, верного товарища и храброго защитника Родины.

Март. Засекреченные телеграммы с заданием по организации торжеств 8 Марта получили мальчики, и праздник прошел у нас на славу. Все девочки сияли от радости. Счастливы были и мамы, которых тоже пригласили на праздник.

Перед наступлением мартовских каникул мы устроили субботник для очистки пришкольного парка. Послали коллективное письмо в горсовет с

просьбой отремонтировать и перекрасить скамейки в парке. Получили ответ, что в апреле скамейки будут перекрашены.

На мартовские каникулы каждый член команды корабля «Надежда» получил засекреченное задание.

Апрель. После каникул ребята принесли в школу скворечники. Мы их прикрепили на деревьях в парке, помогали нам одноклассники вожатого. Провели читательскую конференцию. Получили задание от совета дружины: для школьного музея Великой Отечественной воины собрать всевозможные экспонаты. Ребята принесли из дома треугольные письма, полученные родными с фронта, фронтовые фотографии, фронтовую солдатскую шинель, гимнастерку, котелок с вмятиною от пули, окровавленный комсомольский билет; 75 таких экспонатов мы передали совету дружины.

В середине апреля капитан получил зашифрованную телеграмму. В ней мы прочли следующее:

Ко мне начали ходить мамы, папы, бабушки, дедушки. «Что это за двухдневный поход? Это же опасно! А дети пристают. Что делать?»

«Отпустите, дорогие родители, ваших детей в поход. Ну, конечно, будут трудности, дети устанут. Но ничего страшного, уверяю вас, не произойдет. Зато приедут они из похода полные впечатлений и еще немножко закаленные в дружбе и храбрости!» — так я уговаривал родителей. А сам думал: «Ведь это же риск? Третьеклассников я никогда не водил в двухдневные походы с ночлегом в палатках, да еще в лесу!»

Не водил, но вот сейчас поведу их с вожатым вместе, а план у нас такой фантастический, что мне самому не терпится прожить эти два походных дня. А что касается риска, объясню ребятишкам, чем я и родители встревожены, они смогут понять и помогут...

Вот мы и сидим сейчас в электричке, нам ехать всего двадцать минут. Раннее утро, видно, будет хороший день для похода. Ребята вместе с вожатым поют веселую походную песенку:

Хмурый вагон вдруг затанцевал по рельсам в такт музыке, развеселился, а сонный день трет глаза и улыбается членам команды корабля «Надежда».

Электричка здесь останавливается специально для нас. Все в порядке. Мы быстро сходим и машем рукой доброму машинисту, который гудком прощается с нами и тоже машет рукой.

Вожатый дает команду строиться. Строем прошагали мы метров триста, перешли через узкий мост ЗАГЭС (нас пропустили тоже добрые люди) и подошли к подножью горы. Там мы останавливаемся и получаем последние инструкции от начальника штаба.

- Сперва о сигналах и связи, говорит он, послушайте еще раз! Тенго, Зурико и Вахтанг, наши горнисты, поочередно трубят в горн, издавая разные сигналы. Начальник штаба каждый раз обращается к ребятам в строю:
 - Что это за сигнал? А это? Мы отвечаем:
- Это «Внимание!» Это сигнал первой группы... Это второй группы... Это третьей... Это значит «Отзовитесь!», «Все в порядке!», «Помогите!», «Мы уже на месте!», «Нам хорошо!».

Испытания проходят успешно.

— Достаньте карту маршрутов... Посмотрите еще раз внимательно... Все ясно?

Ну конечно, ясно, мы наизусть знаем нашу карту. Наконец, последнее:

— Взаимопомощь! Сообразительность! Мужество! Мы повторяем эти слова. Суть их должна сопутствовать каждому из нас во время всего похода.

Начальник штаба отдает распоряжение командирам групп, то есть мне, дяде Автандилу и самому себе:

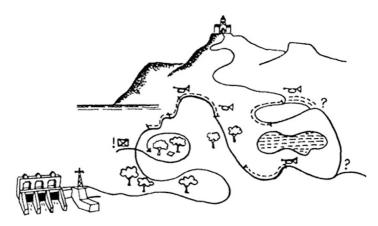
— Приступите к осуществлению первой части плана похода! У каждой группы свой маршрут. В первую часть похода включается восхождение на гору, на которой возвышается старинный Джварский монастырь.

Я отвожу свою группу в сторону. Ее составляют: Лери (помощник командира), Зурико (горнист), Ия (медсестра), Лали, Сандро, Гия, Марика, Дато, Ираклий, Эка, Майя, Магда, Елена. Нас вместе со мной — четырнадцать человек.

— Ну как, тронулись? Лери, возглавляй группу!

Лери знает, что делать. Он предупрежден, что мы на него будем надеяться, и потому он не должен ошибиться. А карта, по которой мы следуем, сложная. Хотя начальник штаба спрашивал нас: «Ясно?» — мы знаем, что это в действительности означает следующее: «Ясно вам, что у вас в пути будут неясности?»

— Начнем вот оттуда! — указывает Λ ери на столб линии электропередач. Мы идем уже не строем, свободно. По нашим картам видим, что Λ ери прав, и движемся дальше.

Ему можно довериться: он умеет читать карту и хорошо разбирается в местности. Он и с помощью компаса, и по приметам легко определяет стороны горизонта. Хотя Амиран еще не испытывал его, хотя у него еще не было случая заблудиться в темном лесу, чтобы проявить свое умение ориентироваться, тем не менее мы верим в него. А вожатый даже однажды сказал: «Лери все может, он и в космосе не потеряется!»

Лери упорно смотрит в карту. Ему нельзя ошибиться: ведь за ним идут другие. И я чувствую, как он, преисполненный ответственности перед товарищами, взрослеет на глазах...

Сперва мы видели, как искали начало своего пути ребята из группы Амирана. Но вскоре они скрылись с наших глаз.

Шагаем весело. То тянемся гуськом по узкой тропинке, то идем по двое, по трое. Все сверяем с картами и подтверждаем наблюдения Λ ери.

Всходит солнце. Поют птички. Девочки по пути собирают цветы. Так мы идем примерно полчаса.

- Стойте, прислушайтесь! кричит вдруг Магда. Где-то за горами мы слышим сигнал горна и расшифровываем его: «Внимание... третья группа... У нас все в порядке!»
- Отвечай! говорю я Зурико. И он немедленно возвращает через горы сигнал: «Внимание... Первая группа... Нам хорошо!»

Ираклий волнуется:

- Значит, они уже преодолели первую трудность? Мы опаздываем? Лери, идущий впереди всех, поднимает руку. Мы останавливаемся. Лери возбужден.
- Вот здесь, где-то здесь спрятано письмо! Тщательно проверяем местность по нашим картам: одинокое дерево, огромный камень, правильно!
 - Так, давайте поищем письмо! говорю я.

Снимаем рюкзаки, кладем их под деревом и приступаем к обследованию местности, указанной на карте стрелкой и обведенной линией. Общими усилиями переворачиваем камень. Нет там ничего, кроме роя подземных насекомых. Некоторое время мы увлеклись этим роем. Лери напоминает, что надо искать, а не забавляться. Ищем письмо в траве. Внимательно изучаем дерево. Может быть, наш секрет висит там, наверху? Помогаем Гии взобраться на дерево. Ничего нет. Опять раскрываем карту — может быть, ищем не там? Вроде бы все правильно. Время уходит, нервничаем. Елена задумчиво смотрит на дерево, обводит глазами местность: «Соображай, соображай, червячок, помоги найти, сверчок... Соображай!» — и, как будто уже наткнулась на тайник, кричит радостно: — Под рюкзаками... письмо там, там...

Мигом убираем рюкзаки. Елена приседает на корточки, сует руку в норку под старым толстым корнем дерева и вытаскивает оттуда завернутый в целлофановый пакет наш секрет.

- Вот он, вот он! дети радуются.
- Раскрой скорей!

Из пакета достаем крошечную измятую бумажку, расправляем ее. Расшифровываем цифры (шифр знаем почти наизусть: 17 — это «п», 18 — это «р», 10 — «и» и т.д.). Эка и Магда записывают словами:

Только группе 1-го корабля «Надежда»

Совершенно секретно.

Приказываю сразу сегодня после прибытия на место

Ночевки помочь дяде Георгию в установлении палаток.

Проверить надежность креплений.

О результатах доложить секретно.

Начальник штаба Амиран

— Задание очень серьезное! — говорю я. — Если ночью вдруг поднимется ветер, а палатки не будут хорошо укреплены, они могут развалиться!

Словесную запись секретного задания уничтожаем, зашифрованную же запись суем в карманчик Лери.

- Пошли, мы опаздываем! командует он. Начинается один из сложных отрезков пути.
 - Взаимопомощь! предупреждает Лери.

Тропинка и правда неприятная, приходится прыгать через обрыв, медленно и осторожно проходить между скалами, карабкаться по ним. Мы, все семь мужчин, с полной ответственностью за жизнь девочек подстраховываем их. Прошли всего метров пятнадцать, а потратили минут двадцать. Вот какая была тропинка на этом месте.

— Нужно трубить! — говорит Лери.

И по горам карабкаются звуки нашего горна: «Внимание! Первая группа! У нас все в порядке! Отзовитесь!»

Через минуту мы услышали — только где-то очень далеко — ответные сигналы второй и третьей групп: «Молодцы! Нам тоже хорошо!»

После преодоления еще одного сложного отрезка мы увидели в чаще озеро.

- Какое оно белое! удивлялись дети. Это было соленое озеро. Карта не рекомендовала спускаться в чащу к озеру, которое больше походило на белую грязь. И вот еще один сложный отрезок. Здесь есть выбор: мы можем идти или по очень сложному, но короткому пути, или же обогнуть его. Останавливаемся как быть. Мальчики хотят показать, какие они храбрые, и предлагают карабкаться по этой маленькой, скалистой, скользкой тропинке. Девочки предпочитают более спокойную дорогу.
- A мы еще не знаем, какая вторая дорога, а вот эту видим! не отступают мальчики.

Но девочки настаивают, и мы идем по второму пути. Зазвучал наш горн, сообщая другим, что у нас все в порядке. Ответные сигналы мы услышали совсем близко. Вскоре мы увидели, как вторая группа, а за ней и третья вышли на шоссейную дорогу. Последние несколько десятков метров подъема мы взяли почти что штурмом. Мы первые завершили этот участок похода. Ребята, как будто давно не видели друг друга, обнимаются, наперебой рассказывают, какие в пути преодолели трудности. Но о секретных заданиях никто ни с кем ни словом не обмолвился. А ведь такие задания были у всех!

Уже 11 часов. Мы проголодались. Начальник штаба дает 30 минут для отдыха. Ох, как вкусен бутерброд, да еще после сложного пути, как сладок глоток воды, которым запиваешь вкусный бутерброд!

Потом мы слушали интересный рассказ дяди Автандила о Джварском монастыре, с высоты горы смотрели, как соединяются друг с другом реки Кура и Арагви, любовались городом Мцхетой, древней столицей Грузии. Сделали зарисовки монастыря и его окрестностей.

В час тридцать начальник штаба собрал всех нас и объявил:

- Сейчас мы должны преодолеть самый трудный участок пути. Это будет крутой склон горы, на которой мы находимся.
 - Да-а-а-а! Это не шутка!
 - А как мы спустимся? Там удержаться невозможно!
- Будем держаться за веревку, которую закрепим вон там! Сперва спускается дядя Автандил медленно-медленно, за ним следует Русико, дядя Автандил подстраховывает ее.
- А теперь пусть спустится... Мальчики перебивают друг друга...
 - Я, я...
- Ну давай! и начальник штаба отправляет к веревке первого «я» Зурико. Он цепко хватается за веревку и движется со своим рюкзаком на спине медленно и осторожно, готов одновременно поддержать Эллу, которая начала спускаться вслед за ним...

Почти час мы потратили на эту сложную операцию, но и накопили столько эмоций, переживаний, замираний сердца, восторга, что если сложить все вместе, хватило бы одному человеку на всю жизнь. Все обошлось без увечий. А царапины на ногах и руках даже были престижны. Наши медсестры тут же смазали их йодом.

Последним спускался Амиран. Без веревки. Веревки он отвязал и бросил вниз. Мы все смотрели на него, затаив дыхание, с замиранием сердца.

«Ох... ох... ох... не могу смотреть... он упадет... он встал... он уже... Ура!» — встречаем Амирана аплодисментами.

Но нам нужно на ту сторону реки, в Мцхету. Как быть? Как мы переправимся на ту сторону? Двое молодых парней подогнали длинную плоскодонную лодку. Мечта! В три рейса они перевезли нас на западный берег реки. Там все три горниста приложили к губам горны, направили звуки своих инструментов в чистое небо и запели на весь мир: «У нас все в порядке... А как у вас? Отзовитесь!»

А дальше? Все интереснее и интереснее. Вот что дальше.

По улицам Мцхеты мы прошли с барабанным маршем. Все на нас смотрели.

Во дворце храма Свети-Цховели для туристов устроили импровизированный концерт с грузинскими танцами. Собравшиеся вокруг нас вместе с нами пели известную «Цицинателу». По дороге мы остановились у памятника борца за свободу крестьян Арсена Одзелашвили и почтили его память.

Начальник штаба приказал продолжить поход по маршрутам.

Мы с Λ ери, следуя заданной карте, вошли в лес и углубились в него.

Опять трудности. Взаимопомощь, сообразительность, мужество мы проявляем на каждом шагу.

Проголодались. И вдруг — запах, знакомый, аппетитный. Третья группа готовит всем обед (не это ли их секретное задание?).

А где дядя Георгий? Оставляем рюкзаки и идем вдоль ущелья.

Вот и ребята из второй группы вместе с Амираном. Они тащат хворост.

— Зачем вам хворост?

Нам не отвечают (не секретное ли это задание для второй группы?), зато спрашивают, куда мы идем. Но и мы оставляем их без ответа (у нас тоже есть свой секрет) и продолжаем идти дальше.

Внизу, на берегу реки, мы увидели дядю Георгия. Он устанавливает палатки.

— Мы вам поможем, дядя Георгий! Работаем час, два. Устали, конечно. Но зато какие палатки, мы там заночуем (ой как жаль, что только одну ночь).

Проверяем прочность натянутых веревок, забитых в землю палок. Все в порядке. Вот спустимся сейчас туда, к остальным, тайком, чтобы никто-никто не узнал. Лери доложит начальнику: «Ваш секретный приказ выполнен!»

Лесной обед усталых ребят. Но шумный обед, да еще вкусный!

Сейчас уже три часа дня.

— Отбой до 17 часов! — объявляет начальник штаба.

Мы бежим к палаткам, устраиваемся в них и засыпаем или лежим с закрытыми глазами, мечтаем.

Мечта — костер в душе

Сгущаются сумерки. Мы заканчиваем укладку хвороста. Место выбрано безопасное. Скоро начальник штаба отдаст распоряжение трем представителям групп (наша группа поручила это дело Эке, другие — Тамрико и Гиге) разжечь костер...

Костер — наша мечта! Кто не мечтает провести долгую ночь у костра, беседовать с друзьями, слушать, уходя в раздумья, мудрость взрослых. Тихая беседа, доверительный разговор, треск догорающего хвороста, удивительно таинственно освещенные лица.

Не нужны тут никакие воспитательные планы, цель (о чем говорить, что внушать, что воспитывать), ибо сам костер всегда есть цель и способ воспитания, и даже его содержание.

Горит-догорает костер, а душа становится чище, как будто весь хлам житейских забот, успевший за прошедшее время засорить твой духовный мир, сгорает в этом огне, превращается в пепел. Костер — убедительнейший способ утверждения сокровенной истины.

Дети мечтают очиститься у костра, а мы, взрослые, так упорно оберегаем их от живого огня! И даже оправдываемся: мол, нам некогда! Нужно проводить уроки, сборы отрядов, дружины, комсомольские собрания, диспуты, объявить

сбор металлолома, макулатуры. Затем записать обо всем проделанном, а то, чего доброго, придут проверять. Нам важнее планировать, планировать все — и то, что продиктовано, и то, что вздумается. В планах можно записать и пункт о кострах, только тематических. Знаем, разумеется, заранее, что они у нас не зажгутся, пионеры их не увидят. Ну что же, не было времени, зато было желание, а это тоже многое значит. Зажечь костер, думаете, легкое дело? В школе костер не устрочшь, нет места для этого, нельзя, не разрешают. Чтобы увезти детей куда-то далеко, тоже хлопотное дело: согласовывать с инстанциями, брать разрешение на костер. Разрешат еще или нет. А разве плохо, если придумаем искусственные, электрические костры, которые могут гореть в пионерских комнатах? Пусть по очереди соберутся пионеры, затемнят комнату, сядут культурно на стульях вокруг «костра» и помечтают.

Костры настоящие горят все реже и реже. Они гаснут, во многих школах давно погасли. Дети требуют, и мы утешаем их: пожалуйста, ребята, читайте книги о кострах; читайте и перечитывайте, как Том Сойер и Гекльберри Финн разожгли костер на необитаемом острове и как они размечтались там; пойте песни о кострах, которые устраивают незнакомые вам ребята.

Только не вздумайте тайком от взрослых взять спички и тоже, вроде сорванцов Тома и Гека, разжечь костер во дворе или еще где-нибудь. Будет время, мы сами повезем вас куданибудь и разожжем костер, посвященный... А дети уже не верят в наши обещания.

Сколько лет, боже мой, я не видел пионерского костра? И вообще, какие костры вспоминаю я сейчас? В пионерском лагере, когда мне было еще 9–10 лет, помню, таскали из леса каждый день хворост и укладывали в кучу. А в конце смены все это топливо подожгли. Получился не костер, а пожар какой-то, наш педагог даже отвел нас подальше от него. А взрослые ребята устроили вокруг этого пламени вакханалию: все кричали, орали и подбрасывали хворост... А потом

видел я еще костер во время сборов старших пионервожатых, когда я проходил переподготовку. Тоже собрали много хвороста и тоже устроили пожар и вакханалию. Теперь я понимаю, что у нас гаснут не только костры, но и культура пионерского костра, романтика костра. Костры нужны не большие, а маленькие; не в пионерской комнате, а где-то в лесу; не днем, а когда опускаются сумерки. Ребятам нужны не концерты вокруг костра, а мечтания, душевный, доверительный, жизненный разговор. И чтобы костер состоялся, нужно еще, чтобы вокруг него собрались друзья, хорошо знающие друг друга, а не все, все, когда нет возможности быть откровенным.

Костер под звездным небом — это детский интим, открытие на мгновение сердца и души. Когда загорается костер, то загорается и мечта. Мечта — тоже своего рода костер, костер в душе.

Дети должны уметь и любить мечтать, а мы, взрослые — учителя, воспитатели — должны уметь развивать в них способность мечтать. Мечта — колыбель реальности, которую сегодня утверждаем мы, а завтра ее предстоит утверждать нашим детям.

Стемнело. Пламя медленно обволакивает сухие ветки, поднимаясь все выше и выше. Костер загорелся. Ребята запрыгали от восторга.

- Какой красивый костер! радуется Лали.
- Могу прыгнуть через этот костер!
- A мы прыгать не будем! Это неудобно, он как человек, слышишь, как разговаривает!
 - А ты можешь догадаться, о чем разговаривает костер?
 - Да ни о чем не говорит, просто радуется!
 - Нет, говорит... Или, лучше, думает... мечтает!
 - Костер говорит, что человек должен уметь летать!
 - Человек и так летает, даже в космосе!
- А возможно ли, чтобы из космоса наши космонавты заметили наш костер?

- Можно, можно... У них такие приборы, что даже иголочку на земле могут обнаружить!
- Не преувеличивай! Как они могут видеть из космоса иголочку!
- Знаете, вот бы сейчас сидеть в космическом корабле и лететь к звездам!
 - Я видел космический корабль в Москве, на ВДНХ¹...
- Когда мы вырастем, в космосе уже будут построены станции, там люди будут работать.
- А ты не хотел бы, чтобы тебя посадили в космический корабль и отправили к далеким звездам, галактикам?
 - Оттуда живым не вернешься!
 - Это почему?
 - Потому что будешь лететь сто лет!
 - Все же хорошо работать в космосе, я не боюсь!
 - Ой, ребята, скорее посмотрите. Звезда падает!
 - Горит звезда...
 - Это не звезда, это метеорит...
 - Погас уже...
 - Значит, сгорел в нашем пространстве!
 - Как сгорел?
 - Почитай энциклопедию, узнаешь!
- Бабушка мне сказала, что когда падает звезда, значит, умирает кто-то!
 - Это неправда!
 - Почему неправда? Каждую минуту кто-то умирает...
- И кто-то рождается... Но не потому, что падает звезда. Это суеверие...
 - Подбавьте хворосту в костер...
- Знаете, о чем я думаю? Что было бы, если бы ученые придумали что-то такое, чтобы за считанные секунды можно было взлететь на любую звезду!

 $^{^{1}}$ Современный ВВЦ — Всероссийский выставочный центр.

- На звезду нельзя лететь, звезда как солнце... Ты хочешь сказать на планету!
 - Чего вы все о космосе говорите...
- Давайте о чем-то другом! Поговорим о человеке. Папа мне говорил, что человек самое удивительное создание природы.
 - Да, конечно, только голова человека чего стоит...
 - Человек и есть голова, ты видел безголового человека?
 - Я не об этом, человек мыслит, вот в чем дело...
 - Мыслят и другие существа...
- Но не так, как человек. Человек по-другому мыслит, он обобщает, исследует.
- Если когда-нибудь я стану ученым, буду исследовать мозг человека. Когда я думаю о своем мозге, все удивляюсь, как он думает. Понимаешь, думаешь, но не знаешь, как думаешь...
- Но дело не только в этом. Я вам скажу, что меня возмущает. Почему бывают злые люди, откуда они берутся? Мой дедушка рассказывал, что у них на работе директор какой-то все только о том и думает, как навредить подчиненным. Они всюду пишут, чтобы убрали этого директора куда-нибудь, но пока у них ничего не получается. А этот директор еще больше злится. Человек не должен быть злым. Ведь все равно умрет, значит, нужно доставить людям что-то хорошее. Неужели нельзя придумать такие таблетки, от злости. Проглотит злой человек таблетку и станет хорошим и добрым...
 - А злые сами не будут глотать эти твои таблетки...
 - Надо заставить...
- Знаешь что, надо воспитать, с детства надо воспитать доброго человека!
- Ребята, вот пройдут годы, мы станем такими же взрослыми, как Шалва Александрович, как тетя Кетино, как дядя Автандил, дядя Георгий. Скажите, кто из вас может стать злым и вредить другим?

- Что значит вредить? Если, скажем, человек ворует, а ты схватишь его и доставишь в милицию, значит, ты злой?
- Да нет, я не об этом. Ну, скажу так: станет ли ктонибудь из вас вором?
 - Чего еще!
- ...Хулиганом... плохим отцом, как... Будет ли ктонибудь из вас умирать от зависти, лгать и обманывать людей, плохо работать... Вот что я имею в виду.
 - Я могу поклясться, что таким никогда не стану...
 - И я не стану таким...
- Да, вот сейчас так говорим, но когда вырастем, можем забыть о том, что говорили у костра. У моего отца был один школьный друг, души друг в друге не чаяли. Но что он сделал, этот друг? Написал на отца анонимку. Хотел место отца занять. Потом все узнали, и они уже не дружат друг с другом...
- А мы можем, знаете, поклясться у этого костра, что до конца жизни останемся друзьями, будем помогать друг другу и будем говорить друг другу правду в глаза...
 - Это хорошая мысль. А как поклясться?
 - Да, вот так. Пусть вожатый скажет нам слова клятвы.
- Вот что я вам скажу. И если кто согласен, пусть повторит следом то же самое вполголоса. Я, член экипажа корабля «Надежда», клянусь...

Все повторяем:

- быть в жизни всегда человеком честным...
- ...человеком честным...
- ...радоваться успехам своих товарищей по кораблю «Надежда»...
 - ...по кораблю «Надежда»...
- $-\dots$ и если кому-нибудь будет плохо, оказать незамедлительную помощь...
 - ...оказать незамедлительную помощь...
 - Клянусь не забыть эти слова...
 - ...слова...

- ...и этот костер дружбы...
- ...и этот костер дружбы...
- А теперь трижды как можно громче произнесем «клянусь», чтобы пламя костра унесло нашу клятву в космос и там спрятало, а этот лес останется свидетелем того, в чем мы поклялись.
- Клянусь... клянусь... Молчание. Подкидываем хворост в костер.
 - Что же вы все так сразу умолкли?
- Знаете что, пусть каждый подумает о каком-нибудь родном для себя человеке, согласны?
 - Если кто хочет, может сказать нам, о ком он подумал...
 - Пусть скажет Шалва Александрович...
- Могу сказать, конечно. Я думал о своем отце. Он добровольцем пошел на войну. Когда уходил, мне ужасно хотелось подарить ему что-нибудь хорошее. Не было у меня ничего, кроме авторучки с пипеткой, без головки. Эту авторучку я и подарил тогда ему... Я еще вспомнил отца, когда он, на другой день как фашисты ворвались в нашу страну, приехал в Коджори, где я находился в пионерском лагере, и забрал меня. Я тогда не понимал, что такое война, почему на нас напали... Потом отец уехал на войну и погиб гдето в Крыму. Ему было тогда 38 лет, я сейчас старше своего отца на 14 лет. Представляете? Вот я смотрел на костер и все думал о том, как я благодарен ему. Порой встречаюсь со старыми людьми, которые знали отца, и они говорят мне: «Знаешь, какой у тебя был отец!» И я еще помечтал здесь: а что если воскрес бы он хоть на один день, посмотрел бы на своих детей, которые уже старше его на много лет. Он бы, наверное, сказал, что не зря пролил кровь... Вот об этом я думал эти три минуты...
 - Война унесла много жизней...
 - Двадцать миллионов человек погибли...
 - У моего дедушки погибли два брата...

- Мой дедушка тоже погиб. Я его по фотографии знаю, он очень молодой...
- Давайте почтим память погибших на войне минутой молчания! Все встаем. Что же нам еще сделать для вас, добрые люди, наши родные,

наши мужественные.

— Спасибо всем, кто защищал нашу Родину, нашу сегодняшнюю жизнь!

Все вполголоса повторяют эти слова. Молчание не нарушается. Слышим, как шумит речка в ущелье, где-то кричит сова, поет ансамбль стрекоз, воет шакал. Волк? Медведь? Страшно? Нет, приятно, что можешь перебороть в себе страх. Скажи кому: «Пойди, принеси кувшин воды из речки!» — пойдет без лишних слов, побоится, конечно, темноты, но не подаст виду.

— Я, знаете, о ком думала? О маме. Она все кричит на меня, все ругает, не любишь, говорит, меня. А я ее очень люблю. Я дома всегда одна. Папа и мама приходят с работы поздно. Папа тоже чем-то недоволен. Бывают неприятности. Как мне все это уладить, об этом я думала...

Общий запас хвороста иссяк. Теперь поочередно каждый из нас будет бросать в костер свои хворостинки, припасенные на этот случай.

— Хотите, прочту стихи?

Стихи слушаем, задумавшись; умеет Нато и читать, и выбирать стихи.

- Не хотите испечь картошку?
- Хотим, а как же.

Кладем в горячую золу картофелины, прикрываем их красными углями.

- Я придумал... Давайте бросим сперва по одной хворостинке и быстро скажем самое заветное желание, хорошо?
 - Давай... интересно...

У каждого в руках по одной сухой веточке.

— Пусть начнет вожатый!

И как карусель, закрутились наши мечты и пожелания вокруг костра. А костер каждый раз вдруг вспыхивал и ласкающим пламенем освещал на мгновение мечтательные лица ребят.

- Мечтаю строить Тбилиси!
- Хочу создать искусственное солнце!
- Хочу быть космонавтом!
- Мечтаю иметь собачку!
- Чтобы был мир на земле!
- Мечтаю, чтобы выздоровела моя мама!
- Мечтаю иметь сестренку!
- Хочу, чтобы скоро получили новую квартиру!
- Чтобы зло навсегда было побеждено!
- Хочу, чтобы вернулся домой папа!
- Хочу, чтобы ожила моя мама!
- Мечтаю о далеких путешествиях!
- Хочу, чтобы все атомные бомбы вдруг превратились в футбольные мячи!
 - Хочу иметь много друзей...
 - Хочу стать учительницей!
 - Стану таким, чтобы бабушка была мной довольна!
 - Мечтаю сделать что-то такое, что очень порадует людей!
 - Хочу, чтобы мой папа воскрес!
 - Хочу быть таким, как мой дедушка!
 - Мечтаю сочинять песни для людей!
 - Хочу, чтобы все люди жили двести лет!
- Мечтаю попасть в прошлое, чтобы доставить туда людям современные знания!
 - Мечтаю быть волшебником!
- Мечтаю, чтобы мои дети были честными и трудолюбивыми людьми!
 - Хочу, чтобы в каждой семье было счастье!
 - Хочу стать сильным!
 - Хочу, чтобы нашим родным сейчас спалось спокойно!
 - Задумал, но не скажу!

- Хочу, чтобы мне доверяли дома!
- Хочу, чтобы папа с мамой не ссорились!
- Мечтаю быть добрым волшебником!
- Мечтаю быть хорошим футболистом!
- Не могу сказать, что я задумал!
- Хочу, чтобы выздоровел мой дедушка!
- Хочу иметь сильную волю!
- Мечтаю о том, чтобы иметь крылья!
- Хочу, чтобы каждый из вас вырос настоящим человеком!
 - Хочу стать очень храброй!
 - Мечтаю, чтобы у нас часто устраивались походы!
 - Мечтаю иметь два сердца, чтобы одно подарить маме!
- Желаю вам всем, чтобы ни у кого никогда ничего не болело!

Все помечтали, пожелали, и костер радуется нашим желаниям.

— Ой, ребята, про картошку забыли!

Достаем картошку. Неужели бывает в мире более вкусная картошка, чем наша, испеченная на нашем необыкновенном костре? Какая вкусная корочка, только осторожно, не обожгись.

Наелись.

— Давайте, ребята, споем!

И в лес, и в небо улетают наши песни.

- Не пора ли спать?
- Не-е-е-ет!
- Ребята, я могу рассказать вам о Циолковском, хотите? и рассказывает.
- Хотите знать, почему я стал учителем? и я сообщаю им о своем первом уроке и о первом шалуне, с которым я повстречался.
- Вы о будущих городах что-нибудь знаете? Вот слушайте! и прямо над костром воздвигается необычный город.
 - А о роботах не хотите?

Костер догорает. Хворост из наших личных запасов тоже исчерпан. Еле различаем друг друга. А время какое? Час ночи!

— Пора проститься с нашим костром! И мы нехотя прощаемся. Уходим в наши палатки, и каждый уносит с собой его огонек...

...Как хорошо спать в палатке, в лесу, в ущелье. Издалека до тебя доносятся какие-то странные звуки. Но тебе все равно, ты не боишься. А этот ночной шум леса? Какая-то удивительная таинственная музыка — и убаюкивает, и тревожит. Очень хорошо! А речка в ущелье! Она никак не умолкает. Она — как первая скрипка в лесном оркестре... Тесно в палатках? Конечно, тесно. В каждую из них забралось по семь человек, а они — на четверых. Но и это прекрасно, что нам тесно в палатке. Пусть кто-нибудь расскажет что-нибудь. Сказку? Вы еще не вышли из возраста сказок? И никогда не выйдете, останетесь там насовсем? Я тоже вроде вас, как мы похожи друг на друга... Ну, хорошо, будь по-вашему. Придумаю сказку прямо на ходу и расскажу, а вы попытайтесь заснуть...

Атака

Нас разбудила веселая игра горна и барабанов. Мы выбегаем из палаток.

- Идите к речке! говорит всем тетя Кетино.
- Как спалось?
- Здорово!
- Стройся!
- Доброе утро!
- Здравствуйте!
- Приготовились к утренней гимнастике. Все со мной начали! Раз-и, два-и, три-четыре... Еще... Новое упражнение, руки назад, раз-и, два-и, три-четыре... сильнее, сильнее, три-

четыре... Прыжки на месте, раз-два, раз-два, раз-два... Танец акробатики под такт барабана. Начали...

Барабан: бум-баба, бум-баба, бумба-рамба, ум-баба, бум-баба, бумба-рамба...

— А теперь всем принять водные процедуры, кто посмелее, может искупаться в речке!

Все тут смелые...

После завтрака на линейке, ровно в 10 часов начальник штаба объявляет распорядок дня. Он у нас такой:

10:30-13:30- армазская спартакиада, спортивная игра.

13:30 - 14:00 - обед.

14:00 — 15:00 — выпуск газет.

15:00-17:00- свободное время (прогулка, чтение, зарисовки, отдых).

17:30 — 18:30 — разбор и укладывание палаток, приведение в порядок местности. Ужин.

18:30 — возвращение.

20:30 — сбор на Михетском вокзале.

Спартакиадой и спортивной игрой командует дядя Георгий, он главный судья наших соревнований.

Горны и барабаны возвещают об открытии армазской спартакиады команды корабля «Надежда».

— Внимание! Сначала будете соревноваться в метании большого камня! Соревнование по всем видам открывают девочки.

Кидает камень Тея.

Мальчики измеряют расстояние.

Затем — Русико, Ия... Лали...

Всплески эмоций и переживаний.

Среди девочек в метании большого камня побеждает Майя.

Соревнуются мальчики. Страсти разгораются. Побеждает Тенго.

— Внимание! Второй вид соревнования — лазание вон на то дерево! — главный судья показывает на ветвистый дуб.

Неуспешные попытки, смех, волнение. Побеждают Ния и Ника.

— Соревнование по попаданию в цель!

Цель — это консервная банка, которую вешают на дерево. Отсчитываем пятнадцать шагов для девочек, двадцать — для мальчиков. Каждому по пять камешков для стольких же попыток. Соревнование начинается. Банка то затрезвонит жалобно, то утихнет. Результат: побеждают Лела и Виктор.

— Прыжки в высоту и в длину! Страсти накаляются.

Побеждают Русико, Елена, Зурико (в обоих видах прыжка).

— Прыжки со скакалками!

Три вида прыжков на скакалке. По всем трем видам среди девочек побеждает Марика, среди мальчиков — Бондо, Котэ, Сандро.

Бег по сложной трассе — от речки до дуба!

Побеждают Эка и Тенго.

Главный судья подытоживает результаты. Девочки в уже приготовленные грамоты вписывают фамилии.

Начальник штаба выстраивает ребят.

Под аплодисменты и барабанный туш называются пятнадцать победителей, ставших чемпионами Армазского ущелья.

— Спортивная игра «Два флажка». Нужно выбрать двух атаманов и разделиться на две равные группы!

После бурных дебатов атаманами становятся Илико и Гоча. Они мигом составляют команды.

— Мы готовы! — докладывают главному судье.

Он дает атаманам по одному флажку и разъясняет всем правила игры. Определяется граница «государств», в тылу устанавливаются флажки. Надо умудриться перебежать через границу и доставить своей команде флажок соперника. Правила игры, конечно, более сложные, нужны ловкость, сообразительность, хитрость, быстрота. Игра увлекательная,

зрелище волнующее, жаль только, что на играющих смотрели всего пять взрослых, считая начальника штаба.

Играющие попросили главного судью поиграть во второй, третий, даже в четвертый раз. Счет 2:2.

— Все, хватит! Идите к речке, помойте руки, успокойтесь. Тетя Кетино стелет белую скатерть на траве и раскладывает хлеб, сыр, яйца. Подбегают девочки. Помогают ей налить всем горячий бульон.

В этом лесу все страшно вкусно!

Свободное время. Что с этим временем делать?

Я веду свою группу обследовать ущелье. А что там? Церквушка? Интересно! Охраняется государством. Еще бы, церквушка XI века стоит в глубоком лесу. Значит, здесь ходили люди еще с давних времен, они были нашими предками. Какая красивая церквушка, видите, какая резьба на камне. Идем дальше. Стоп! Что это такое? Топор? Кто-то рубит дерево? Тссс! Молчите. Прячьтесь за кустами. Дато, Гия, бегите к начальнику штаба, сообщите обо всем, со всеми подробностями. Пусть придут все ребята... Сколько там человек? Два или три? Они сейчас отдыхают. Сидят на дереве, которое уже срубили. Может быть, у них есть разрешение срубить дерево? Нет, не может быть. Этот лес заповедник, историческое место. Выходит, они браконьеры? Враги природы? Тссс, молчите. Сейчас мы все решим вместе с командиром... Как вы, начальник, так быстро и незаметно подкрались? Видите, в чем дело? Как быть? Ждем вашего решения. После вашего свистка? Хорошо. Передайте всем шепотом решение начальника штаба.

Мы видим, как Амиран направляется к людям с топорами, они в разгаре работы не замечают его. Срубают второе дерево.

— Эй вы, остановитесь! — кричит Амиран.

Двое с топорами выпрямились, что-то сказали.

- Почему вы рубите деревья?
- A ты кто такой?

- Есть у вас на это разрешение?
- А ты кто такой? Кто тебя спрашивает!
- Хозяин этого леса! Покажите разрешение!
- Слушай, парень, уйди отсюда, не мешай!
- Не уйду, это мои деревья! Не дам рубить их. Покажите разрешение.
- Разрешение? Подойди, я покажу разрешение! и сует руку в карман.

Амиран шагнул вперед, но тут же отступает.

— Ну, ну, ну! Осторожно! Значит, вы просто браконьеры, так? Раздается свист.

Мы со страшным криком «Держи браконьера!» высыпали из своих кустов, бой барабанов сопровождал нашу атаку.

Окруженные нами браконьеры стояли растерянные. Потом один говорит другому:

- Пошли!
- Нет! говорит Амиран. Бросайте топоры!

Теперь уже явные браконьеры бросают топоры и опять собираются уйти.

— Стойте! Покажите документы!

Топоры в наших руках. Один из испуганных браконьеров бросил нам свое удостоверение. Они ругают нас и уходят.

- Вот каким надо быть! говорит Дато, думая об Амиране.
- У нас нет с собой фотоаппарата, чтобы заснять, что мы здесь увидели.
- Всмотритесь в срубленное дерево! И лица этих браконьеров запомните! Нам надо будет рассказать все в милиции! Пошли, у нас уже нет времени!

Идем обратно, шумно разбираем происшедшее, говорим о нашем вожатом, возмущаемся злостью людей, посягнувших на природную красоту, на народное добро.

Браконьеры поджидали нас.

— Парень! — кричит один Амирану. — Может быть, не надо, а? Верни удостоверение!

- Сейчас, только возьму у ребят разрешение! Вы согласны простить этим людям?
 - He-e-e-eт... не-е-ет!

Вместе с нами гремит весь лес, кричат с возмущением все деревья. Браконьеры выругались и ушли.

Мы быстро сложили палатки, убрали наши вещи, не оставили в лесу ни одного клочка бумаги. Все чисто. И поспешили.

Возвращаемся уже не разными тропинками, как намеревались, а все вместе. Нам нужно теперь держаться вместе.

Тащить палатки мальчикам нелегко. Часто останавливаемся, отдыхаем. И всю дорогу говорим о браконьерах. Это впечатление пока перекрыло все остальные, даже костер.

В отделении милиции нас принимает самый старший, он вызывает своих сотрудников, чтобы они послушали нас. В кабинете еле помещаемся, но все хотят быть именно там, чтобы лично подтвердить, потребовать, возмутиться. Ребята кладут на стол топоры, описывают внешность браконьеров, передают старшему удостоверение одного из них.

- М-да! — говорит старший. — Мы их знаем. Это не в первый раз! Составляем акт, под которым ставим 43 подписи.

Старший провожает нас до вокзала, обещает сообщить о принятых им мерах. До электрички, которая повезет нас в Тбилиси, еще целый час. Ребята вернулись к главным впечатлениям — костер, палатки, соревнования...

— Когда еще будет поход?

Амиран сидит на скамейке, окруженный ребятами, и ведет с ними серьезный разговор...

...Давно это было. Будучи студентом второго курса, я пошел в райком комсомола и попросил направить меня на какую-нибудь работу. Нужно было помочь семье. «Пионервожатым будешь?» И мне дали направление в одну школу. Был конец августа. Вошел я в кабинет директора. Он посмотрел на меня в упор и сказал резко, грубо: «Зачем мне такой пионервожатый, сам мальчишка!» В райкоме комсомола мне дали другое направление: теперь уже в ту школу, которую

я окончил год назад. Мой директор, мои учителя, которые только что выпустили меня из своего гнезда, теперь радушно принимали меня как коллегу: «Ты сможешь, нет ничего невозможного, ты способный, а мы поможем!»

Так я пришел в школу без всякого знания научной педагогики. Я еще не читал ни одного учебника педагогики. Не имел никакого опыта работы с детьми. Просто только что прожил школьную жизнь ученика, которая сама по себе снабдила меня каким-то опытом воспитания и обучения. Я видел, как мои учителя общались со мной, как они воспитывали меня и моих товарищей. Значит, как воспитывали меня, так и я буду воспитывать других, решил я тогда.

Это и была вся теория, с которой я начал свое педагогическое поприще. Хорошо ли это было? Может быть, стоило сначала окончить университет, сдать экзамены по педагогике, прочитать труды классиков, поразмыслить и пофилософствовать о детях вообще, о проблемах их воспитания и лишь тогда сделаться вожаком пионеров? Не буду спорить, было бы неплохо, если бы я тогда знал некоторые теории воспитания. Было бы куда лучше, если бы еще за школьной партой я проштудировал педагогический учебник, и был бы у меня любимый учитель педагогики. Я пришел без всего этого, но вскоре обо мне заговорили как о хорошем пионервожатом. И хотя тогда я был вожатым в стиле императивного педагога, тем не менее, ребята полюбили меня. Тогда я не думал и не пытался объяснить самому себе или кому-либо еще, в чем причина обоюдного стремления друг к другу вожатого и пионеров. Я организовывал спартакиады, соревнования, походы, олимпиады, помогал отстающим, покровительствовал «обиженным». И в этой суете порой прямо из школы бежал в университет на лекции, забыв о том, что нужно снять галстук. «Какой взрослый пионер!» говорили девушки на улице, указывая на меня пальцем.

Но смотрю сейчас на Амирана, пока еще не студента — восьмиклассника, окруженного ребятами, и как будто вижу начало своего пути. Когда-то и я сидел на скамейке, как сей-

час сидит Амиран, тоже окруженный пионерами. Сидел и так же спорил, разговаривал, рассказывал, доказывал, мечтал. Что же нового этот восьмиклассник, не знающий никакой педагогики, внес в детскую жизнь, что так преобразило ее? Ведь ясно мне теперь, что детей не удивишь и не увлечешь походами и сборами металлолома и макулатуры. Даже засекреченные телеграммы, спортивные игры, даже костры не смогут их удивить и воспламенить сами по себе. Есть что-то другое, более важное, самое главное, что придает всему этому окраску романтики.

Это личность самого вожатого.

Если не будет романтики в душе вожатого, у детей не появится страсти к обновленной жизни.

С чем вожатый пришел в наш класс? С жизнью и мечтой, да еще со своим возрастом, пока недалеко ушедшим от возраста самих пионеров. Амиран как бы повторяет свои недавние годы, обогащает их несбывшимися тогда желаниями и мечтами. И у него получается такая педагогика, о которой он сам не подозревает, романтическая педагогика. Как было бы хорошо, если бы Амиран, вернувшись сегодня вечером домой, мог сесть за письменный стол и написать эту романтическую педагогику. В ней не будет научных терминов,

стиль и структура тоже не будут научными. Он не знает законов воспитания, но не беда: мы получили бы в результате самое важное, узнали бы чего хотят дети, как они хотят устроить свое детское государство.

Дети жуют последние бутерброды.

- Отломите мне тоже кусочек, столько не надо, хватит! Спасибо! Вот и электричка. Спокойно, без нас она не уйдет. Все поднялись? Вспомните, ничего не забыли на вокзале? А в Армазском ущелье? А что каждый из вас везет с собой из Армазского ущелья?
 - Косте-е-е-ер! Пламя нашего костра!

IV

Последний аккорд (28 мая)

Грусть расставания

Сегодня я расстаюсь со своими ребятишками, они уходят от меня, они заканчивают начальную школу. Усиленно внушаю себе, что это радостное событие, дети повзрослели, что такова диалектика педагогической жизни, что я скоро получу новый класс ребятишек и заново буду искать в них себя.

Но все это мало меня утешает. Я же не продукцию какую-нибудь готовил, а воспитывал детей и проникся к ним не той общей любовью, с какой учитель идет к своим незнакомым еще ученикам, а любовью, соединяющей меня с сердцем и душой каждого. Я вложил в них свою жизнь, самого себя, значит, расстаюсь теперь не просто с детьми, а с Бондо, Русико, Зурико, Эллой, Нато, Экой, Виктором, Марикой... то есть с самим собой. Из моей души вырывается часть моей собственной жизни, которую не повторить никогда. Ведь мне должно быть радостно, что мои ребятишки повзрослели и теперь уходят, чтобы еще мощнее расправить крылья? И я радуюсь, конечно, но ничего не могу поделать с грустью расставания.

За эти последние месяцы весь класс стал каким-то целостным, единым. Произошло что-то интересное, наблюдав-

шееся мной и раньше, но на этот раз оно свершилось более наглядно и ощутимо.

Может быть, помните опыт, который показывали нам на уроках химии? Берешь какое-то вещество (название его я забыл) и постепенно растворяешь в воде. Вещество растворяется, становится незримым, и кажется, что в воде ничего нет. Но вот наступает момент, когда вдруг образуется в ней целостно кристаллизованное, порой очень красивое сооружение, вобравшее в себя все частицы растворенного порошка. И можешь пронаблюдать, как незримое количество переходит в зримое качество.

Нечто подобное произошло с моими ребятишками и классом в целом. В течение долгого времени я «разбавлял» в умах и сердцах ребят педагогические экстракты человеческих чувств и переживании, взаимоотношении и любви, понятий и закономерностей, мышления и суждений. Порой казалось, что многие мои усилия бесполезны. Правда, иногда я замечал блеск отдельных нравственных кристалликов, кристалликов ума. Но теперь я видел, как каждый мой ребенок вдруг выпрямился и начал излучать какое-то тепло нравственности и ума, как всех их вдруг крепко сдружили чувства заботливости, чуткости, взаимопомощи, объединили познавательная страсть и многосторонние увлечения. И мне становилось все радостнее и интереснее жить и трудиться вместе с ними. В них в какой-то степени сложился новый тип ученика, стремящегося к сотрудничеству со своим учителем, помогающего ему в своем же воспитании и обучении.

Ученик как сотрудник, соратник, помощник учителя в его педагогическом деле. Мечта! Чего же еще другого желать!

Все эти годы я стремился воспитывать их такими, но увидел такими в эти последние месяцы. Не буду преувеличивать: может быть, еще чего-то в них не хватало, может быть, не все полностью проявляли черты ученика нового типа, но было видно — кристаллизация в каждом происходила именно в этом направлении.

Новые дела еще больше сплотили ребят, они ускорили проявление и развитие заложенных в них мной раньше умений общественной деятельности. Эта деятельность увлекла ребятишек, что и ускорило процесс кристаллизации. Не могу сказать, как все это выглядело на конкретных примерах, на примере, скажем, Эллы, Сандро или Магды, ибо самыми конкретными здесь были наша духовная общность и целеустремленность.

Что еще тебе нужно, говорил я самому себе. Твои ученики, твои воспитанники выросли, ты способствовал их быстрому взрослению. А теперь они покидают тебя. Это же закономерно! Как же по-другому? Не будут же они только у тебя учиться? Ты свое дело сделал, его должны продолжить теперь другие. Радуйся этому, учитель, успокойся! Будь сдержанным, иначе твоя печаль передастся твоим ученикам, и вместо торжественного расставания выйдет нечто вроде коллективного рыдания.

Думаешь, легко детям с тобой расстаться? Они привязаны к тебе, через тебя они познали истоки нравственности, познали жизнь, сформировали и обогатили свой духовный мир. И прочными нитями отзывчивости привязали свои сердца к твоему сердцу. Сейчас эти нити натягиваются, как тонкая резина, ранят и твое сердце, и сердца детей. Это так и должно быть, и тебя должно радовать, что, оказывается, ты и дети стали друг для друга такими близкими и дорогими.

Это же результат твоих стараний, твоих бессонных ночей, проведенных над составлением партитур школьных дней, переживаний, поиска лечебных средств для ран и царапин, нанесенных некоторыми взрослыми душе и сердцу ребенка.

Если бы четырехлетняя совместная жизнь не создала между тобой и детьми такой духовной общности, душевной близости, вот тогда тебе и вправду следовало бы горевать, плакать, наказывать себя за ту пустоту и бездушие, которое ты образовал. Каждому учителю так суждено, и от этого никуда не денешься: рано или поздно ему приходится расста-

ваться со своими учениками. Пойми еще, учитель младших школьников, что в жизни твоих детей, теперь уже подростков, наступает, так сказать, период третьего взросления, если считать, что первый период прошел в дошкольном возрасте, а второй — в начальных классах. В конце концов, куда твои воспитанники уходят? Они же не на край света отправляются, всего-навсего из корпуса для начальных классов перебираются в соседний корпус, где классы постарше.

Ты их можешь видеть каждый день, будешь с ними встречаться постоянно. Они и сами станут прибегать к тебе при случае на перемене, а если порой будет у них свободное время, то попросят пустить их на уроки к шестилеткам.

Без печали, разумеется, этот день не обходится, и потому ты запиши для успокоения души своей справедливую, по всей вероятности, мысль о том, что если учитель и его ученики, закончившие начальные классы, слезами омывают радость расставания друг с другом, значит, их духовная жизнь за прошедшие четыре года состоялась.

Не лучше ли тебе взглянуть на эти четыре года с целью сделать для будущей своей работы с малышами какие-то обобщенные выводы и заключения, поразмыслить о прошлом и помечтать о будущем?

Принципы педагогической деятельности

О них я уже говорил, а теперь буду просто суммировать сказанное. Хочу предварительно заявить, что принципы эти не придуманы мною, они жили и живут в творчестве многих учителей на радость их ученикам. Они родились в народе, в умах многих мыслителей и поэтов, им посвящены трактаты и исследования. Они вошли в мою жизнь тоже, но, к сожалению, не с первых дней педагогической деятельности, а гораздо позже, по мере того, как я познавал ребенка и самого себя.

Чтобы воспитывать ребенка, нужно знать его, — это педагогическая истина. Но какого ребенка нужно знать? Абстрактного ребенка? Ребенка вообще? Такого ребенка не бывает, ибо он не сумма психических свойств, а конкретная жизнь, индивидуальная и неповторимая, конкретный духовный мир со своими радостями и стремлениями.

Кто этот ребенок, которого мама, папа, общество с таким благоговением доверяют мне, учителю, на воспитание? Кто я, которому можно доверять воспитание ребенка? Не раз я углублялся в поиски ответов на эти вопросы, и меня охватывали дрожь и волнение за мою исключительную роль в решении судьбы ребенка, но не ребенка вообще, а того, которого зовут, скажем, Илико или Нико, Тея или Элла. Я решал их судьбу, может быть, не полностью, но направлял их жизнь, выправлял, развивал и лечил тоже. Я посеял в жизни каждого из моих тридцати восьми ребятишек семена нравственности, убежденности, устремленности, которым предстоит еще дать всходы в скором или отдаленном будущем, если будет благоприятствовать жизненная погода.

Имел ли я право ошибаться, если моя воспитательная работа в начальных классах далеко опережала сегодняшнюю жизнь детей, если ей предписано было влиять на эту жизнь и в будущем? Нет сомнений, права ошибаться у меня не было...

Стремясь познать ребенка, я часто обращался к книгам, искал в них своих современных шалунов. И книги, хорошие, добрые, помогали мне. Но порой мне становилось не по себе, когда герои моей жизни в некоторых книгах превращались в какой-то непонятный мне конгломерат: то они были субъектами воспитания, то объектами воздействия, их разбирали по частям якобы с целью глубокого их изучения. И получалось порой, что у этого абстрактного ребенка есть все — и тело, и душа, и сердце, и мышление, и память, и эмоции, есть все, кроме самого главного — кроме жизни. Брал я такого абстрактного в свой класс: а ну-ка, кто на него похож? И выходило, что все мои ребятишки (от Теи, которая в

списке по алфавиту была первой, и до Нии, которая была в нем последней) составляли исключение из «научного» портрета. Почему? — удивлялся я. Как это получилось, что у меня в классе собрались все такие ребята, с отклонениями от установленных наукой закономерностей? Нет, дети как дети. Но вот проблема: какая лежит у учителя дорога к постижению азов науки воспитания, сути детства? Дорога эта долгая, тернистая, или короткая, прямая? Мой опыт твердит мне: не ищи короткой и прямой дороги, потому что нет ее. Есть только тернистая, скалистая дорога, и при страстном желании, упорстве, вдумчивости ты можешь сократить некоторые ее отрезки. На этом пути то и дело ты будешь открывать удивительные источники, они и будут нести тебе те или иные тайны воспитания твоих детей, только прильни к ним жадно, всматривайся и углубляйся в них.

Педагогика, не считающая нужным даже заговорить о силе детской жизни, ибо верит в свое преобладание над ней, может притупить деятельность педагога, внушив ему, что нужно только знать, как вырезать из полена особой породы умных и красивых детей — мальчиков и девочек. И учат такого «папу Карло» забавному ремеслу: как надо брать особого сорта полено, закреплять его в тиски, как брать острый нож и осторожно тесать из него этого обобщенного ребенка, а не Буратино, потому что Буратино шалун и может всем нам доставить много хлопот. И не нужно спешить кончиком ножа раскрывать ему рот, а то он так затараторит и так засыплет тебя градом тысяч «почему», «скорей», «ой, больно», «отпусти», что можешь забыть о своем настоящем деле — тесать его дальше. Не нужно спешить также вырезать ему ноги и руки, а то он так подскочит, что никакими тисками не удержать его, и убежит на улицу, чего доброго, продаст букварь и купит себе билет в кукольный театр. Держи его в тисках, доделывай спокойно, вдохновенно и вбивай в его голову ум, мораль, человечность...

Я давно опроверг для себя мысль, что готовлю ребенка для жизни. Давно я примкнул к мудрости великого Ушинского, что ребенок не только готовится к жизни, но он уже живет. Мне нужно знать источники всех жизненных коллизий ребенка. Знать не для того, чтобы придумать более совершенные тиски для укрощения его энергии с целью ее педагогической обработки, а для того, чтобы самому влиться в эту энергию со своей педагогикой с целью преобразования ее в более высокие формы жизни. Ибо моя педагогическая жизнь убедила меня в том, что воспитание ребенка в действительности означает воспитание жизни в ребенке. Учитель должен воспитывать не ребенка, а жизнь в ребенке.

Пусть учитель читает педагогику, психологию, методику, пусть читает он классиков педагогики и черпает в них мудрость, пусть он всегда находится в курсе научных открытий в области воспитания и обучения детей, пусть постоянно перенимает опыт новаторов. Все это отлично, это один из хороших способов сокращения извилистой тропинки, ведущей к педагогическим тайнам. Надо похвалить учителя, подружившегося с наукой и передовым опытом. Но это не все. Пока учитель сам не откроет в себе исследователя жизни своих ребятишек, он не будет располагать достоверными знаниями о них. Истинным достоянием для учителя становятся только те педагогические тайны, которые он открывает сам в своей творческой лаборатории, пусть даже вслед за тысячами и миллионами других учителей. В этой лаборатории должна быть познана Марика как уникальная жизнь, должен быть познан Бондо как совокупность конкретных обстоятельств.

В этой лаборатории должны быть познаны все остальные, каждый в отдельности, но обязательно с учетом их коллективной жизни.

Аюди живут друг для друга, и в этом заключается высочайший смысл их человечности. Но чтобы жить именно

так — друг для друга, на радость друг другу, вместе, — каждый из нас должен иметь собственную жизнь и свой духовный мир. И если я в классе организовываю общую жизнь, увлекательную и радостную, и если дети с большой охотой включаются в нее, отдаются ей всем сердцем, то это вовсе не значит, что тем самым я приостанавливаю в каждом его собственную жизнь, опровергаю ее, не считаюсь с ней, а хочу этой общей жизнью перекрыть все остальное, чтобы она стала единственной для всех жизнью. Общая жизнь, общие цели, общая радость, общее горе нужны мне для того, чтобы открыть каждому истинный источник для обогащения, одухотворения собственной, личной жизни. Они нужны мне еще и для того, чтобы расположить детей к себе, к своему учителю, заиметь право войти в жизнь каждого из них со своей педагогикой. А какая должна быть у меня педагогика, чтобы дети доверчиво впускали меня в свою жизнь? Она должна быть чистая, красивая, радостная, добрая, оптимистическая, поступательная, созидательная, а если одним словом сказать, она должна быть жизнеутверждающая. Она должна быть такой не только по своей цели, но и, что самоесамое главное, по своим средствам, способам достижения цели. Воспитание — тот исключительный случай, когда цель не может оправдать средства, когда именно средства, именно способ общения и должны возводить и украшать цель, когда средства сами должны стать частицами цели. Эта педагогика нужна мне для того, чтобы, перефразируя Горького, заглянуть в ребенка и где-то в затаенных уголках его души открыть волшебный бубенчик, а потом затронуть этот бубенчик осторожно и тем самым дать возможность зазвучать всему лучшему, что есть в ребенке. Вот тогда жизнь маленького человека закипит с новой силой — многосторонне, бодро, уверенно, излучая вокруг себя добро и побеждая зло. Педагогика эта нужна мне для утверждения созидающей силы в человеке, для утверждения духовно возвышенной жизни на земле. Да, такова учительская деятельность — она

есть высочайшая забота не только о тридцати восьми учениках, но и через них о людях, о Родине, о земном шаре, о вселенной в целом, о том, чтобы жизнь никогда не погасла и никогда не приостановила свое восхождение к самому возвышенному в человеке.

И вот теперь о принципах моей педагогической деятельности. Но, разумеется, не только моей. Я их просто присвоил, а теперь считаю, что они мои. Я и жизнеутверждающую педагогику присвоил. Она родилась давно и развивается в творческом труде многих и многих учителей. Принципы же ее очень просты, как всякая истина, только нужно принять их за истину, пропитаться ими, строить на них свою деятельность.

Первый принцип — это любить ребенка. Любовь есть человеческое солнце. Солнце излучает тепло и свет, без которых не было бы жизни на земле. Учитель же должен излучать человеческую доброту и любовь, без которых невозможно воспитать гуманную душу в человеке. Ребенок становится счастливым, как только ощущает, что учитель его любит искренне и бескорыстно. Любовь облегчает воспитание, так как она есть единственная добрая сила, приносящая ребенку гармонию души, стимулирующая его взросление, взаимность и доброе отношение к окружающим. Педагогика любви не терпит грубости, давления, ущемления достоинства, игнорирования жизни ребенка. Все это составляет темную силу педагогики, педагогическое зло, которое порой способно мигом разрушить и отравить освещенную и согретую любовью и добротой жизнь ребенка, внести в нее растерянность, разочарование, злобу.

Второй принцип (он вытекает из первого) — это очеловечить среду, в которой живет ребенок. Очеловечение среды означает внимание ко всем сферам общения ребенка с целью обеспечения ему душевного комфорта и равновесия. Ни одна сфера общения не должна раздражать ребенка, рождать в нем страх, неуверенность, уныние, униженность. Несогласо-

ванность разных сфер общения в воспитании вызывает колебание души ребенка, он теряется, легко может прийти к озлобленному душевному состоянию. Тогда он начнет поступать назло другим, даже назло отцу, матери, учителю тоже, именно тогда он с легкостью найдет приют в «тихом омуте». Кому объединять все сферы общения ребенка? Учителю, кому же еще? Он должен внести ясность во все эти сферы, преобразовать их в интересах воспитания ребенка.

Третий принцип — прожить в ребенке свое детство. Это надежный путь для того, чтобы ребята доверились учителю, оценили доброту его души, приняли его любовь. Одновременно это и путь познания жизни ребенка. Глубокое изучение жизни ребенка, движений его души возможно только тогда, когда учитель познает ребенка в самом себе. Но чтобы в будущем более глубоко вникнуть в суть этого принципа, я постараюсь сделать для себя педагогические выводы из следующей мысли Маркса: «Мужчина не может снова превратиться в ребенка, не впадая в ребячество. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность! Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде?»

Вот и все главные мои мысли и принципы, в которые я поверил и с которыми встречу новый класс шестилеток.

Предчувствую возражение: «Отлично, все эти мысли и дела в какой-то степени были знакомы нам тоже, и не все они бесспорны. Но лучше скажите, как подготовлены ваши ученики ко второй ступени школы. Какие они, что они знают, что они умеют?» Да, конечно, я обязан отчитываться перед коллегами, перед родителями и перед моими ребятишками.

Перед коллегами я отчитался вчера. Педагогический совет обсудил мой доклад, мне задавали много вопросов. Сказал я следующее.

Отчет

Уважаемые коллеги!

Завтра у нас — у меня и моих ребятишек — последний, 680-й школьный день. Завтра же состоится последний, 3230-й урок. Он будет у нас прощальным. За эти четыре года мои ученики выросли и физически, и нравственно, и умственно. Раньше я мог бы рассказать вам об уровне подготовленности моих учеников с помощью цифр (от 1 до 5) и процентов. Этому языку мы давно научились, и наша школьная жизнь давно пропитана звуками, воплями, возгласами этого языка. Так вот, раньше я мог бы вам сказать, что в моем классе стопроцентная успеваемость, и было бы все понятно, значит, положение нормальное. Сказал бы еще, что из 38 учеников круглых отличников у меня 25, ударников — 10 и ни одного отстающего. И тогда все бы кивнули головой в знак одобрения: «Хорошо!» Затем я дал бы краткие сведения о том, как выполнена программа: дети научились читать, писать, складывать и вычитать. Добавил бы еще, как трудно мне было работать из-за некоторых недостаточно развитых детей, из-за некоторых строптивых родителей. «Да, — сказали бы вы, все ясно!» А будущему классному руководителю я передал бы личные дела ребят с однотипными характеристиками, вроде: «Способен, мог бы учиться лучше, но ленится. Допускает орфографические ошибки, хорошо решает математические примеры, задачи. Читает медленно. Не всегда выполняет домашние задания. Семья благополучная». И даже не задумался бы о том, что даю характеристику не самого ребенка с его жизнью, а той части программы, которую смог вложить в него.

Однако ученик — живой человек. И такие характеристики, в которых все критерии его личности основываются на вложенном нами в его голову объеме знаний, в действительности не что иное, как кривое зеркало, которое может так изуродовать доброе сердце и богатство духовного мира ребенка, что нам в этом зеркале померещится страшилище,

которого никакими средствами не воспитаешь и от которого нам самим нужно защищаться. Таким образом, я не представляю вам проценты успеваемости моего класса и не вкладываю в личные дела ребят такие мутные зеркала... простите, хотел сказать, характеристики. Во-первых, я не ставил своим ученикам отметок и, значит, нет у меня таких цифр и процентов; во-вторых, стоит ли нам, педагогам, говорить о детях оптом, цифрами, как говорят о выполнении производственного плана заводом или фабрикой.

Как же тогда я собираюсь отчитываться перед вами, что мне сообщить вам о своих учениках? Врачи составляют историю болезни своих больных. Конечно, было бы лучше, если бы они проследили не развитие самой болезни в человеке, а жизнь человека с его болезнью. Однако это дело врачей. Я же решил составить «историю жизни» каждого моего ребенка. Видите эти книжки? Их тридцать восемь — о Тее, Лери, Дато, Русико и вообще обо всех в отдельности. Возьмите, пожалуйста, их, а я тем временем ознакомлю вас с некоторыми «историями жизни». Они дадут вам представление, как я составлял все остальные истории, что в них вложил, что записал.

Вот «история жизни» Лауры. На обложке книжки я наклеил фотографию девочки, которую она сама принесла мне. Она снята в полный рост вместе со своей любимой собачкой. Снимок сделал отец во время прогулки в парке. Взгляните на девочку — она красивая, не правда ли? Но она пока еще гадкий утенок, а через три-четыре года станет первой красавицей в классе. Я это говорю не зря, к этому я еще вернусь. Вторая страница «истории» — я тут пишу:

«Девочка, единственный ребенок в семье. Жизнь ее складывается из капризов, которые охотно выполняются отцом. Мама и бабушка конфликтуют с отцом из-за этого. За девочкой в основном присматривает бабушка, которую она не слушает. У девочки есть своя комната, много игрушек, красивые платья, туфли, сапожки. Семья имеет автомобиль, девочка любит кататься вместе с отцом. Я попытался вмешаться в семейное воспитание. Отец обещал соблюдать единые требования. Это заметно повлияло на жизнь девочки в классе. Лаура постепенно стала более общительной с товарищами. После вступления в пионеры тянется к общественной работе, стала больше читать. Увлеклась коллекционированием марок, обменивается ими с товарищами. Проявляет какие-то элементы расчетливости.

В чем ей может понадобиться помощь в будущем? Третий период взросления девочка, может быть, будет переживать болезненно, а сознание своей красоты может направить ее на неверный путь. Причины волнения за будущее девочки: натянутые отношения в семье, отец собирается бросить семью, матери некогда присматривать за девочкой, а бабушке она не подчиняется. Необходимо усилить влияние школы, учителей на девочку. Ей нужен будет добрый, чуткий, близкий друг и советчик; таким другом может стать для нее классная руководительница. Поведение девочки, результаты ее учения следует рассматривать не столько как присущие ей черты грубости и невнимательности, а как следствие неорганизованной, скорее нарушенной, семейной жизни. Если положение в семье будет ухудшаться, тогда девочку могут спасти только чуткость и осторожная помощь, благоприятно действующие на ее душевное равновесие».

Уважаемые коллеги!

Раздумья о будущей судьбе Лауры заставляют меня думать о проблеме воспитания красивых девочек вообще. Мы пока не уделяем этой проблеме какого-либо внимания, она не существует для нас как педагогическая проблема. А ведь верно, что у части красивых девочек, точнее, красавиц, жизнь искривляется. Некоторые, окруженные поклонниками, начинают воображать и кроме себя никого не видят, ни о ком и ни о чем не думают. Одни, из-за своей неопытности, поддаются соблазнам. Другие привыкают к легкой жизни. Я не знаю, имеется ли тут какая-нибудь статистика, но могу

предполагать: семейная жизнь многих красавиц неустойчива, полна напряженности. И это потому, что, по моему убеждению, от природы внешне красивые девочки не приобретают нравственной духовной красоты тоже. Девочки-красавицы нуждаются в нашей специальной педагогической заботе, но какой должна быть эта забота, мы еще хорошо не знаем и не считаем даже нужным проявлять ее, а часто поступаем вопреки здравому педагогическому смыслу. Поэтому я и ставлю в известность будущих учителей моего класса: необходимо обратить особое внимание на Лауру.

На той же странице «истории жизни Лауры» я записал несколько мыслей из ее последних сочинений и дневников. Вот эти выписки: «Вчера мама с папой сильно поссорились. Мама плакала и все твердила, что покончит с жизнью. Неужели она говорила правду? Я боюсь за маму. Бабушка заплакала, я тоже начала реветь. Отец хлопнул дверью и ушел куда-то». «Папа заехал сегодня за мной в школу, и мы вместе поехали домой. Мама с папой как будто не разговаривают друг с другом. Как мне их помирить, не знаю». «Все это воскресенье я провела одна. Папа уехал в командировку, мама возвращается поздно, ей не до меня, а бабушка лежит в больнице».

Можете представить себе, уважаемые коллеги, что творится в душе ребенка? На днях она подошла ко мне и спрашивает: «Как мне спасти маму, если вдруг увижу, что она умирает?» Я успокоил девочку и объяснил также, что нужно постоянно следить за мамой, заботиться о ней, радовать ее своей добротой и успехами в школе.

В общем, я очень беспокоюсь за ее дальнейшую жизнь.

На третьей странице даются сведения о том, чему научилась девочка в начальных классах, каков уровень ее основных учебных навыков и умений. Вот мои записи:

«Скорость сознательного чтения (то есть умение прочесть учебный текст один раз и тут же пересказать его содержание) — 183 знака в минуту».

«Скорость письма при письменной речи на свободную тему — от 90 до 130 слов за 35-минутый урок».

«Скорость устного решения примеров в пределах 100 на сложение и вычитание — 6 примеров за одну минуту (в 12–15 примерах может допустить одну ошибку)».

«Объем лексики в родном языке — 7 ассоциативных слов на одно заданное слово».

«Объем лексики в русском языке — 3 ассоциативных слова на одно заданное слово».

Объем лексики я измерял с помощью следующего опыта: каждому давал написанные столбиком на листке бумаги 10 слов и просил в течение 20 минут приписать к ним как можно больше слов, какие только придут в голову.

«Умение контроля и самоконтроля: количество возможных ошибок при письменной речи (сочинение) — 4,3; количество ошибок при решении математических задач — 0,3; количество незамеченных ошибок в тексте с 10 ошибками — 2».

Последующая страница посвящается характеристике уровня развитости. Здесь я воспользовался результатами опытов, которые провели в классе научные работники: недавно они дали каждому ребенку в отдельности три незнакомые ему детские книжки объемом в 8-12 страниц и выписанную на листке бумаги цитату из одной из этих книг. Ребенок должен был определить и доказать из какой книжки могла быть выписана эта цитата, а потом попытаться найти в книге соответствующее место. На четвертой странице я записал:

«Задачу на определение того, из какой из заданных трех книжек выписана данная цитата, и нахождение соответствующей страницы решает за 7 минут».

«Задачу на достижение закономерности построения числового ряда (вроде: 15-14-12-15-20-19-17-...- продолжить числовой ряд) решает за 5-7 минут».

«Решает задачи на обобщение и логическое суждение "Если... то...") успешно».

Тут я привожу образцы задач, которые были ей заданы. Далее даю сведения о мотивах учения, которые были выявлены на основе специальных опытов и наблюдений:

«Основные мотивы учения — *интерес к предмету*, «знания понадобятся», порадовать родителей».

Специальная страница посвящена списку прочитанных Лаурой книг в 3-м классе: 14 названий (книг сказок, приключений, рассказы). Даю сведения о любимых учебных предметах девочки: это математика, рисование, музыка. Девочка занимается гимнастикой, ходит в музыкальную школу, умеет играть в шахматы.

Общее заключение, так сказать, педагогический диагноз с направлением воспитания:

«Нужно тактичное внимание к семье Лауры. Постараться предотвратить возможность попадания в ее жизнь осколков семейных неурядиц, вызывающих в ней тревожность, растерянность, отчужденность. Необходимо, чтобы среди учителей кто-то стал для нее близким человеком, другом, которому она доверится и у которого найдет и сочувствие, и совет, и поддержку, и помощь. Тогда она сможет проявить многие свои способности, будет учиться с успехом и преодолеет трудности жизни».

Чтобы дополнить рассказ о Лауре и помочь учителям сделать некоторые выводы об уровне ее подготовленности, о ее способностях, в «историю жизни» девочки я вложил некоторые образцы ее учебной и творческой работы: рисунки, аппликации, сочинения на свободную тему, решения математических задач и примеров, чертежи, кроме того, в «историю» вложена просьба девочки к своим будущим учителям. (На днях я дал ребятам задание: написать, чего бы они попросили у своих будущих учителей. Эти просьбы лежат в каждой «истории жизни».) Лаура пишет: «Любите меня, дорогие мои учителя, а я уже люблю вас, потому что вы добрые!»

А теперь о другом моем ученике, судьба которого меня также беспокоит. Это Леван. Его привели в школу с большой

задержкой в развитии. Не сомневаюсь, иные учителя сразу отправили бы его во вспомогательную школу, кстати, многие так и советовали мне. Но теперь меня охватывает дрожь от мысли, что могло бы произойти с мальчиком, если бы я избавился от него и передал бы в школу для умственно отсталых. Стал бы он там таким, какой он сейчас? В этом я очень сомневаюсь.

На протяжении всех этих четырех лет с Леваном я работал индивидуально, по специальной программе и методике, которые разрабатывал сам, советуясь с дефектологами. Мальчик научился говорить складно, читает медленно, но сознательно, умеет пересказывать, решает несложные задачи и примеры, научился говорить и читать по-русски. Особенно любит он уроки труда и вообще трудиться. Самое главное же, чего я и мои ребятишки достигли, это то, что из озлобленного мальчика мы сделали доброго и любимого всеми друга. Ребята любят Левана. Я им рассказывал, какие у меня возникали трудности в работе с Леваном, и они помогали всячески. Знали они также о пережитых им травмах и оберегали его. Был недавно такой случай: четверо мальчиков заступились за старика в парке, над которым издевались другие мальчишки, затеяли с ними драку. Леван тоже хотел включиться в кулачный бой, но мальчики сказали, что лучше ему стоять на «полундре». Ребята (в синяках) объясняли мне потом, что не хотели подвергать Левана опасности. «А вдруг получит еще какую-нибудь травму?» — говорили они.

Леван вырос у нас удивительно добрым, старательным. Мне удалось частично очеловечить среду вокруг мальчика вне школьной сферы его общения. Но я чувствую — дело пока доведено не до конца, и если окружающая Левана среда опять засорится злыми нотками, если в ней станет мало любви, заботы и внимания, то Леван легко растеряется, станет беспомощным. А если это усугубится еще и бесконтрольностью в переходном возрасте, то он, может быть, навсегда собьется с нормального пути становления человека.

Обо всем этом я записал в «истории жизни» мальчика.

Посмотрите теперь на фотографию Илико — плотный, мускулистый мальчик, доброе, умное лицо, проницательные глаза. В его «истории жизни» я записал, как он пришел к нам, не зная грузинского языка. А сейчас он свободно владеет грузинским и русским языками, сам научился читать по-английски. Очень сообразительный, догадливый, с глубоко развитой интуицией мальчик. Читает много — и художественную, и научно-популярную литературу. Мне трудно сказать о его природных наклонностях, ибо он просто страстно увлечен познавательной деятельностью, любит все подвергать критическому анализу. Однажды он спросил меня: «Объясните, пожалуйста, почему мы читаем в учебнике все эти стихи и рассказы. Чтобы их запомнить на всю жизнь?» Я сказал, что все это нужно для обогащения духовного мира ребят. Когда человек знает, что хорошо и что плохо, что такое красота речи, на каких нравственных основах строится наше общество, то он сможет принести людям больше пользы: «Я хочу приучить вас к самовоспитанию, к самообразованию, понимаешь? А этого добиться сразу не могу. Когда же постепенно изучаешь учебный материал, обсуждаешь его, то и воспитываешь в себе стремление к знаниям, понимание мира. Нам, учителям, очень трудно сразу внушить вам, какими вы должны быть!»

Илико понял. Понял он и мои объяснения о том, чему ребята должны научиться в 3-м классе по математике, и зачем вообще нужен учебник по этому предмету. А когда мы стали решать в 3-м классе некоторые задачи из учебника 4-м класса, то Илико так увлекся этим делом, что сам, подчеркиваю, сам, то есть без вмешательства и настояния взрослых, начал учиться по учебникам 4-го класса. Я заметил, что ему не дает покоя какое-то чувство, которое не терпит неполноты, незавершенности знаний. Чувство это нацеливает мальчика на познание и охват целого, на постижение сути. И если я правильно обобщаю свои наблюдения, то Илико, может быть, та-

лантливый мальчик. Схватывает все сразу, анализирует, оценивает, делает выводы, ищет постоянно. Он нетерпим также к несовершенству в нравственных поступках и потому сразу переходит к действию, как только видит, что кто-то ущемляет интересы и достоинство кого-то. Он не просто осуждает безнравственность, но может подраться за восстановление справедливости. В классе все его любят, уважают, он лидер, признанный всеми, он — единогласно избранный капитан нашего корабля «Надежда». Я не раз посылал Илико на уроки учителей четвертых классов, чтобы там он попробовал свои силы и возможности. Теперь у меня есть заключение специальной комиссии, которая рекомендует перевести Илико в 5-й класс, минуя 4-й. Думаю, это будет правильно для дальнейшего беспрепятственного развития мальчика. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что при такой познавательной способности, какую проявляет Илико, и еще при благоприятном внимании его учителей мальчик окончит среднюю школу на два-три года раньше. Полагаю, что свои способности он больше всего проявит в точных науках...

А теперь о направленности класса в целом. Здесь мне хотелось бы заострить свое внимание на следующем. Общественная жизнь детей, их нравственные ценности за последние месяцы обогащались пионерской работой. Детей мы приняли в пионеры на год раньше, да еще в ноябре. Поступление детей в школу с шестилетнего возраста, а также целенаправленная работа с ними на год раньше подготовили их к более сложной общественной деятельности. А в ноябре приняли их потому, чтобы дать детям возможность сразу прожить несколько месяцев пионерской жизни. Если принимать их в конце учебного года, то они не успеют почувствовать, какое свершилось в их жизни преобразование.

У детей очень способный вожатый отряда. Я постоянно содействую развитию инициативы и самостоятельности ребят. Отряд их организован в форме корабля «Надежда», курс которого — «Утверждать добро, бороться со злом». Ребята

увлечены новой жизнью, и она в будущем должна стать еще более интересной, романтичной, сложной.

В классе царит познавательная устремленность. Ребята умеют спорить, обсуждать, аргументировать, они любят иметь свою позицию, свое мнение. У них развита письменная речь и чувство образного слова. Больше развито в них стремление к творческой, нежели к репродуктивной деятельности. Сказать откровенно, уроки, построенные по принципу «слушай и отвечай», не смогут их удовлетворить. Их нужно сделать соучастниками урока.

Сотрудничество с учениками — вот что должно быть основой педагогического общения с ребятами моего класса. Приученные к сотрудничеству и сотворчеству, самоуправлению и самостоятельности, ребята могут не понять императивно, авторитарно, диктаторски настроенных учителей, и тогда возникновение конфликтов будет неизбежным. Я бы посоветовал учителям, которым придется вести педагогический процесс с моими ребятишками, проникнуться идеями глубинного воспитания, гуманного подхода к детям, дать им возможность и впредь утверждать свою личность, взрослеть.

Жизнь в начальной школе — это радостный процесс взросления. Период же третьего взросления, о котором я упомянул, будет проходить не совсем гладко. Это опасный период для воспитания школьника. И если учителя увлекутся только проблемами обучения, сведут процесс взросления к приобретению детьми знаний, тогда обязательно возникнет опасность, что от них ускользнут душа и сердце воспитанника, атрофируются его чувства. В этом сложном периоде взросления ученикам будет нужна чуткая помощь их воспитателей.

Вы можете брать меня в союзники. Я первый учитель в жизни моих ребятишек. И не удивляйтесь, пожалуйста, если я постоянно буду интересоваться, как живут они у вас, как ведут себя, как учатся, как вы о них заботитесь. Я всегда болез-

ненно буду переживать любое недоразумение, которое может возникнуть у вас с моими бывшими учениками, я всегда буду на их стороне, буду их защищать, но и утверждать справедливость. Я полагаю, что первый учитель должен остаться самым дорогим человеком в школе для своих ребятишек, первый учитель не имеет права не прийти к ним на помощь, если им трудно, не заботиться о них.

Первый в жизни учитель — как школьный родитель, который всегда беспокоится о своих воспитанниках, в каком бы классе они ни находились, а порой участвует в разрешении конфликтов и недоразумений между вами и ими, если только они возникнут. Вы знаете, что дети привязались ко мне, на мою любовь к ним они ответили взаимной любовью. Пусть такие отношения не раздражают вас. Помню, как одна учительница, руководитель бывшего моего класса, ревниво относилась к тому, что дети на переменах бегали ко мне или же, увидев меня в коридоре и вне школы, тоже с радостью окружали меня. Учительница эта сердилась на детей, говорила им, что они невоспитанные, что они в конце концов должны понять, что уже не дети. Бывают случаи, когда новые учителя начинают обучение с того, что выражают свое недовольство их знаниями и подготовкой. «Чему только учил вас ваш учитель?», «Как же вас воспитывал ваш первый учитель?», «Вы, наверное, в начальных классах вместе со своим учителем занимались игрой и болтовней, а не учением!» вот как порой отзываются иные учителя о первом в жизни учителе ребят.

К чему такое отношение может привести? Разве не правда, что чем сильнее любят дети своего первого в жизни учителя и чем неуважительнее о нем отзывается последующий учитель, тем больше гарантий того, что они возненавидят последнего. Отсюда пойдут и нарушения дисциплины, и конфликты, недоразумения. Если к этому добавить, что ребята входят в сложнейший процесс третьего взросления, то ситуация может еще больше осложниться. Вы должны взять меня в союзники в воспитании наших детей. Чтобы они полюбили вас, чтобы их любовь ко мне распространилась на вас тоже, нужно будет, чтобы они видели, какая у нас добрая коллегиальность, дружба, взаимопонимание. Зовите меня, когда возникнут проблемы. Порой же можно сказать детям: «Можете представить, как порадуется (огорчится) ваш первый учитель, когда об этом узнает!» Делайте меня ответственным лицом перед вами за их поведение, и я стану вашим соратником в воспитании детей. Так я закончил свой доклад.

Концерт для родителей

Наша школа вступила в полосу великого обновления.

Кому, как не нам, лучше всех знать, что реформа школы — не столько новые здания с новым оборудованием, сколько обновленный дух, который должен воцариться в ней. Мы же прекрасно понимаем, что реформа — дело наших учительских рук. Реформа школы — это я, учитель, без моего творческого участия никакая реформа школы не состоится. Учитель может и реформировать школу, и деформировать ее, и ускорить, и задержать ход ее обновления. Как сигнал тревоги зазвучали для меня строки из поэмы Евгения Евтушенко:

Должны мы бороться за детские души, должны, должны...
Но что, если под поучительной чушью в нас нету души?
Учитель — он доктор, а не поучитель, и школа — роддом.

Сначала вы право учить получите — учите потом.
Должны мы бороться за детские души прививкой стыда, чтоб не уродились ни фюрер, ни дуче из них никогда.
И прежде чем лезть с поучительством грозным и рваться в бои за детские души, пора бы, нам, взрослым, очистить свои...

Эффект «2 + 2 = 5»

Творческий процесс всего педагогического коллектива можно сравнить только с энергией солнца, дающей тепло, свет, радость, условия для роста. Рутина, отсталость могут рождать еще более прочную рутину и отсталость. Творчество же есть источник романтической практики и взлета новых идей. В психологии известен эффект «2 + 2 = 5», его называют еще и синергическим эффектом. Дело в том, что взаимодействие членов коллектива рождает психическую энергию, но эта концентрированная энергия способствует высвобождению дополнительной энергии в каждом члене коллектива. В одной мудрой книге сказано: «Обращает на себя внимание одно, казалось бы простое, явление: когда десять человек определяют свои силы порознь, то сумма их будет меньше суммы общего усилия. Это таинственное нечто будет венцом сотрудничества... Лишь общее, ритмичное усилие призывает огненный запас». Если осмыслить эту идею с точки зрения педагогического общества, это будет

означать, что учителя, объединив свои творческие усилия, могут «свернуть горы».

Синергический эффект я не раз испытывал на себе. Вот пример. В конце коридора находится класс Наны Иосифовны. Ее класс тоже всегда перегружен учениками. Нельзя винить родителей, которые, прежде чем привести ребенка в школу, хорошо осведомляются, какой там самый лучший учитель, чуткий, творческий, а затем настаивают, чтобы ребенок был зачислен именно в класс этого учителя. Самолюбие некоторых коллег ущемляется, но выход здесь один: когда с тобой трудится такой мастер педагогического дела, то тебе нужно тоже стать мастером, иначе рядом с ним всегда будешь выглядеть бледно. Есть еще опасность: если у тебя недостает высокой нравственности, ты можешь стать злобным, раздражительным, недобрым по отношению к коллеге. Но для меня Нана Иосифовна есть источник синергической энергии. Присутствуя на ее уроках, я всегда чувствую прилив своих сил, мыслей, страстное желание самому побыстрее попробовать сделать так. А она ничего специально для меня, для своих коллег не делает, она просто живет на уроках с такой увлеченностью, что забывает обо всем другом на свете. Представьте себе взрослого ребенка среди маленьких детишек, стоит она у доски, решает задачу и не может понять, почему 7х7 будет 49; или же упорно оправдывает мальчика, который обманывал крестьян, что на его стадо овец напал волк («Ну и что же, что обманул, нельзя, что ли пошутить, он же еще маленький, зачем его порицать»). И ученикам приходится «объяснять» своей учительнице, почему и в чем она ошибается, нужно доказать ей, что у математики свои законы, а нравственные нормы потому и существуют, чтобы уважать и соблюдать их. Есть у Наны Иосифовны одно такое танцующее движение, которое делает ее очаровательной. И есть еще удивительное звучание голоса: в нем и строгость, и радость, и огорчение, но во всех этих тональностях дети слушают свет ее внутренней заботы, доброты. Надо уметь входить в класс своего коллеги не слепоглухонемым, а готовым для творческого поиска, доброжелательно, с уверенностью, что у каждого коллеги сможешь поучиться педагогическому мастерству. И тогда почувствуешь на себе этот эффект прилива необычной энергии, которую можно потратить только на улучшение своей творческой деятельности.

Разглядеть с близкого расстояния

Пора перестать бояться кого-то и чего-то. Учитель, который боится пуститься на поиск педагогических истин и собственного стиля никогда не станет творческим. Утвердить себя будет нелегко. В пределах, установленных инструкцией, можешь стать лишь хорошим исполнителем учительского дела. Знать инструкции, не нарушать их основные пункты необходимо. Но иные пункты могут связать тебя по рукам и ногам, могут осушить целебные оазисы твоего мозга. Знать инструкции, чтобы нарушать их, когда они уже не пригодны к условиям твоей работы, — для этого учителю нужна храбрость. Не пора ли руководителям просвещения научиться поощрять дерзкие поиски учителей, а не сдерживать их? Думаю, стоило бы нам написать открытое письмо руководителям народного образования. Я бы в нем написал следующее.

«Дайте нам возможность познать в вас наших учителей, умных, знающих и обязательно добрых. Административная должность не должна изгонять из вашей души доброту.

Вы приходите в школу, за вами бегают, смотрят вам в глаза, пытаются угадать через изменение выражения вашего лица, какое у вас остается впечатление, что в вас вызывает недовольство. Вы можете проронить одно слово с выражением сомнения, скажем, по поводу работы того или иного учителя, даже не углубившись в эту работу, а затем

уехать, забыв об этом многозначительном для оставшихся слове. А это непроверенное слово может навести такое несчастье на этого учителя, что тот всю жизнь будет отзываться о вас тоже недобрым словом.

Нам нужно так же верить в вас, как нужно верить детям в своего учителя. Нам необходимо верить в вашу нравственную чистоту, доброту, верить в то, что вы прекрасно знаете учительское дело, что у вас есть исключительная способность понимать учителя и его ученика.

Нам бы хотелось, уважаемые товарищи руководители, видеть в вас не людей, демонстрирующих свою административную власть, а творческих деятелей со щедрой учительской душой.

Если вы заведете правилом вашей руководящей жизни радоваться талантливым нарушениям изданных вами инструкций, узаконенных методических предписаний, то может статься, что вы сами, опережая нас, будете их менять. Тогда жизнь ищущих учителей, подвижников не будет омрачена и замутнена опасностью, что им запретят "так работать", то есть творить, помешают распространять свой опыт, будут ругать их за хорошее, перспективное, интересное для всех, но почему-то не понравившееся вам начинание. Мудрость учителей, тем более руководителей просвещения, должна заключаться в том, чтобы сквозь паутины инструкций и предписаний, пожелтевшие от времени традиции, с близкого расстояния разглядеть великие педагогические начинания.

Не пора ли кончать с голыми призывами к учителям проявлять творчество, смело внедрять новый опыт?

Давно пора, ибо эти призывы часто не гарантируются вашей же смелой поддержкой.

Когда мы видим, как туго приходится иным новаторам и подвижникам, как переходят они в "окопы", чтобы защитить себя, свою идею, свой опыт, когда узнаем, что там, где они работают, руководители им мешают, — мы возмуща-

емся. Но некоторые из нас, инертные и трусливые, сразу делают вывод: лучше следовать инструкциям и предписаниям, тогда никто ругать не станет, тебе некого будет бояться, скорее наоборот, будут хвалить за усердие, ответственное отношение к делу. Нет ничего страшнее того, когда в жизни учителя появляются червячки инертности и трусости, ибо они могут сожрать все оптимистическое нутро его педагогической совести.

Так вот, уважаемые товарищи руководители, не смотрите на нас сверху, не пугайте нас вашими частыми приказами и распоряжениями, не внушайте нам, что у вас есть право на запрещение того, что вам лично будет не по душе.

Талант среди учителей неисчерпаем, нужно только согреть его лучами доброго человеческого солнца, и тогда наше творчество развернется с такой силой, что хватит его не на одну, а на десять школьных реформ...»

Воспитатель сам должен быть воспитан

Вся история воспитания говорит о том, что дети всегда были детьми, а эпоха накладывает на жизнь и характер свой отпечаток. Но нам кажется, что именно сейчас, в годы нашего учительства, пошло такое неспокойное и дерзкое поколение, стали такие шумные дети, драчуны, крикуны, шалуны, такие непослушные, без желания учиться.

А каких бы нам хотелось иметь учеников, дорогие коллеги? Чтобы все они вдруг стали, как миленькие, глотать каждое слово наших наставлений? Этого не будет никогда! И не быть такому. Человеческое существо требует длительной заботы родных, созидательного, творческого труда многих учителей и воспитателей, требует педагогики, то есть мудрой науки о том, как вселить в души и сердца детей светлую любовь к людям и потребность вдохновенного труда для них.

И хорошо будет, если каждый учитель сам разберется хотя бы в двух величайших педагогических загадках, чудодейственную силу которых, по всей вероятности, испытали на себе многие настоящие учителя.

Януш Корчак за всю свою долгую педагогическую жизнь не проронил ни одного оскорбляющего ребенка слова, его голос никогда, ни на минуту не звучал в грубой интонации в адрес детей. Он вместе со своими учениками отправился в лагерь смерти, утешая детей, что фашисты ведут их в село. В последнюю минуту фашистский комендант предложил ему жизнь. Но Корчак ответил: «Ошибаетесь... Не все подонки!»

И пепел Корчака, как вся его жизнь, смешался с пеплом его двухсот ребятишек, отцом которых он стал добровольно.

Задача в том, чтобы уяснить себе: почему Януш Корчак погиб так же величественно, мудро и героически, как и жил? Не сказал ли он этим что-то очень важное, а может быть, и самое главное, чего не успел написать в своих книгах?

Василий Александрович Сухомлинский, в сердце которого застрял осколок фашистской бомбы, жил и трудился, мечтая сделать каждого своего воспитанника счастливым, воспитать в каждом из них глубокое чувство ответственности за человека, за людей. Любовь учителя к детям он считал единственной силой, способной очеловечить воспитание. В его школе не только лица учителей, но и стены излучали доброту, школа дышала пониманием детей, уважением к ним, в ней царила духовная общность учителей и их учеников. Василий Александрович трудился днем и ночью, не зная меры, чтобы успеть оставить нам богатство своего сердца и своей души. Находясь на грани смерти, в день первого сентября он с трудом привстал с постели, чтобы выглянуть в окно, и проронил: «Дети в школу идут, а я вот лежу!» Оперирующий врач, держа его сердце в руке, воскликнул: «Удивительно, как же он мог жить с таким сердцем?!» И опять великая загадка для нас: почему же до последней минуты жизни Василий Александрович Сухомлинский думал о детях и почему отдал он им свое раненое сердце?

Лично я уже сделал для себя вывод о том, что педагогическое общение — это как обмен веществ в организме, нарушение которого вызывает разные заболевания. Нельзя, чтобы в педагогическом общении нарушался обмен человечности, любви, уважения, чуткости, оптимизма, нарушалась духовная общность учителя и учащихся. Я еще убедился в истинности и неопровержимости положений о том, что гражданина страны может воспитать человек, который сам является гражданином высокой нравственности. Личность может быть воспитана личностью. Действительно гуманную педагогику может строить гуманной души человек.

Классики педагогики провозгласили величайшую педагогическую Истину: **Воспитатель сам должен быть воспитан.**

В этой мудрости, по моему убеждению, заключена вся суть реформы нашей школы.

Комплект прошлых стараний

Вчера после педсовета я еще долго оставался в своем классе, готовя пакеты ребятишкам. Это мои секретные пакеты. Я их начал готовить не вчера; все эти четыре года собирал материал, раскладывал в своем шкафу. Дети не имели права открывать этот шкаф и разглядывать, что там, но знали, что у меня там секрет.

«Придет время, узнаете!» — говорил я детям. Учитель тоже должен иметь свой секрет, только такой, чтобы дети знали о существовании секрета, секрета от них и для них. Пусть интересуются, пусть догадываются, пусть гадают, но секрета все равно не открою, хотя он здесь, в классе, в этом шкафу. Позже я еще надпись сделал: «Открывать запрещается! Секретно!» Интерес к секрету повысился. Несколько дней тому

назад я открыл этот секретный шкаф, начал доставать накопленный мною материал, просматривать и класть в пакеты. Однако делал это тогда, когда в школе детей уже не было.

Что это за пакеты? Зачем они? Это тоже отчеты. Мои отчеты каждому ученику, его семье. Отчеты о том, как мы работали. Я люблю готовить такие пакеты, ибо как-то по-особому прослеживаю отдельные направления всей нашей большой школьной жизни.

Какая у нас была жизнь? Может быть, ее можно сравнить с теми тридцатью восемью ручейками, играющими, прыгающими, шумящими по камням и скалам, которые вдруг собрались в маленькое и узкое русло и образовали речку? Тоже можно прыгать, можно шуметь, а как же, там же все тридцать восемь ручейков собрались. Но шалить и прыгать можно только всем вместе. Все тридцать восемь ручейков там, но они превратились в невидимок.

Нет, у нас была совсем другая жизнь. Она не поглощала все отдельные жизни, наоборот, придавала каждой новые силы, страсть, бодрость, веру, оптимизм и радость. И объединили нас всех вместе чувства любви, заботы друг о друге, о людях. В этой жизни были горечи, трудности, обиды, но все они таяли под теплыми лучами любви, радости, человеческой отзывчивости. Когда я готовлю пакет тому или иному ребенку, я как будто кладу под микроскоп его жизнь за четыре года, чтобы подробнее ее рассмотреть, а затем заглядываю в волшебное зеркало, в котором хочу увидеть его будущую жизнь, обязательно счастливую, хотя и полную трудностей, борьбы и порой даже поражений. То, что смогу узреть в этом зеркале, я и принимаю за мерило моей четырехлетней педагогики.

Что найдут ребята в пакетах, которые я так увлеченно готовил в эти последние дни?

Каждый обнаружит в нем свои тетради по письму, математике, русскому языку, рисованию, расположенные хронологически; найдет мои записи о нем, мою переписку с его родителями. Там еще конверт. Конверт я заклеил, а сверху

написал: «Открыть только после окончания школы». Откроет его юноша через шесть лет, и что он там увидит? Увидит свои размышления о самом себе, свою первую заявку о себе. Две недели они работали над этой заявкой — «Что я обещаю людям». Размышляли, писали, переправляли. А потом сдали мне, я не сказал детям, зачем мне эти заявки. Прочел про себя каждую заявку, заверил ее своей подписью, вложил в конверт, заклеил. Верю, они понадобятся детям в будущем, заставят их задуматься о своем месте среди людей и для людей.

А в целом эти толстые пакеты, по опыту знаю, порадуют ребят: вот оказывается, каким я был, ха-ха, как писал, ой, какие ошибки допускал, какие простые задачи решал, а потом уже задачи 4-го класса, сочинения... а рисунки — ой, какие они смешные...

Пройдут годы, они повзрослеют, появятся у них свои дети, вот им-то и будут они показывать свое школьное детство и, может быть, глубже поймут, что сами из детства идут.

Раньше я выбрасывал работы детей. «Зачем они мне, куда их девать, зачем они детям?» — так я думал тогда, и сдавал их в макулатуру. И понял поздно, как они, оказывается нужны детям. Понял тогда, когда у одного ученика, который вместе с другими помогал мне сдавать связанные кипы в макулатуру, вдруг порвалась веревка. Тетради рассыпались. Дети начали их собирать. Но разве ребенок возьмет что-либо в руки, не посмотрев, что это такое, а если тетрадь, то чья? «Ой, посмотрите, это же наши тетради. Это не моя тетрадь?!» — вырвалось из каких-то глубин души удивление. «Соберите быстро!» — отдал я распоряжение. Но быстро не получилось. Получилось совсем другое: они развязали подряд все кипы, и каждый собрал свой комплект прошлой ученической жизни.

Дети с удивительной любознательностью, с какой-то лаской перелистывали свое прошлое. «Зачем вы их выбрасываете?!» — спросили они меня с укоризной, и я стоял растерянный.

Вопрос, который они задали мне, их лица, полные радости от неожиданной встречи со своим недалеким прошлым, задели мою душу, мне стало совестно за свой проступок.

Так показали мне тогдашние дети, что все эти тетради (контрольные, классные, домашние), все эти рисунки, чертежи, аппликации не макулатура, а опредмеченная прожитая жизнь, часть души, и я обязан беречь их, собирать, раскладывать, чтобы затем вернуть. Это их собственность, которая не раз понадобится им в будущем.

Для моих нынешних ребятишек эти пакеты будут сюрпризом. Они ведь и не подозревали, что я так аккуратно хранил их духовное богатство, чтобы передать его в день расставания. Я вернулся вчера с педсовета в класс, чтобы приготовить пять оставшихся пакетов. Нии, Дато, Лали, Тенго, Джима. Простите, я сказал неточно, мне нужно было поразмыслить о каждом из них и написать... Нет, не характеристику, даже не пожелания, они уже написаны, подписаны, на каждом из них стоит круглая печать, и лежат они в других пакетах, которые приготовили сами ребята для своих родных. Мне нужно было написать этим пятерым о своих отношениях к ним, о своих воспоминаниях о них и вложить рукопись с этими размышлениями в пакет. Вот я и размышлял и писал сначала о Нии, потом о других.

Береги его и впредь

Здравствуй, Ния!

Не могу утверждать, но каждый твой рисунок все больше и больше убеждал меня, что у тебя дарование художника. Линии, формы, краски, гармония и какое-то иное видение действительности. Откуда у тебя все это? Да еще какая увлеченность рисованием, рассматриванием картин художников. Ты любила наши уроки искусства. И стихи Николоза

Бараташвили, которые читала нам Нато, для тебя были плотными, ты как бы видела образы стихов, говорила о гармонии цвета и формы, да еще пространства. И музыка Чайковского, Рахманинова тоже создавала в твоем воображении великолепные картины. Ты рисовала и музыку, и стихи, а мы потом их обсуждали. А картины художников Пиросмани, Гудиашвилн, Рубенса вдруг превращались для тебя в стихи и музыку.

Я учил такому восприятию образов произведений искусства и других ребят. Уроки искусства потому и были введены мною, чтобы каждый из вас умел читать произведения искусства, познавать через них жизнь человека с его судьбой, с его будущим. Думаю, моя цель частично была достигнута, но ты больше других доказала мне, как, оказывается, важно учить детей с раннего школьного возраста пониманию сути искусства. Учить тому, что искусство придумано не только для созерцательного наслаждения, но и для духовного совершенствования. Я убеждался еще в том, что неразумно учить детей рисовать, петь, читать стихи, танцевать так изолированно друг от друга, как будто их ничто не роднит, нет между ними ничего общего.

Скажу откровенно, Ния, что когда я обдумывал очередной урок искусства, я в своем воображении все время обращался к тебе. Как будто советовался с тобой. А на самом уроке все смотрел в твою сторону, мне хотелось уловить через тебя, насколько мое занятие шло интересно и насколько мои задания приобретали для всех остальных эмоционально познавательную силу...

Спасибо тебе за рисунок лошади, который ты мне подарила. Ты его нарисовала по мотивам стихов Николоза Бараташвили и Галактиона Табидзе. Когда я смотрю твой рисунок (он висит у меня в кабинете), то думаю о жизни, и обязательно о вас. В моих ушах звучит голос Нато, так проникновенно читающий стихи не для детей:

Рассекай вихри, разрезай волны, над горной кручей смелей лети, Скачи быстрее, чтоб легче были нетерпеливому дни пути. Не ведай страха, мой конь крылатый, презирай бури, презирай зной. Лети, не станет просить пощады самозабвенный наездник твой...

Ты становишься красавицей, Ния! Но больше всего тебя украшает внутреннее обаяние, из твоего сердца высвечивается доброта, вот чем ты мне нравишься. Только добрый человек может помогать людям, петь и рисовать для них, учить и лечить их. Не так ли? Так вот, не удивляйся, если скажу тебе, что ты, твое доброе сердце очень помогли мне в воспитании Левана. Сейчас у нас была бы сложнейшая проблема с ним, не будь нашей общей заботы о нем и не будь твоего доброго расположения к нему. Ты дарила ему свои рисунки, ты попросила меня посадить его рядом с тобой, ты внушила ему, что он способный, поощряла его. Ты всегда его защищала. Но не раз замечал я, как ты отводила его в сторонку и строго отчитывала. А он, опустив голову, слушал тебя. Мы все и, конечно, ты со своим добрым сердцем спасли Левана. А он, видишь, каким теперь стал хорошим, прилежным. Ну и что же, что у него еще не все получается, не всегда он ведет себя как хотелось бы. Еще немного чуткости и помощи товарищей — и он в конце концов образумится окончательно. На общей фотокарточке, которую мы сделали на днях, Леван сидит у твоих ног, наверное, в надежде, что ты и впредь также терпеливо и требовательно будешь его наставлять, защищать и помогать ему.

Знаешь, Ния, чем еще ты порадовала меня? Помнишь, записал я вам на доске предложение, а в нем было пропущено слово. Я дал вам задание: записать слово, которое больше всех других соответствует правде. Такие задания я давал вам часто с целью помочь делать некоторые нравственные обобщения. Предложение было такое:

Истинно щедрым может быть только... человек.

Какой человек? Не всякого человека назовешь добрым, иные маскируют свои злые намерения внешне «добрыми» поступками. Я дал вам пять минут на размышление, после чего вы должны были записать в предложение нужное определение. Ответы ребят были разными: «умный», «храбрый», «богатый», «бедный», «хороший», «честный», «простой», «чуткий», «человечный». Но все решили, и я тоже, что ты нашла более правильное обобщение и что, конечно, только трудолюбивый человек может быть щедрым, ибо он поделится с людьми тем, что заработал своим потом... Учителю рисования я уже говорил о тебе. Он очень умный, любящий детей учитель. Показал ему твои рисунки. Он сказал, что ты подаешь надежды и что он примет тебя в свой кружок рисования.

Не бросай рисования, Ния! Я так верю, что когда-нибудь люди будут радоваться твоему таланту, твоим картинам, книгам и спектаклям, которые ты оформишь...

Вот и пролетели четыре года нашей школьной жизни. Ты уйдешь от меня, потому что тебе нужно еще взрослеть, умнеть. Но ты оставляешь мне радость, что была у меня такая хорошая ученица, она многому меня научила и стала мне другом.

В добрый путь, Ния!

Верить в интуицию

Здравствуй, Тенго!

Я не могу расстаться с тобой, не принеся тебе мои извинения. «За что?» — удивишься ты и, конечно, даже виду не подашь, что от того недалекого события в твоей памяти осталось хоть что-нибудь. «Пустяки, — скажешь ты ради моего успокоения, — стоит ли вспоминать? Все забыто!» Но я же знаю, какой у тебя в душе осадок остался. Прими

это письмо с моими извинениями и раскаянием, иначе мне тоже не будет покоя.

Что же такое тогда произошло, что так взбудоражило наш класс и вызвало столько недоразумений и огорчений? Попытаюсь сделать анализ случившегося, и ты сам увидишь, в каком я оказался положении, какую допустил ошибку.

Кто-то... не буду называть его имени, и ты, пожалуйста, сам, прошу тебя, никогда в жизни не пытайся узнать, кто он был, ибо он станет тебе верным другом... Так значит, этот кто-то взял у Мишико вычислительную машинку, и когда обнаружилось, что машинки нет, вдруг ты достал ее из-под парты и сам был страшно этим удивлен.

Я педагог и могу читать на лице ребенка его душевное состояние, могу чувствовать, что он переживает, могу разобраться, насколько он искренен. Так вот, я почувствовал, что ты был ни при чем. Машинку передали Мишико, и я сказал ребятам, что это — недоразумение и давайте не будем распространяться по этому поводу, никому об этом не будем говорить, в общем, забудем. И Мишико согласился, что дома об этом никому ни слова не скажет. Так договорились все, но я понимал, что вопрос у ребят все же остался открытым.

Потом у того же Мишико пропала красивая авторучка, и он поднял шум.

У нас такого раньше никогда не бывало. Но у меня был опыт прошлых лет и уже сложившийся принцип действия: ни в коем случае не объявлять обыск ранцев, парт, карманов ребят. «Найдется, где-то, наверное, валяется, а мы не видим. Кто-нибудь в конце концов обнаружит и положит на стол!» — так говорил я всем, и почти всегда проблема решалась положительно. Но какие я принимал потом педагогические меры, это другой разговор, тебе это не важно знать.

На этот раз я тоже сказал Мишико (но слушали все): «Не бойся, твоя авторучка сама найдется». Хотя меня охва-

тило беспокойство: в нашем классе такого не должно было быть. На уроке, когда я попросил всех достать учебники, ты вдруг радостно закричал: «Нашел авторучку!» — и вынул ее из своего ранца. «А почему она была там? — удивились ребята. — И вычислительная машинка была там!» Ты только потом сообразил, что тебя обвиняют в чем-то плохом. «Откуда я знаю?» — сказал ты огорченно и заплакал.

Я еще острее почувствовал, что это не ты, ты на такое не способен. Ты честный, это кто-то другой подсунул тебе вычислительную машинку и авторучку, и почему-то все это было именно Мишико. Когда ты сидел за партой и плакал, закрыв голову руками, я дал понять, что надо немедленно прекратить болтовню и успокоить тебя.

Ох, если бы ты знал, Тенго, какая нужна учителю сильная интуиция, как необходимо верить ей, а не только внешним признакам и совпадениям! Моя интуиция говорила тогда: «Тенго не виноват, и виновного тоже не ищи, не объявляй его розыск... Принимай меры, чтобы Тенго в глазах ребят был оправдан!» И я последовал этому зову. «Ребята, — сказал я всем, — у нас никто не присваивает чужие вещи, но такие мелкие предметы сами тоже умеют теряться, как теряется порой у мамы ребенок на улице. Тенго простит нашу несдержанность, а мы поблагодарим его, что он обнаружил авторучку. Договорились?» Да, ребята охотно согласились, что такое тоже бывает.

Ты ушел в этот день домой с раненым сердцем, а я остался озадаченным. В ту ночь я все решал эту задачу, не прибегая ни к чьим консультациям, и наконец приметил этого «кого-то».

Но ты, Тенго, должен понять меня: мой долг не в том, чтобы разоблачить ребенка, а в том, чтобы помогать ему, и мне нужно было помочь этому «кому-то».

Может быть, не было бы необходимости извиняться мне перед тобой, если бы не случай, который произошел на другой день и который я мог предотвратить.

Вечером того же дня мне позвонила мама Мишико и сказала, что собирается завтра прийти в школу, поговорить с детьми и проучить этого Тенго. Я запретил ей это делать и сказал, что Тенго тут ни при чем, тут какое-то недоразумение. «Так у вас могут вырасти воры!» — бросила она мне. И мне показалось, что на этом все кончилось. Но на другой день она встретила тебя у входа в школу и в присутствии нескольких товарищей и учеников из других классов «проучила» тебя. Ты заплакал и побежал обратно домой.

Как только ребята, возмущенные поведением мамы Мишико, сообщили мне, что Тенго вернулся домой, я сразу позвонил твоей маме, объяснил ей все. Но ты в тот день в школу все же не пришел. Ребятам я откровенно сказал: «И Мишико поступил плохо, что не сдержал слово, настроил маму против своего товарища, и его мама тоже поступила плохо и бестактно, что обвинила ни в чем неповинного, честного и правдивого мальчика».

Когда на другой день ты пришел в класс с каким-то испугом на лице, помнишь, как радостно и аплодисментами встретили тебя ребята...

Как будто вся история тут и заканчивается. Все предается забвению, чего же еще? И ты постепенно восстанавливал в себе уверенность, не проявлял никакого зла по отношению к своим товарищам, продолжал дружить со всеми.

Спасибо, Тенго, что у тебя такая широкая и добрая душа. Осадок в ней, конечно, остался, горький осадок, не дающий покоя душе, но в нем таилось зло не на кого-нибудь из твоих товарищей, а на вычислительную машинку и авторучку, которые так коварно залезли в твой ранец. Пройдут годы, и этот осадок то и дело не будет давать тебе покоя. Вот почему я хочу рассказать тебе, что было дальше.

В последующие дни я осторожно наблюдал за этим «кем-то», и когда он уже в третий раз собирался сделать тебе то же самое, оставил его после уроков и поговорил с глазу на глаз. Он признался. Признался и в причинах, по-

чему он так к тебе отнесся. Об этих причинах я тебе говорить не буду. Он понял, что это было подло с его стороны, и слезы раскаяния катились по его лицу. Что же я мог сделать? Вывести его перед всем классом на чистую воду, заставить заняться самобичеванием? Но во мне, как и прежде, когда я думал о тебе, заработала педагогическая интуиция, и она твердила мне: «Пощади этого мальчика, если ты хочешь воспитать его. Он такого никогда в жизни больше не сделает. Он станет настоящим другом Тенго. Они будут любить друг друга. А истина сама восторжествует в их дружбе, без морального избиения этого мальчика. Дружба их будет торжеством справедливости. Разве не к этому ты стремишься?» Вот к чему призывала моя интуиция, и я поверил ей. И если я тебе пишу это откровение, то хочу сгладить добрым чувством благодарности и извинения тот осадок горьких переживаний, который у тебя остался. Ты великодушен, ты все поймешь.

Что же мне нужно тебе сказать? Да, вот что: не поддавайся легким развлечениям, тебе надо входить во взрослую жизнь через чувство ответственности перед людьми, ближними и даже незнакомыми, через стремление к труду, а не через подражание дурным манерам и привычкам некоторых взрослых. В общем, ты хорошо знаешь, что я имею в виду...

Будешь время от времени ходить ко мне — доставишь радость. У нас всегда будет о чем поговорить.

В добрый путь, Тенго, попутного ветра твоему кораблю!

Шалость — мудрость детства

Здравствуй, Лали!

Ты долго была у меня самой тихой и послушной ученицей. Но моя педагогика говорила мне: надо расшевелить эту девочку, сделать ее беспокойной. Когда мы шли в парк, ты всегда предпочитала сидеть рядом со мной, не прыгать, не бегать, не шуметь. Ты больше любила соглашаться, чем сомневаться, сказать «нет». Выполняла все поручения так, как тебе говорили, точно. В общем, ты была как кукла, которую как поставишь, так и будет стоять.

Иные учителя радуются таким ученикам, с ними хлопот мало. Твои родители, кстати, говорили мне то же самое: девочка — золото, ничего не требует, голоса ее не слышно, во двор ходить и шалить не любит, услужливая, всегда всем довольна.

Все это мне, разумеется, понятно: быть внимательной и чуткой к людям, помогать маме в домашних делах.

Мысли, которые вдохновляют

 $(\Pi \gamma mb = \Delta ao - npum. ped.)$

То, что дано Небом, называется природой.

Согласное с природой называется Путем.

Упорядочение Пути называется Учением.

Никто не в праве отойти от Пути; то от чего можно отойти, не есть Путь.

Середина — это великий принцип для всего мира; гармония — это великий Путь вселенной.

Путь стоит близко к людям; далекое от них не есть Путь.

Искренность — это небесный Путь. Осуществляющий искренность есть человек Пути.

Достигший Пути, хотя бы он не был умен, — тверд в своих действиях. Он слаб телом, но силен духом.

Дела мудрецов — Путь для всего мира; поведение их — закон для всего света; слова их — постановления для всей земли. Стоящие далеко от них будут смотреть на них; стоящие близко к ним будут любить их.

Конфуций. Антология Гуманной Педагогики

Семья, учителя совместными усилиями воспитывают в детях такие черты характера, а ты прямо-таки родилась воспитанная, во всем порядочная.

Но я все же тревожился. Ребенок не шалит, значит, чтото теряет, значит, что-то важное в нем не проявляется и не развивается. Оно еще спит в нем, а если так пройдет все детство, ведь потом никакими силами его не разбудишь!

«А почему вы не хотите, чтобы ваша дочка шалила?» — спросил я твоих родителей. Они удивились. О чем это учитель говорит? Я попытался объяснить им, что речь идет не о злодеяниях ребенка, а о форме его жизни. Если ребенок шалит — нужно думать, что в нем пробуждаются и развиваются, притом бурно, в темпе, интеллектуальные, физические, духовные силы. Шалость — это не злокачественная опухоль, которая может погубить ребенка, если ее сразу не удалить, а мудрость детства, которую надо понять, постичь и развивать.

Отец твой смотрел на меня с изумлением. «А вы умеете шалить?» Нет, говорит, зачем мне шалить? И я сказал твоему папе категорически: «Вы сегодня же вместе с дочерью начнете шалить. Скажем, для начала будете из стульев строить в квартире корабль, залезете в него. У-у-у-у! — загудит корабль и поплывет по комнате. Вдруг в океане шторм. Корабль сильно качает, надо спасаться... Увидев это, мама сразу запротестует. "Немедленно поставьте стулья на место! — прикажет она. — Стулья не для того, чтобы в квартире из них корабли строили, да еще гудели!" Раз мама протестует, значит, шалость получается. Можно придумать что-нибудь более хитрое. Только запомните, шалость нужна не для того, чтобы научиться видеть необычное в обычном».

Ну конечно, шалость такая вещь, которой сопутствуют опасности. Что же, пусть взрослые проявят максимум внимания, чтобы шалость не переступила границы дозволенного, чтобы с ребенком ничего не случилось, пусть взрос-

лые наставляют его, как ему вести себя. Это и взрослым полезно. Они поймут, что у них есть ребенок, который нуждается в воспитании.

Ребенок, по моему мнению, может взрослеть в четырех основных формах движения.

Первая форма — это нормированное взрослыми движение: что можно, нужно, чего нельзя. Вот, скажем, можно и нужно, чтобы ребенок учился, но нельзя, чтобы ребенок ленился; можно говорить тихо, но нельзя шуметь; можно радоваться не шевелясь, но плохо, если прыгаешь, кричишь, и так выражаешь свою радость, и т.д. Кстати, тут нет строго определенного порядка — одни взрослые устанавливают детям свои правила, другие — свои.

Вторая форма — это игровое движение, опирающееся на чувство свободного выбора: захочешь — будешь играть, не захочешь — не будешь играть. Никто не в силах заставить тебя играть. Ты сам решаешь, во что играть, какую игрушку взять.

Третья форма — это движение в шалости, когда нарушаешь нормы, порядки, пробуешь свои силы, идешь на риск. Знаешь, что взрослые могут запретить тебе так делать, потому порой скрываешься от них, чтобы шалить вдали от их глаз. Заставляешь их волноваться, призывать тебя к порядку, приказывать, принуждать.

Четвертая же форма — это движение в труде, когда научаешься создавать блага, заботиться о людях, утверждать себя. Вот здесь и проявятся силы, возникшие в предыдущих формах движения, — как учился, как играл, как шалил. Здесь ты завершаешь свое взросление, входишь во взрослую жизнь.

Я уважаю, ценю все эти формы движения к взрослению, они чередуются, порой смешиваются друг с другом. И считаю, что если выпадет хоть одна из первых трех форм движения, то трудовая деятельность уже взрослого человека что-то потеряет, чего-то ей не будет доставать, она в

чем-то поблекнет. В чем — трудно сказать. Может быть, ослабнет дерзание, неугомонность, поиск, неудовлетворенность. Может быть, потеряет она силу, красоту, прелесть, бодрость...

Откуда тебе взбрело такое, когда мы были еще в первом классе? Сон видела. Пришел к тебе во сне этакий бородатый старичок и внушил тебе: «Ты сейчас умрешь, тебя похоронят, как похоронили твою тетю!» Ты вскрикнула от ужаса, проснулась и давай плакать: «Я сейчас умру!» Возили тебя к врачам, успокаивали ребята, — ничего не получилось. Вот тогда я и сказал твоему отцу, что нужно шалить. Разбуженная в душе шалость перевернет там все. Шалость — сама жизнь, оптимизм, светлая вера. Разве она может смириться с тем, чтобы рядом с ней в душе бродила какая-то жалкая мысль о смерти. Шалость — властительница души, она сама может убить смерть...

Так мы с твоим отцом начали будить в тебе шалость. И скоро мы увидели тебя в школе саму на себя не похожей — веселой, радостной, шумной. И до какой степени шалость росла в тебе, я увидел во время недавнего похода, когда ты и Лери, тайком от всех нас забрались на дерево, на самую его верхушку...

Думаю, ты и сейчас смеешься, верно? Могу гарантировать, ты еще много раз, до глубокой старости, будешь смеяться от души, когда всплывет в твоей памяти ситуация, в которой все мы находились (а она такая комичная, что часто будет напоминать о себе). Представь такое: взрослая Лали смотрит за своим ребенком, чтобы тот ничего не напортил, и вдруг на нее нападает смех. «В чем дело, мамочка, почему ты смеешься?» Но мама смеется потому, что забралась она в своем воображении на дерево и целится оттуда желтыми ягодами в головы своих товарищей, а они, не понимая, в чем дело, злятся друг на друга. Говорю это с уверенностью потому, что мне и моя девяностолетняя бабушка рассказывала, как шалила в детстве, припоминала

свои шалости во всех красках и подробностях и смеялась, как ребенок...

Опять возвращаюсь к тому, как мы искали тебя и Лери, а вы на верхушке дерева смеялись. Когда, наконец, мы обнаружили вас, вы уже громко хохотали. Мы злились на вас, ругали вас, но и завидовали вам. А потом помогли вам слезть с дерева. «Лезть на дерево можете, а слезать боитесь?» — иронизировали мы над вами. Ты была в царапинах, долго потом у тебя болело колено, ты хромала, но ничего, ты смехом своим лечила себя.

Почему все это я тебе рассказываю? Почему делюсь с тобой своими педагогическими взглядами? Потому, что ты одна из тех, в ком я вижу черты будущего учителя. Не знаю, насколько мое предсказание может оправдаться, но дело в том, что ты была просто блестящим моим ассистентом в 3-м классе. Приходила раньше, готовила мне доски: мы вдвоем записывали на них задания, упражнения, мудрые изречения. Ты сразу подавала на уроке мне нужные приборы, знала, когда на какую часть отодвинуть занавески. Ты и Эка порой заменяли меня, когда мне нужно было пойти на открытый урок коллеги. Только об этом я сообщал вам заранее и готовил вас. А потом, когда я возвращался, ребята рассказывали мне, какой получился интересный урок. Если ты станешь учителем, то я научу тебя своему мастерству, и ты пойдешь еще дальше, ибо пробужденная в детстве шалость не даст тебе покоя, не допустит, чтобы ты не творила, не искала.

Кое-какими педагогическими мыслями я и раньше делился с тобой, когда у тебя родился братик. Твой отец через тебя попросил меня сообщить ему какой-нибудь главный принцип, которому можно было бы следовать в воспитании ребенка. Тогда я, чуть перефразируя мысль древнейшего педагога Марка Фабия Квинтилиана, передал тебе записанный на листке бумаги принцип: как только в семье родится ребенок, родители должны возложить на него самые

лучшие надежды. Это сделает их более заботливыми с самого начала.

Потом ты говорила мне, что по просьбе отца ты переписала эти слова на большом листе бумаги и повесила в прихожей. Кто придет в ваш. дом, прочитав плакат, будет знать, как у вас воспитывают детей.

Милая моя Лали! Как бы не забыл я сказать тебе большое спасибо за радость, которую ты доставила моей маме. Ты передала мне запечатанный конверт, разрисованный. «Передайте это вашей маме, пожалуйста!» А когда моя мама прочла письмо, которое ты туда вложила, она прослезилась. Ты и несколько твоих товарищей благодарили ее за то, что она воспитала меня и что я такой учитель. В общем, мне неудобно цитировать его дословно, но не скрою и скажу: вы меня наградили самой высшей похвальной грамотой и десятикратно усилили во мне бодрость и уверенность.

А теперь прощаюсь я с тобой. Приходи в сентябре, посмотри, какие у меня будут шестилетки. Я им гордо скажу: «Видите, это Лали, моя бывшая ученица!»

В добрый путь, Лали, успехов тебе!

Разрушенный союз богов

Здравствуй, Джим!

Все эти четыре года меня волновала твоя судьба.

Не стану перечислять тех специальных мер, которые я принимал, чтобы перебороть закравшееся в твою душу какое-то туманное чувство превосходства над всеми остальными. Ты уже был заражен этим чувством, когда твоя мама привела тебя в наш класс. И несмотря на мои противодействующие меры, это чувство в тебе усиливалось. Я все пытался разобраться в твоей «истории жизни». Тебя

привозили в школу на «Волге», после уроков (тебя родители не оставляли на продленке) отцовская служебная машина ждала тебя, а мама возила тебя или на музыку, или к учителю английского языка, или на теннис. Ты садился в машину так важно, как делал это твой отец, а ребята смотрели на тебя и смеялись. «Вот маленький министр», — говорили они. В тех исключительных случаях, когда ты оставался до конца дня и уходил вместе с ребятами, на твое достойное «министра» «Садитесь, кому по пути, подвезу» редко кто откликался. А дети ведь любят кататься на машине, тем более на «Волге». Они не садились потому, что ты ушемлял их достоинство. Но когда приезжал на своей старой машине отец Вовы, восемь-десять ребятишек так и лезли к нему. Почему? Задумывался ли ты когда-нибудь об этом? Ты все важничал перед ребятами своим костюмом, своими ботинками, своими джинсами — джинсы американские, с 15 карманами! Вот мы провели каникулы в Бакуриани, и ты был в таком спортивном костюме, какому позавидовал бы любой чемпион. Но мы еще другое в тебе обнаружили: не нравилась тебе никакая еда в столовой турбазы. Борщ был невкусный для тебя («Фу!»). Каша была противная, котлеты тоже не были похожи на котлеты. Мы все ели с аппетитом, а ты создавал нам проблемы. Да еще хвастался, что у вас дома за столом всегда есть и то, и другое, и третье... Дети слушали тебя не с интересом, а для того, чтобы понять, с кем они имеют дело. Если бы ты знал, сколько раз спасал я тебя от гнева и возмущения ребят. Я наставлял их (конечно, без твоего присутствия), что тебя нужно понять, что у тебя очень чуткое сердце, ты всех их любишь. Они слушали меня, но потом фактами твоего к ним грубого отношения, недружелюбия опровергали мои слова.

Чтобы понять тебя, я пришел к тебе в гости. Спасибо за щедрый прием, который оказали мне твои родные — мама, бабушка, дедушка. В твоей просторной комнате меня ошарашили американские журналы с непристойными фото-

графиями. «Их папа привез!» Зачем? Кому? Неужели тебе?! Я там впервые увидел такие электронные игрушки, тоже привезенные папой из каких-то стран. Их я уничтожил бы сразу — эти автоматы и пистолеты, эти ракеты, эти бомбардировщики, всю эту военную технику. Мне захотелось еще разбить вдребезги твое видео, по которому ты мне показал фильм ужасов. Во всей квартире царствовал культ вещей, царствовала страсть подавить любого, кто войдет в этот дом, тяжестью и блеском хрустальных ваз и люстр, мебелью, покрытой целлофаном, картинами, которые, как объяснила мне мама.

стоят очень дорого, посудой, антикварными вещами. «Видите, — говорила мама, — Джим у нас один, ему все условия созданы, чтобы он вырос хорошим человеком, как папа...» Ты — папин сын. Он большой человек. Никто в семье тебе громкое слово сказать не посмеет. Ты можешь пожаловаться ему, и тогда твоему обидчику — бабушке, дедушке, маме — не поздоровится. Если кого ты слушаешься, то, разумеется, папу. Папа возит тебя в гости к себе на работу, где ты научился нажимать кнопку, чтобы вызвать секретаршу.

Твои родные рассказали мне обо всем этом как будто в шутку. Мама говорила: «У нашего Джима имеются все условия!» Но ведь если говорить прямо, тебе не создали никаких условий, чтобы ты рос достойным человеком. Разве созданы условия, чтобы воспитать в тебе сочувствие к другому человеку, ну хотя бы к бабушке, которая еле передвигается, а ты ленишься принести из ее комнаты очки? О каких условиях воспитания заботливости в тебе можно говорить, когда в семье царит полная беззаботность? Как ты можешь понять, что значит человек-труженик? Кто из наших ребятишек ходит к тебе поиграть твоими игрушками? Никто! Почему ты не приносишь игрушки в школу, как делают все? Испортятся! Что это за условия: журналы с непристойными фотографиями? Нет, мальчик, у тебя дома нет условий для духовного возвышения.

Условия воспитания твои родители путают с условиями, способствующими перерождению духовных ценностей... Это меня страшно напугало. И я на другой же день написал твоему отцу откровенное письмо. Ты стал почтальоном между мной и твоим отцом. Я объяснил ему, что необходимо выбросить из твоей комнаты весь этот загрязняющий и отравляющий твой духовный мир хлам, эти журналы, эти игрушки, эти фильмы. Объяснил также, почему нужно, чтобы ты жил обычной жизнью ребенка. Просил впредь не покупать тебе таких игрушек... Ты принес мне ответное письмо твоего отца, короткое, с нотками раздражения. Надеюсь, ты не был осведомлен о содержании нашей переписки. Возвращаю тебе эти три записочки твоего отца в ответ на мои пять писем. Пусть хранятся они у тебя вместе с моими письмами. Хотя твой папа трижды успокаивал меня, что впредь будет придерживаться умеренности в твоем, как я понял, материальном обеспечении, тем не менее, суть его записок меня поразила: «Пусть вас не волнует, каким человеком станет мой сын. Мы справимся с его воспитанием сами. Вы только хорошо учите его».

Что же получалось? Значит, нарушается союз земли и воды, союз семьи и школы, союз двух богов, от которых зависит воспитание ребенка? Значит, один бог отвергает другого?

Тогда я решил призвать на помощь твое благоразумие, помочь тебе увлечься чтением, подбирал для тебя книги, в спектаклях нашего кукольного театра специально давал тебе роли чуткого мальчика, доброго дяди. Решил порой не сдерживать возмущения детей твоим грубым поведением. В общем, старался хотя в какой-то степени задеть затаенный в душе твоей бубенчик. Но ни я, ни ребята не смогли добиться этого. А в том, что в тебе есть бубенчик, я не сомневаюсь, хотя боюсь, как бы он не заржавел. Боюсь еще того, что вдруг не найдется человека, который затронет его.

А что бубенчик этот уже ржавеет, я обнаружил на днях и был потрясен до глубины души. Мама привела тебя ко мне, чтобы пожаловаться на тебя. Она хотела, чтобы я своей учительской властью и авторитетом образумил тебя, может быть, даже запугал. «Вы только никому не говорите, не нужно, чтобы ребята узнали, пойдут еще слухи, пусть останется между нами, даже его отцу я ничего пока не говорила... В общем, крадет он у меня деньги, курить начал... по ночам фильмы по видео смотрит... Может быть, вы бы...» Ты стоял тут же, слушал, что мама говорит мне, и вдруг сказал такое, что я ушам своим не поверил. Ты выругал маму, назвал ее дурой. А за этим последовала сцена, противная, страшная. Мама резко два-три раза ударила тебя по лицу. «Весь в отца пошел... вылитый отец... вся его безнравственность...» — истерично кричала она, а ты тоже ударил маму и грозился, что скажешь все папе, вот приедет он, и сразу скажешь все...

Когда есть союз двух богов — семьи и школы, оба бога сильные, но если нарушится их союз и один из них вступает во вражду с другим, то оба теряют свое божественное начало. Так стоял я, не зная, что делать. Так же стояла твоя мать, выбитая из колеи. Мне было очень жаль ее, и еще горше было сознавать, что перед нами стоит, может быть, так называемый «трудный ребенок». Мы его сделали таким сами, а теперь он мстит нам за это. Что же будет дальше, если все пойдет так же? И вся моя гуманная педагогика кричала мне: «Ребенка можно еще спасти, только быка надо брать за рога! Надо или разрушить уклад семейной жизни, где каждый день взрослые с участием ребенка на коленях молятся перед своим тяжелым хрусталем, антикварными вещами, драгоценными в смысле стоимости в рублях картинами, золотом, тряпками, или же изолировать ребенка от такой семьи, где он может задохнуться от недостатка духовности и перенасыщения мещанством!»

На этом закончу свои размышления, вызванные крайней озабоченностью твоим будущим. Хотя ты уйдешь от меня, но расставаться с твоей дальнейшей жизнью я не собираюсь. А порой лелею в себе мечту: может быть, мальчик, не сегодня, так завтра, только не очень поздно, ты найдешь в себе силы, чтобы самому затронуть свой бубенчик, чтобы зазвучал он всем лучшим, что есть в тебе?

B добрый путь, Джим, и пусть мои опасения окажутся пустыми!

Чтобы жизнь учителя состоялась

Так я закончил свои письменные размышления о каждом ребенке. Поймут ли они, что я им написал, не слишком ли взрослым получился разговор?

Что размышления мои были обращены к взрослым, это верно. Но ребенок, которого учил я четыре года, для меня и есть взрослый, серьезный человек. Кроме того, он повзрослеет, и мои размышления будут ему интересны в будущем еще больше, чем сегодня. В моих размышлениях сейчас они поймут только самое главное, то, что оказывается, в каждом из них есть своя «искра Божия» и что я, их первый учитель, верю в них.

А что значит первый учитель? У меня сложилась строго последовательная точка зрения по этому поводу. Первый учитель должен остаться в жизни ребят не как по очередности первый человек, который начал их учить, а затем подключились многие другие. (К сожалению, часто так и бывает: в дальнейшей жизни ребят след такого первого учителя скоро исчезает, от него остаются детям только навыки чтения, письма, счета, может быть, и слезы, огорчения, бесцветность.) Настоящий первый учитель, по моему убеждению, должен остаться для ребят точкой опоры их нравственности и человечности.

Среди десятков других учителей, с которыми они будут иметь дело и среди которых они найдут своих любимых учителей, духовных наставников, первый учитель должен остаться первым добрым очагом их человечности. «Должен» не означает, что это обязанность детей, их долг. Нет, речь идет о том, что учитель сам должен сотворить себя в ребенке как первый и настоящий духовный наставник.

Могу ли я надеяться, что стал таким для своих тридцати восьми ребят? Возможно. Потому и решил написать каждому такие откровения, поговорить с каждым как со взрослым, как с человеком, с которым нужно общаться только на равных. Однако не знаю, как быть с Джимом. Мои откровения о нем, может быть, ему сейчас ни к чему, ибо обстоятельства, которые его творят, сам он изменить не может, они от него не зависят. Скорее всего, нужно апеллировать к совести, долгу, обязанности и ответственности его родителей, и, наверное, будет лучше, если мои письменные размышления я передам им. Это они должны изменить свой пагубный для воспитания сына образ семейной жизни, вступить в союз со школой. И чтобы этот союз был заключен, я буду действовать также через другие каналы, и они должны знать об этом... Да, решил я, письмо это передам папе Джима, пусть сохранит его своему сыну до поры, до времени...

...Было уже поздно, когда я закончил подготовку пакетов, перепроверил их и положил в шкаф, на котором написано «Открывать запрещается. Секретно»...

Транспорт уже не работал, я возвращался домой пешком. Шел быстро: ждет дома жена, ждут, наверное, дочка и сын. Они не заснут, пока я не вернусь. Знаю, что никто меня ругать не будет из-за того, что опоздал, что забыл позвонить и предупредить. Знают все, что я готовил пакеты моим ученикам. Вместе с членами семьи я не раз обсуждал, каким может быть последний школьный день. И вообще, спорил с ними о проблемах воспитания отдельных моих ребятишек. Они знают по именам и по лицам каждого из них. Знают Бондо, Руси-

ко, Марику, знают Эллу и Нию, знают Котэ и Сандро, Лали и Лелу... Расспрашивают о них каждый день:

«Как твой Илико? А Дато? А Дито? А Тамро? А Нато?» И я говорю, говорю, рассказываю обо всех, обо всем, оттачиваю свою мысль и утверждаю идеи, которые завтра станут моей практикой... Вот приду, мои дорогие, потерпите еще несколько минут... Извините, что так получается. Приду и скажу вам, как я счастлив, как важно учителю быть счастливым.

Улицы полуосвещены. Я прибавляю шаг, бегу. «Люди добрые, — говорю впопыхах, обращаясь к затемненным окнам погрузившихся в сон домов, обращаясь к спящему парку, к шумным фонтанам, таинственно шуршащим деревьям, единственному прохожему, который спешит пуще меня, — люди добрые, — говорю всем, — сделайте учителя счастливым! Тогда ему будет легче и радостнее воспитывать ваших детей... Он все может, все умеет! Умеет воспитывать космонавтов, рабочих и земледельцев, умеет воспитывать честных тружеников, он может воспитать их сердца и души, только сделайте его счастливым! Вам это ничего не стоит. Чтобы быть счастливым, учителю ведь нужно совсем немного».

Чтобы жизнь учителя состоялась, нужно, чтобы вся его семья, вся родня, весь город, весь мир интересовались его работой и его последнюю сводку о жизни своих учеников (о Дато, об Элле, о Бондо, о Русико и обо всех остальных) выслушивали с чувством благоговения и надежды.

Вы слышите меня, люди?

В розовых облаках

Добрый вечер, мой старый письменный стол! Надо поразмыслить, что же сегодня произошло. У меня радужное состояние, розовые облака так и плывут в моей душе и всасывают в себя горечь расставания. Мне кажется, что в нашей классной комнате сегодня звучала музыка, звучала симфония, звучал концерт Чайковского, именно та часть, третья, заключительная, которую я так люблю и которая называется «Allegro con fuoco», то есть «Быстро, с огнем». Эта великолепная музыка утверждает во мне радость и гордость за то, что смогли, преодолели, перебороли.

В ней же звучит уверенность, страсть, что и впредь сможем, преодолеем, переборем.

Рано утром я направился в школу, чтобы подготовиться для встречи с ребятами, и нес с собой партитуру последнего, 680-го школьного дня. В ней было записано все, что сегодня должно было произойти, некоторые части ее уже были согласованы с ребятами, с Амираном. Первым у нас будет, думал я, символический урок родного языка и чтения. Затем проведем символический урок математики. На этих уроках мы продемонстрируем присутствующим, чему мы научились, что мы умеем, как мыслим. На переменах каждый нарисует или напишет что-нибудь вроде пожелания на листе бумаги двухметровой длины, который я еще вчера повесил в коридоре. Далее предполагался утренник прощания: песни, танцы, стихи, речи. Нашими гостями должны были стать родители, родные, учителя, которым предстоит работать с классом дальше. После всего этого зазвенели бы наши золотые колокольчики, возвещающие окончание последнего, 3230-го урока, а точнее, окончание моими ребятишками начальной школы...

Так должно было произойти по партитуре, с которой я шел в школу.

И вот я все хочу сейчас припомнить. Нет, не в подробностях, это невозможно, а в общих чертах, — что же было сегодня, почему мы так долго не расставались и кто мою партитуру перестроил. Но мне это удается с трудом. Трудно потому, что тогда во мне смешивались разные чувства, воспоминания и мысли, спорящие между собой. События, разыгравшиеся сегодня в нашей классной комнате, теряют для меня последовательность и непрерывность. Какие-то

розовые облака то и дело укутывали меня, уносили куда-то в размышлениях, затем в этих же облаках появлялись улыбки то Дато, то Елены, то Теки, то Ники... И опять розовые облака, и мне было приятно, что так получается, что играет не моя симфония, а симфония, написанная детьми вместе с вожатым, вместе с родителями, тайно от меня... Все это в конце концов довело нас всех до слез, которые можно было глотать, ибо они не были горькими, а имели привкус доброты и благодарности...

Утром я шел в школу и все думал о том, как встречу своих ребят.

Я в новом костюме, в белой рубашке с запонками, на мне красивый галстук.

Придет Бондо, с шумом войдет в класс: «Здравствуйте». Я пожму ему руку. «Какая у тебя сила в руках, мальчик», — скажу ему.

Придет Илико, этот маленький толстячок. Он сегодня ведущий вместе с Теей. «Ну, Илико, ты прямо в пятый класс переходишь, не возгордишься? А ребят не забудешь? Покажи, какая у тебя программа?»

Придет Русико с цветами. Наверное, все девочки придут с цветами, у них так принято. Русико покажет мне книжку со своими новыми небылицами, которые она прочтет нам сегодня.

Придут Котэ и Гоча, они все время ходят вместе, эти музыканты. У Гочи в руках будет скрипка, он недавно стал лауреатом детской музыкальной олимпиады и сегодня сыграет нам пьесу, а у Котэ будет готова новая песенка, он сыграет на пианино и споет ее вместе с ребятами.

Придет Эка, моя скромная девочка: «Вам помочь?» «Ну, конечно, Эка, запиши эту цитату на доске».

Придет Майя, у нее будет грусть в глазах (ой, эти папы!), но сегодняшний день пересилит ее грусть. «Ты должна с сентября часто ко мне ходить, чтобы помогать мне воспитывать шестилеток, ладно?»

Придет Зурико, самый-самый большой шалун в мире, даже Карлсон не сравнится с ним в шалостях. У нас с ним есть свой секрет. Он придет и шепнет мне, что пока все идет хорошо...

Придут все остальные, радостные, нарядные... Они принесут такой жриамули, какой принесли в наш город стаи только что прилетевших на родину ласточек.

Посмотрю я на них и скажу самому себе: эх ты, учитель, отпускаешь таких девочек и мальчиков, когда у вас возникла общность сердец, как жаль мне тебя!

Вот так я думал, когда сегодня утром пришел в школу и направился на четвертый этаж.

Но там меня ждал сюрприз.

В коридоре перед классной комнатой я застыл от неожиданности.

Вдоль коридора построен экипаж «Надежды».

Амиран подает знак.

— Здравствуйте, учитель!

И зазвенели в окнах стекла.

Амиран докладывает мне, что «Надежда» готова провести 680-й школьный день.

И я, ошарашенный, удивленный такой встречей, обхожу вместе с Амираном и капитаном Илико, так сказать, почетный строй. И представьте себе такое: я иду вдоль строя, а каждый, к кому приближаюсь, делает шаг вперед, протягивает мне спрятанный за спиной цветок — розу, ту самую, которую вырастил Маленький принц на своей крохотной планете, и говорит:

— Спасибо!

Так я собрал тридцать восемь «спасибо» и столько же роз.

— Амиран, что это такое?

Но Амиран улыбается, ничего не говорит. Меня вводят в класс. Там много народу: мамы, папы, бабушки-дедушки. Еще нет восьми, а встреча была у нас назначена... почему так рано? ...Меня усаживают у своего рабочего стола, который

пододвинут поближе к окну... Замечаю — парты вынесены, чтобы было просторнее... Помню, капитан говорит, что мы все учителя... а потом уже появились эти розовые облака, ласкающие, светящиеся.

И вот какая получается у меня после этого запись вошедших в память впечатлений.

...Звенят золотые колокольчики... Мы все шестилетки, я шестилетка... Улыбка Теи... Первый звук м... второй звук и... третий звук р... подумали хорошенько... все вместе... и взмахивает рукой... «Мир!» — кричат шестилетки. Я молчу. Не знаю, в чем дело. У меня своя партитура... «Солнце!» — кричат шестилетки... Из розовых облаков выплывает улыбка Дато... На экране моего сознания прокручивается многосерийная лента о Дато... Опустите головы, дети, закройте глаза... я задумал число, отнял три и... Голос растворяется в музыке... Покажите пальчиками... А что это такое? Ну конечно, это улыбка Лелы выплывает из розовых облаков... Почему она так хитро улыбается, она так не умеет... Я думаю, что множество А больше множества В, а вы говорите наоборот, подумайте еще... Взрослые, что с вами происходит, вы же не дети... Какая вам учительница Лела? Математика ей трудно давалась... Не здесь ли разве учительница математики, которая ее будет учить дальше, я видел ее где-то здесь, я уже предупредил ее о Леле... Лела же вводит вас всех в заблуждение... Музыка... Из розовых облаков выплывает доброе, доверчивое лицо Бондо... Самый счастливый человек тот, кто доставляет счастье самому большому числу людей... Когда будет время, отыщите такого человека. Ох, как нужна нам лечебная педагогика, всякая педагогика должна быть лечебной... Любовь и забота — лучшие лекарства, это мудрые врачи говорят... Вот какие звучат сильные аккорды, утверждающие аккорды, сейчас и оркестр подключится... Почему Гига вошел в такой форме? Хмурится он, держит блокнот, что-то записывает, а потом его грозно отчитывает Лери... Гига кто, инспектор? Для чего нам тут ин-

спектора? Давайте скорее оркестр, такой инспектор боится оркестра. Класс затемняется. Что на экране показывают? Это мультфильм? Мы играем в парке, вот я беру Магду за обе руки, она взлетает в воздух, как будто вышла в открытый космос, и крутится вокруг меня... Нет, мы оба крутимся, оба падаем на травку... Когда это было? Улыбка Эллы просвечивает сквозь розовые облака... Беспечная у нее улыбка... Прочтите этот рассказ, кто придумает конец, тот и будет молодец... Аккорды... Аккорды русского языка зазвучали... Они ведь недавно зазвучали, тогда у нас был праздник русского языка... Мы умеем говорить, читать и писать по-русски... Нам обещали устроить экскурсию в Москву... Будет экскурсия... Звенят золотые колокольчики... Взрослые, что с вами стряслось? Эти девочки слова не могли сказать по-русски, а теперь стали вашими учителями? Какие удивительные облака! Они превращаются в разные образы, преобразуются в Майю, нет, в улыбку Майи... Этой улыбке недостает счастья. Раньше было оно у нее, а теперь нет его... Сердце Майи что-то колет, надо ей помочь, надо поделиться с ней своим счастьем... Донорское счастье. Не будьте злыми, папы, будьте добрыми, мамы... А то девочке будет плохо... Надо самому быть светлым человеком, чтобы воспитать светлого... Это не ночь рождает день, а день отдыхает, закрывает глаза, а мы за закрытыми глазами дня остаемся и думаем, что наступила ночь... Это не союз светлого и темного, добра и зла... Их союз невозможен... Невозможен он и в воспитании... Ночь — это окраска дня, чтобы выглядел он многоцветно, ночь нужна дню, чтобы показать нам свои звезды... звездное небо, луну, иначе мечтать перестанешь... Кто-то разогнал розовые облака... Ну, конечно, Зурико... Не бойся, мальчик, нашу тайну никто не раскроет, и папа твой никогда не будет ее знать... Хитрая улыбка у тебя, мальчик, и ум тоже хитрый, но не в плохом смысле, а в самом хорошем, пытливый ум у тебя... Дети есть дети, и давайте не требовать от них того, чего у них нет, чего мы сами не дадим им...

Аплодирую вместе со всеми, мы уже во 2-й класс перешли, а Нато читает нам стихи... Нам всем плакать хочется, и ей самой тоже плакать хочется... Дети могут не понять высокую поэзию, но могут почувствовать ее, а взрослые могут понять поэзию, но не почувствовать ее. Дети чувствуют поэзию, а мы заставляем заучивать рифмованную дидактику, рифмованную мораль, и если так пойдет и дальше, то они отвернутся от поэзии, и прежнее воспитание рифмованной морали тоже не оставит следа... Вот Елена появилась... Она улыбается, как само солнце — широко и щедро...

Давайте поговорим о человеке, чтобы знать, зачем нужно стать человеком... О руках человека поговорим... Понаблюдайте, какие бывают руки у людей... Руки матери особые руки, они умеют убаюкивать, ласкать, воспитывать, показывать правильный путь... Руки матери управляются сердцем... Зарисуйте руки отца, спросите, что они создают, чего они не допустят... Какой длины бывают руки? А эти мосты? Эти дома? Эти книги, ракеты, самолеты, поезда? Что это такое? Они — протянутые в помощь другим людям руки людей... Нравится вам, ребята, доклад Елены? А доклад Ираклия о сердце человека тоже интересный, верно... Хотите написать доклады об улыбке человека? Тогда понаблюдайте, как улыбаются люди, попытайтесь научиться читать улыбки... Запомните, улыбается сердце человека, а потом лицо, а если, наоборот, то улыбка не получится, лицо гримасничать будет... Уже в 3 класс переходим, так скоро? Золотые колокольчики звенят... Опять сильный, звучный аккорд, розовый аккорд... Плывет корабль «Надежда», и паруса его алые, и у личного состава, у каждого члена экипажа галстуки тоже алые... Ой, дорогой мой Илико! Мы же еще в 3-м классе находимся, а ты нас о теории вероятностей спрашиваешь... А Дато «Витязя в тигровой шкуре» читает, еще пристает ко мне, чтобы я объяснил ему, как понять некоторые строки поэмы... Мне не до шуток, Дато, поверь мне, не знаю я, что эта строка означает, об нее ученые копья лома-

ют, а ты хочешь, чтобы я тебе объяснил... Читай дальше, что поймешь, и то будет отлично, это будет первая твоя встреча с великим Шота, потом ты еще встретишься с ним, еще, может быть, сам потом объяснишь всем, как нужно истолковывать эту строку... Дай послушать Тамро, она розовой улыбкой улыбается... Она свои стихи читает о весне... Она говорит о том, что это птичье пение разбудило в земле фиалки, потому и наступила весна, в ее стихах земля не крутится вокруг своей оси, в них другие законы действуют, законы образов... Почему тебе нравится говорить образами, Тамрико? Они возникают в тебе сами, или ты за ними охотишься? Да, да, верно, сами они не возникают, но необходима «искра Божия»... Надо записать на доске задачу из учебника математики 4-го класса... Вахтанг пишет и решает, молодец... Потом Магда и Ния тоже решают задачи 4-го класса... И рассказы читаем из учебника 4-го класса... хватит, не нужно больше... Мы же пока в 3-м классе находимся, проверили силы, и хватит на этот раз. И опять аккорды, подключается оркестр... Теперь уже кто-то из взрослых говорит... О чем он говорит — о педагоге, о педагогике... Это верно, гуманную педагогику может писать только гуманной души человек, педагогику нельзя писать одним лишь интеллектом, интеллект нужно пропустить через доброе сердце, чтобы получилась добрая и радостная педагогика, а сам интеллект до того, пока он пройдет через сердце, должен насытиться жизнью детей, должен постоянно жить жизнью детей... Закройте, учитель, глаза... Закрываю глаза... А теперь послушайте и угадайте, кто говорит... Слова льются прямо из розовых облаков, тоже розовые слова, добрые... «Спасибо...» Это Тенго прогремел... «Благодарю...» Это Вова... Я ваши голоса узнаю... «Мы не забудем...» Это Георгий... «На всю жизнь...» Это Лали... «Люблю вас...» Это... Это... слезы мешают, не могу больше отгадывать... Вы дарите мне магнитную ленту с этими записями? Спасибо, радость какая! Какие впечатляющие эти последние аккорды концерта Чайковского для фортепиано с оркестром... Боже мой, какая это удивительная педагогика-концерт... Что это за аккорды? Что вы кладете мне на стол? Тридцать восемь пакетов? Ой, какие красивые, а что в них? Ваша любовь? Спасибо, спасибо! И вот ключи... Откройте шкаф, на котором написано «Секретно»... Берите эти секреты, только здесь не надо раскрывать, лучше посмотрите дома... А фортепиано с оркестром торжествует, звучат в душе моей последние аккорды, еще, еще... И все...

Быстро глотаем слезы, во-первых, чтобы они не покатились по щекам, а то неудобно, во-вторых же, слезы эти совсем другие, не горькие, а радостные... И потому их нужно глотать. Однако потекли две-три слезинки и хватит...

...Ты постарел, мой письменный стол, потому и беспокоюсь: не давят ли на тебя эти тридцать восемь пакетов, да еще розы, их тоже тридцать восемь, от моих стольких же маленьких принцев и маленьких принцесс, которые сегодня уплыли на корабле «Надежда» с алыми парусами... Мы коллективно сфотографировались, долго жали друг другу руки, обнимались, целовались, обещали и... расстались. Ребята сказали, что в этих пакетах каждый спрятал свою любовь ко мне. Какой драгоценный подарок! Вот я раскрою сейчас каждый пакет и буду любоваться и наслаждаться этой любовью. Но до этого давай запишу для себя «розовую» мысль, которая родилась у меня, когда я находился в розовых облаках и которую оставил мне снявшийся с якоря в бухте Начальной Школы корабль по имени «Надежда»: учитель должен выбирать себе большие цели, несоразмерные с его усилиями, и это потому, что только так сможет он возвысить своих учеников и возвыситься сам. Цели, которые превыше его самого, сделают его оптимистом, ищущим романтиком, и он сможет тогда сотворить невозможное. Он должен взяться за большие цели еще и потому, что он смертный, и он обязан утвердить на нашей планете выпавшую на его долю доброту.

Ни на что не претендуя, я хочу вынести на ваш суд, уважаемые коллеги, свой проект Клятвы. Основой ее содержания для меня послужили мои представления о назначении Учителя в обществе, об его ответственности перед Ребенком, перед детьми. Посмотрите, пожалуйста, какой клятве я служу.

Клятва учителя

Я — Амонашвили Шалва Александрович, добровольно выбрав профессию Учителя и находя в ней свое призвание, глубоко сознавая свою причастность за сохранение и процветание жизни на Земле, с полной ответственностью принимая на себя заботу о судьбе Ребенка, о судьбах детей,

Клянусь:

- любить детей, любить каждого ребенка от всего сердца;
- быть им верным и преданным;
- следовать цели раскрытия, развития, воспитания, утверждения в Ребенке личности;
- быть оптимистом в отношении любого ребенка в любых случаях.
- Обязуюсь постоянно и усердно заботиться
- о приобщении детей к высочайшим ценностям общечеловеческой культуры и нравственности;
- о развитии и воспитании в них доброты, заботы о людях, о Природе, о выживании человечества;
- об очеловечении знаний и очеловечении среды вокруг каждого ребенка;
- об овладении искусством гуманного общения с детьми, с Ребенком.

Клянусь:

- не вредить детям;
- не вредить Ребенку.

Что же мне остается сказать Вам, добрый Учитель? От всей души желаю Вам, чтобы Ваша профессиональная жизнь оправдалась.

Оглавление

ЕДИНСТВО ЦЕЛИ

I. Источник вдохновения	. 5
II. Хвала уроку	63
III. В душе пылающий костер	147
V. Последний аккорд	241
Клятва учителя	₹02

Амонашвили Шалва Александрович

Основы гуманной педагогики

Книга 6

Педагогическая симфония

Часть 3

Единство цели

Подписано в печать 01.11.16. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 17,7. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издание предназначено для лиц старше 16 лет

ООО «Свет»
107140, Москва, ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1 тел.: 8 499 707 21 20 (многоканальный)
e-mail: info@amrita-rus.ru www.amrita-rus.ru

Книга — **почтой:** 107140, Москва, а/я 37 тел.: 84992647370

Розничный магазин:

ул. Краснопрудная, д. 22a, стр. 1 Тел.: 8 499 264 13 60

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов